

A close-up, artistic portrait of a woman with long, straight, light-colored hair. Her eyes are a striking blue, and her lips are slightly parted, showing a soft smile. The lighting is dramatic, highlighting the texture of her hair and the contours of her face. The background is dark, making the subject stand out.

*Галина
Зарудная*

Я твоей стѣрах

[Посвящается тем, чья ежедневная борьба дает этому миру очередной шанс.
— Бойся, заяц, дрожи, — сказал волк. — Пока ты боишься, ты жив

ПРОЛОГ

Она стояла посреди безлюдной темной улицы и смотрела в огромный рекламный монитор.

Ночь наступила уже давно. Моросил холодный дождь, мокрый асфальт зловеще подрагивал в отблесках фонарей и вывесок.

Туфли и одежда промокли насквозь, она совершенно продрогла, но ничего не замечала.

Лишь продолжала стоять, не двигаясь, перед высокой железной конструкцией. Яркие картинки сменялись одна за другой, вспыхивали как молнии на фоне темного неба, отражаясь в ее глазах, на ее лице, одежде...

...Вот подъезжает роскошная женщина в красном кабриолете, ее встречает элегантного вида мужчина, смотрит на нее с обожанием, открывает дверцу, подает руку. Затем плавным движением, будто она хрустальная, завязывает женщине глаза. Он ведет ее в шикарный дом, где горит камин, и вручает небольшую коробочку. Женщина снимает повязку, открывает подарок — и блеск изумрудов освещает ее лицо... Сцена завершается поцелуем...

...Счастлирое лицо пожилой женщины на весь экран... Она подмигивает, давая понять, что у ее большого счастья есть маленький секрет. Появляется кадр с веселящейся семьей, они садятся за стол, муж открывает шампанское. Все сытно едят, не переставая радоваться. Женщина загадочно смотрит на членов своей семьи и снова переводит многозначительный взгляд на зрителя. Открывается секрет ее семейной идиллии — пакетик с куриным бульоном...

...Сногшибательная блондинка встречает мужчину в офисе банка и дарит ему кредитку, исполняющую мечты... И вот он выскакивает из дверей церкви где-то в Венеции, с ним молодая невеста в ослепительном платье, их осыпают рисом ликующие гости... Вот он уже держит жену за руку — они наблюдают закат над океаном... Вот они вселяются в большой светлый дом... Она провожает его на работу с малышом на руках, красивая, будто только что из салона, он садится в дорогую машину и отъезжает от дома. Женщина с упоением на лице кружит ребенка в воздухе... Логотип банка на весь экран...

...Двое друзей, неизменно улыбочивые и бодрые, путешествуют по миру: взбираются на горы, едут на лыжах, не сильно отягощенные поклажей; прогуливаются по Африке, медитируют в храме Тибета, торгуются на рынках востока, отпускают воздушного змея с верхушки Эйфелевой башни и пьют текилу в Мексике... У них тоже есть свой секрет — правильный бизнес...

...Какая-то женщина, придя с работы, грустит в интерьере красивой комнаты, но тут ей привозят домашний кинотеатр — и жизнь наполняется всеми цветами счастья...

— Глава 1

Два месяца спустя

Что-то уже давно подсказывало Диане, что проект трещит по швам.

Степа как-то неохотно навещался в офис, доверив все дела ее личной инициативе. О спонсорах, а точнее, об их вкладе в исследование, она слышала от него все реже.

Он постоянно был занят, дозвониться становилось все сложнее.

И вот, наконец, это случилось.

Степа появился в офисе как-то уж непривычно рано. Они начинали прием с девяти, не то чтобы совсем спозаранку, но в это время его так или иначе застать в офисе казалось чудом. Все встречи — ближе к обеду, вторая половина дня — просто идеально.

Но тут он позвонил ей накануне, спросил, как идут дела, и в том явно слышалось, что дела его интересуют меньше всего.

Диана стояла у окна, глядя на улицу, с грустью отмечая про себя, что холода наконец подступили на всех правах. Эта грусть перемежалась с естественной жаждой тепла, но «бабье лето» и так безнадежно затянулось, добралось до ноября.

Город пронизывали совсем уже колючие ветра, давая понять, что зима значительно ближе, чем могло показаться. В этом году осень либо мельком отметит бал своим присутствием, не успев покрасоваться в новом наряде, либо ей придется драться за право на танец с наступающей на пятки зимой.

Пора менять привычное представление о временах года, подумала женщина со вздохом, вспомнив, что точно так же она думала и год назад, и два... Что-то переменялось в течении времени, и это слишком очевидно. Может, все дело в пресловутом 2012-м? Вот доживем до 21 декабря — узнаем.

Она хорошо помнит детство: заваленные снегом зимы, буйно цветущие бутоны по весне, пылающее лето, дожди сентября...

Теперь дожди — обычное явление января, а морозы стали капризом марта. Лето перемежалось солнцепеками и затяжными ливнями. А осень все чаще задерживалась на Новый год...

Офис, по сути своей, являлся однокомнатной квартирой-студией в духе минимализма.

Кирпичные стены, покрытые белой эмалью, дубовый паркет. Подобие кухонного уголка: небольшой бар с чайником и микроволновкой. Шерстяной ковер на полу в центре комнаты, диван на металлических ножках, кресла и маленький стеклянный столик. Чуть поодаль — стеллаж с папками и книгами, камера на штативе, стол с компьютером и парочка микрофонов.

Офисы такого рода, в центральной части Львова, пользуются бешеной популярностью.

Они занимают его уже почти три года.

Дверь растворилась в девять двадцать. Всегда суетливый, халеристичный Степа в этот раз отличался излишней сдержанностью. Аккуратно стряхнул зонт в пороге, перед тем как смотал его и поставил в специальный отсек на вешалке, затем снял и повесил пальто, пригладил тонкие каштановые волосы, доходившие до плеч, и, пройдя чуть дальше, нашел Диану у окна мини-кухни.

— Привет, — кивнул он ей. Она слышала как он вошел и повернулась к нему навстречу. Диана чем-то напоминала учительницу младших классов: среднего роста, с темными

кудрявыми волосами, мягко спадающими на плечи, с задумчивыми карими глазами и строгой линией скул. Лицо ее всегда выражало сосредоточенность, но при этом не казалось угрюмым. Когда женщина улыбалась, возникало просто феноменальное сходство с молодой Матерью Терезой.

В костюме из мягкой шерсти, с поблескивающей на лацкане золотой брошью совы, она являла собой одновременно образ женственности и внутренней стойкости.

— Привет. Что за новость ты принес? — спросила она без экивоков.

— Да, Диана, вот такие дела. — Степа так же не относился к разряду людей, тяготеющих к жеванию резины. Сделал только небольшое отступление, потеряв озябшие ладони и спросил, есть ли кофе. Он знал, что есть, Диана следит за такими деталями, но явно чувствовал себя немного неудобно. Включил электрочайник, засыпал в прессинг двойную дозу — себе и ей.

Степе только перевалило за сорок. Он успел набрать неудобного жирка на бока, хоть вряд ли его можно было назвать полным, он все еще выглядел стройным, но темные деловые костюмы теперь уже чуть больше прилегали к телу и выдавали человека, не сильно склонного к физическим нагрузкам.

Пока чайник грелся он поинтересовался:

— Слушай, какая у нас была основная идея? Напомни.

— Исследование гипноза. В частности — способность вспоминать забытое, — ответила Диана.

— И что ты думаешь о результатах? — он быстро взглянул на нее.

— Больше тысячи сеансов. Полное отслеживание полученных данных. Не совпадение — семь из десяти.

Степа слушал, прислонившись спиной к столешнице, скрестив руки и поставив одну ногу поперек другой. При последних ее словах выразительно кивнул, встряхнув волосами.

— Вот об этом и поговорим!

— Семь из десяти! Семь из десяти, — повторял он несколько минут спустя, когда они прошли в центр студии. Диана села на диван, положив ногу на ногу, он вышагивал вокруг, попутно прихлебывая кофе из чашечки. — Семь женщин из десяти вспоминали то, чего никогда не было. Насилия, которые никто с ними не совершал!

— Ты считаешь, это плохой результат? — спросила она.

— Я не знаю, — мотал головой Степа. — Что он дает? Доказывает, что гипноз не безупречен? Навести на человека транс и заставить его выболтать лишнее, или отдать кошелек — пожалуйста, это под силу любому аматору! А дальше то что? Когда имеешь дело с подсознательным, что оно нам говорит? То, во что само верит? — Он остановился, и резко пожал плечами. — Что вообще такое подсознательное? Думать, что наука владеет всем тем, что пытается понять — это думать, что посредством неких манипуляций и нашептываний прекратишь этот дурацкий дождь, или притащишь лето среди зимы, а еще лучше — вернешь свои двадцать. — Он забавно хохотнул, сделал небольшую паузу и затем продолжил, возобновив и свое шагание туда-сюда, отчего Диане приходилось постоянно поворачивать голову то вправо, то влево, наблюдая за ним: — Мы знаем многое про методы внушения, но только думаем, что знаем что-то про гипноз. Вот что показывает нам это исследование! Замечательный шанс продемонстрировать, что мозг внушаем, но не более того. Но разве это

новость? А вот применение гипноза в терапии, чтобы заставить слепого прозреть, а парализованного встать — до каких высот мы бы дотянулись! — Степа театрально взмахнул ладонью, а затем обреченно заключил: — Но проще слетать на Луну и обратно, чем изучить человеческий мозг. Эта фраза уже в зубах навязла... И пока мы тут бьемся над воспоминаниями этой жизни, шарлатаны зарабатывают миллионы на всяких регрессивных гипнозах, подрывая человеческую психику и доверие к психоаналитикам в целом. Может наше исследование и разоблачило бы парочку из них, но все равно найдутся люди, страстно верящие, что спонтанная игра воображения в их голове — это память предыдущих жизней. Всегда же приятно думать, что ты был фараоном, магом или завоевателем. Неуверенная в себе женщина вообразит себя рыцарем в доспехах, а разнеженный мужчина — Венерой Афинской... Всем хорошо, все довольны. Но где здесь место для науки?

— Мозг не отличает личный опыт от воображаемого — в этом вся загвоздка, — кивнула Диана. — Поэтому на какую именно киноленту наткнешься в подсознании человека — никому не известно. Дело не зависит ни от профессиональности, ни от методов гипноза. И все же, у нас есть эти тридцать процентов, мы же только начали...

— О, я прошу тебя, — воскликнул Степа, предвидя ее слова. — Что это дает? Наши исследования нигде не примут. Разве какой-то глупенький дамский журнал вроде «Космо» опубликует заметку, подивившись, что вот такая вот фигня, знаете ли, семь женщин из десяти не подвергались насилию, но под гипнозом почему-то утверждали обратное...

— Что такое три года исследований? Мы только копнули, — заметила Диана.

— Ты права, — Степа остановился между креслами напротив нее. — И так можно копать до бесконечности. И ни к чему не докопаться... А можно заняться другими исследованиями, в области психологии и без того масса пробелов.

— Всем этим ты хочешь сказать, что мы прекращаем исследование, или переходим к чему-то другому? — задала она, наконец, прямой вопрос.

Степа вздохнул, поставил чашку на столик и устроился в кресло.

— Меня пригласили в Австрию, — сказал он, складывая пальцы домиком и рассеянно рассматривая их, — участвовать в проекте по изучению влияния видео-ряда на программирование мозга.

— Это то, из-за чего у меня нет телевизора? — усмехнулась женщина.

Степа засмеялся, резко дернув плечами (он всегда смеялся в особой своей манере, сильно потряхивая плечами).

— И у меня! — крикнул самодовольно.

— Австрия, значит? — спросила она. Было бы странно, если бы он не заметил в ее голосе разочарования.

— Я понимаю, как это выглядит, — ответил Степа. — Но уверяю тебя, над этим предложением я думал долго. Когда мы с тобой занялись нашим исследованием, мы рассчитывали на большее, согласись. Но... мы только на тридцать процентов можем быть уверены, что гипноз позволяет управлять подсознанием так, чтобы ему можно было доверять. — Он беспомощно повел плечами. — Каждый раз ты понимаешь, что можешь ошибиться. Господи, но нам нельзя ошибаться! Если крутишься как белая горячка в колесе, бегаешь по кабинетам этих ханжей, выбивая из них по банкноте, нужно быть уверенным, что делаешь это ради чего-то стоящего.

— Но наше исследование стоящее, — возразила Диана. — Сам посуди, большинство людей полагают, что гипноз — это какая-то мистика, а психолог — так просто маг. Миру

важно, чтобы кто-то изучил причины, почему в одном случае все работает, а во втором — никак...

Степа кивнул, но снова тяжело вздохнул:

— Милая моя, повторяю, никто не даст обнародовать такие результаты, сама знаешь почему. А если каким-то путем мы их опубликуем, они ничего не решают в большом мире психологии. Поэтому тут мой энтузиазм заканчивается...

Диана выглядела сбитой с толку.

— Ты считаешь, куда больше перспективы в изучении влияния на массы телевизора? — спросила она. — Мы разве не знаем, как это работает?

— Мы знаем, как всегда, что-то очень поверхностно, — уверил Степа с сожалением. — А тут просто Клондайк! Только успевай придумывать новые методы, выбирай цель и задачу. Мы знаем, как закодировать человека через поток информации, но ведь нужно еще знать, как его раскодировать, я прав? — усмехнулся он. — Послушай. Все на что мы потратили три года — это не совсем ноль, результаты мы сохраним. Я, кстати, договорился с местными архивами, они возьмут копии наших трудов на хранение. Может, через сто лет кому-то пригодится... Но, если ты хочешь продолжать исследование, ты вправе это делать.

— Я не умею привлекать толстосумов к проектам, — печально констатировала Диана.

— Зато у тебя хорошо идут дела в консультировании, — заметил он.

— Не на столько, чтобы оплачивать офис в центре города, рекламу и все прочее. На поиски новых партнеров может уйти много времени. Ты прав, проект себя исчерпал, нужно это признать.

— Ты расстроилась? — спросил Степа.

— Почему же? Я рада, что принимала участие в этом проекте. Спасибо тебе, что привлек меня к нему, с учетом того, что сеансы мы проводили поровну, но ни с одним спонсором при этом я никогда не встречалась.

— Да, тебе повезло, — он снова затрусил плечами.

Диана взглянула в чашку с допитым кофе, которую все время держала в руках и вдруг засмеялась.

— Что? — поинтересовался Степа.

— У меня вчера был пациент с навязчивым состоянием, — сказала она. — Ему повсюду мерещится большая женская грудь. — Затем повернула к нему чашку, на дне которой из осевшей кофейной гущи образовалось два высоких круглых бугра.

— Какой кошмар, — воскликнул Степа и прикрыл лицо рукой в притворном ужасе, но меж тем заключил со всей серьезностью: — Вот и подумай, сколько всего еще нужно исследовать, потому что мы не знаем, как оно работает!

— Это правда... Что ж, удачи тебе в Австрии! Когда отправляешься?

— Через неделю.

— Уже? — удивилась она.

— Знаю, знаю... Два месяца уже готов к этому.

— Почему молчал? — спросила она после неловкой заминки.

— Раздумывал, конечно. Я ведь тоже вложил в проект столько лет и усилий. Не просто с чем-то расстаться, даже если не видишь в нем толка.

— Толк есть. Но ты правильно заметил, мы ждали другого, вот в чем проблема. Но тем исследование только ценнее. Жаль, что все исследования, которые не отвечают нашим запросам, захороняются в ящиках затхлых подвалов... Сколько такой информации собрано

по всему миру, страшно подумать. А в том, возможно, заключается самое главное: все, что мы ищем и не можем найти. В этих «провальных», не оправдавших надежд результатах. Ведь если сделать вид, что их нет, мы снова придем к тем же ошибкам.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но мы даже с тем, что имеем, не знаем, как поступить. Все очень запутано. Тут как раз тот момент, когда нужно либо развивать тему на очень высоком уровне — всемирно, я имею в виду, либо забыть обо всем...

— И выходит — проще забыть?

— Ну, пока что, так. Но кто знает, может через пару лет именно это исследование сыграет важную роль.

Вряд ли он сам верил в то, что говорил. Его разочарование ощущалось слишком явно, но он похоже уже давно смирился, выдохся, устал от проекта, его не стоило винить за это. Она достаточно хорошо знала Степу, чтобы понимать, как важно ему двигаться дальше, не застревать в неопределенности, день за днем растрачивая энергию на незначительный прорыв.

В окна забарабанило с особым напором — начался сильный ливень.

— Черт, — забеспокоился Степа, — теперь точно ноги промочу!

Он вызвал такси, а затем они выпили еще по чашке кофе, продолжая обсуждать загадки психологии, которую, по заключению Степы, слишком рано причислили к науке, ее еще лет триста изучать было положено, а не исходить из революционных заключений пары-тройки ученых, многие доводы которых не выдерживают никакой критики, а на проверку — так вообще не бери.

Потом они попрощались. Коротко, сдержанно. Она протянула ему руку, грустно улыбнувшись, он пожал ее, а потом быстро обнял Диану, чмокнул в лоб и заторопился к выходу.

Диана опустила ролеты и задвинула плотные занавески, от чего весь офис погрузился в приятную полупрозрачную темноту, вернулась к дивану и сидела одна, в тишине, наслаждаясь восхитительной дремотной атмосферой комнаты и слушая дождь за окном.

Что ж, время не стоит на месте, это правда.

Предстояло перебрать много материалов, разобраться с файлами в компьютере.

Но это потом...

Сейчас ей просто хотелось побыть еще немного в этом моменте...

— Глава 2

Терпение Людмилы Николаовны лопнуло окончательно.

Ладно, девка могла загулять, — они вон какие сейчас! Чего ждать от продавщицы из поддуктового? Они ж все пьют! Но чтобы не появляться два месяца? Она что тут — благотворительностью занимается, что ли? Кто заплатит за жилье?!

И что же она так долго ждала, дура старая? Привыкла, что ли, к девчонке этой, все надеялась на ее возвращение? Ох, сколько раз она отчитывала ее в уме, просто таки налетала на нее с криком и воем. Где твоя совесть, распутная девка?.. Это не притон или гостиница — плати за комнату или убирайся вон!.. А еще лучше пригрозить милицией! Да-да, должна же быть какая-то управа на этих халявщиков!

Пока она так думала, время шло. В конце концов пенсионерка поковыляла искать

девушку в ее магазин, какими только проклятиями не посыпая ее голову, со всем ее потерянным поколением в придачу. Из-за какой-то непотребной девчонки она должна тащиться куда-то восвояси — с ее то сахаром в ногах! И знает же, что бабушке трудно с этажей спуститься, а больше ж некому, некому разбираться! Вот так они и наглеют, при хороших условиях, видя, что постоять за старуху некому. Но ничего. И не таких на место ставили.

Однако не застав девушку на рабочем месте, накинулась на ее товарок — чего ж даром будет пропадать такой запал! И сперва даже решила, что прикрывают подругу. Но наведавшись во второй раз через несколько дней, поняла, что им и дела нет до нее никакого. Одна из продавщиц, бесцеремонная пышнотелая барышня, обратилась к ней:

— Бабушка, вам же сказали, что ее нет. Она как на работу не вышла, так ее вещи отсюда и вышвырнули. И зарплату ей теперь никто не отдаст! Пусть ищет себе другую работу.

Бабушка переборола жуткое недовольство того, как к ней обращалась девица, непрерывно чавкая жвачкой. Практически уже уходя, она остановилась и спросила:

— А давно это было? Когда она не вышла на работу?

— Да не помню... Юль! Когда Янка не вышла, помнишь? Давно? Так и я говорю вон бабушке, что давно...

— Я тебе не бабушка, — выпалила пенсионерка в бешенстве. — Бабушки вы просираете в барах со своими мудаками!

Девушка прекратила жевать и вытаращила глаза.

— Чего рот раззявила? Мухи налетят! — добавила пенсионерка со злым торжеством. — Никакого уважения к старшим!

— Слушайте, — вмешалась та, вторая, очевидно более шустрая, — вы чего прикопались вообще? Идите куда собирались...

— Тьфу на вас! — сплюнула старуха, покидая магазин. — Пойдете, когда старость нагрянет. Ох же и пойдете! Еще не там будете, куда меня послали...

И что было делать? Кто-то должен ей заплатить. Кто-то должен ответить. Ну уж нет, она этого так не оставит, не на ту напали!

Хоть кого-то проучит.

Оставалось одно — идти в милицию!

— Глава 3

Странная вещь — психология.

Умом понимаешь, что никаких духов или призраков не существует, все это выдумки развлекательного характера...

Однако...

Диана жила в старинном львовском доме, квартира досталась по наследству. У таких домов всегда найдется личная «страшилка», но вот вопрос — кто в нее поверит?

Только не жилец дома в третьем поколении.

Но происходило что-то весьма странное, и пока она не нашла этому разумного объяснения.

Началось все около двух месяцев назад.

Женщина проснулась среди ночи. Кто-то хозяйничал на кухне — в прямом смысле

слова. Звенела посуда, поскрипывали шкафчики.

Все это Диана отчетливо слышала из своей спальни. Она схватилась с постели в ужасе — в квартиру вломились грабители?!!

Но... как?...

Она пыталась найти рациональное объяснение происходящему, потому что подобное просто не укладывалось в голове. Влезть в окно невозможно — второй этаж, кованые решетки.

Взломали дверь?

О, как давно ей стоило подумать про бронированную!

И тем не менее — толстенный дуб, отменные замки! Вот так взломали, без шума и пыли?

Да и зачем? Что у нее брать? И главное — в два часа ночи!

Она тихонько встала, открыла шкаф, достала оттуда первое подвернувшееся платье на плечиках, сбросила его на пол и сжала в обеих руках крепкую деревянную вешалку, как если бы это была скалка или бита. Диана нисколько не представляла, как она ею воспользуется, и что это даст при нападении, но возможности человека в страхе непредсказуемы, скорее всего она будет нещадно отбиваться и нанесет злоумышленнику какую-нибудь травму, возможно выбьет глаз.

Практически на цыпочках подкралась к двери спальни, прислонилась к ней, чтобы прислушаться, — и в этот момент где-то на кухне с громким звоном разбилась тарелка. Ее словно ударило током, тело пронзило таким мощным разрядом, что она чуть не закричала. Диана отпрянула от двери, почувствовав, что ноги вот-вот подкосятся. Горячая волна страха быстро заполняла ее, лишая сил.

Она дрожала так сильно, что даже мысли ее тряслись и прыгали в голове.

Что же делать?!! Звонить в милицию? А что если он... или они... услышат ее? Что тогда?

Вломаются в спальню!

Ее взгляд заметался по комнате в поисках укрытия.

В шкафу тесно, она не вместится. Кровать у нее не такая как в фильмах, под которой спрячешь всю семью, а что-то вроде двуспального сундука с вещами, который открывал подъемный механизм. Там было полно старых журналов, коробок со свитерами, какие-то одеяла. Проскользнула мысль, не влезть ли самой в этот тайник?

О, Боже! Отставить панику!

Соберись, начни думать, приказала она себе. Кто мог вломиться среди ночи, и с какой целью?

Вряд ли ее собираются убивать. Может, ошиблись квартирой, или наводчик не грамотный попался? Если они сюда и войдут, она должна быть спокойна и рассудительна, убедить их, что у нее нечего брать, и если они уйдут по-хорошему, она не станет поднимать шум.

Ну, а в крайнем случае, уж если говорить про шум, она может завопить так, что все соседи проснутся!

Это всегда работает, просто вышибает из колеи — пронзительный женский крик!

Вот только когда она кричала в последний раз? Она то хоть вспомнит, как это делать? Или ее заклинит и она онемееет, голосовые связки уже сковало, и кажется, шок сильнее, чем она догадывается...

Спокойно. Возьми себя в руки, ты сумеешь с ними договориться. Только возьми себя в руки.

Диана и правда смогла настроить себя на то, чтобы в любой момент быть готовой к самому неожиданному, но не потерять столь важной выдержки и хладнокровия.

Поэтому отошла от двери и села на стул, оказавшись напротив входа, по другую сторону кровати. Разделяющий кордон из кровати даст ей фору. Они наткнутся на нее, но не увидят страха. Быть может, растеряются. А дальше она будет ориентироваться по обстоятельствам.

Вешалку все же положила рядом с собой, а еще вспомнила, что буквально на расстоянии вытянутой руки, в ящике прикроватной тумбочки лежит набор для маникюра, можно достать оттуда ножницы. Но все же Диана надеялась, что до этого не дойдет.

Она подождала минут десять, продолжая старательно успокаивать себя, и вдруг поняла, что все звуки в ее квартире стихли...

Почему грабители не торопятся в спальню?

Вряд ли их интересует только кухня. Скорее всего уже добрались до ее кабинета в гостиной. Ноут-бук лежит на кровати, но там, в гостиной, оставался еще один комп, с архивами исследования. Вот же черт, спохватилась Диана. Нет, она не может позволить его утащить! Этого просто никак нельзя допустить!

Вот только воры вряд ли оставят ей жесткий диск в подарок. Что же делать?

Диана снова подкралась к двери. Странно, почему она не слышит их голосов, или хотя бы перешептываний? Значит, он один? Тогда и шансы скорее всего равны! Разве что вор не ждет по какой-то причине застать хозяев дома, и тогда сила вообще на ее стороне, потому что он окажется застигнут врасплох.

Медлить больше нельзя. Это ее квартира, она обязана защитить себя и свой дом. Диана почувствовала резкий всплеск, горячей волной хлынувший от ног к голове. Адреналин. Она вскинула вешалку над головой и с криком ринулась на дверь.

В узком коридоре ее встретила абсолютная темень. Только слабый свет рассеивался из распахнутой ею двери.

Диана инстинктивно бросилась в темноту и приникла к стене. Пригнулась как кошка, приняв позу нападающего и замерла... Темнота быстро принимала знакомые очертания, ее глаза готовы были распознать любое полудвижение. Она бы уловила малейший шорох, но не слышала ничего, кроме стука собственного сердца.

Ушли?.. Это возможно?

Она медленно скользнула вдоль стенки к двери гостиной.

Сердце колошматилось, как одуревшее. И тогда она громко, на одном дыхании, произнесла:

— Если здесь кто-то есть, выходите! У меня нечего брать и поэтому вам лучше уйти, пока не поздно...

Абсолютная тишина.

Боже, что происходит? Какой-то абсурд...

Диана подождала еще немного, затем просунула руку в проем двери и нашарила на стене гостинной выключатель. В гостинной мгновенно вспыхнул свет. Все еще борясь с сомнениями, не до конца веря глазам и ушам, она не сразу заглянула туда. А когда заглянула... там никого не оказалось!

Она уже достаточно осмелела и подумала, что стоит проверить шкаф-купе в стене коридора, занимающий пространство между двумя комнатами, — там слишком легко

спрятаться.

Но еще раньше возникла мысль взглянуть на входную дверь...

Какое-то время Дина тупо и неподвижно смотрела на нее, и руки, наконец, уже сами опустили дурацкую вешалку. Она тяжело сплотнула, думая о том, что совершенно точно спит.

Когда она зажгла свет в прихожей, все стало еще более очевидным.

Дверь не тронута.

Два замка, цепочка.

Все как всегда.

Она даже потрогала их, чтобы убедиться наверняка.

Все заперто изнутри.

Диана отступила на шаг от двери, чувствуя, как под тонкую короткую ночнушку пробирается холод. Медленно повернула голову и через распахнутую дверь кухни заглянула внутрь.

На полу валялись осколки тарелки...

Она постояла так еще несколько секунд, затем вошла в кухню, включила свет, собрала все кусочки и выбросила их в мусорное ведро. На всякий случай проверила еще раз всю квартиру — метр за метром. Ни единого намека на постороннего.

Потом, пока шок и смятение медленно покидали ее, она долго сидела в постели без сна, стараясь угадать природу загадочной левитации посуды по кухне. Она могла сама плохо поставить тарелку в сушилку возле мойки. Разве нет? И все было бы ясно, просто и логично. Но как быть с другими звуками: едва уловимое звяканье, скрип, неопределенный шорох... Кто-то был за дверью ее спальни! Она же это чувствовала!

Нет, должно быть другое объяснение. Какое угодно.

Например, землетрясение — одно из тех немыслимо редких и совершенно нетипичных для Львова явлений? Пусть это и выглядит как бред...

Но ведь не умом же она тронулась, в конце концов!

* * *

А на следующую ночь все повторилось.

Снова чье-то присутствие на кухне.

Только в этот раз Диана была не так напугана, ей уже не понадобилось долго и упорно уговаривать себя выйти. Если прошлой ночью никаких грабителей не оказалось, значит и сейчас их нет. Она быстро прошла из спальни к входной двери, проверила нетронутые замки, включила повсюду свет и вошла на кухню.

Что-то перевернуло вазу с хризантемами, вода растеклась по столу. Диана поставила ее на место, поправила цветы и прибралась на столе.

Она не ушла из кухни, пока все внимательно не изучила.

Ее внезапным озарением оказалось приоткрытое окно.

— Ну вот и вся задача, — заключила она вслух. — Подумать только! Я бегаю с вешалкой по квартире за сквозняками!

И зарыла окно, до упора повернув ручку.

Или не закрыла?

Может, не до конца.

Потому что утром, собираясь в офис и готовя для себя завтрак, заметила, что окно снова

приоткрыто.

— Похоже, я становлюсь рассеянной, — прошептала Диана, повторно закрывая окно.

Ветры сейчас особо буйные, близится зима, а старую защелку, вероятнее всего, вырывает порывом...

В их доме не разрешалось ставить европакеты, это слыло безбожным кощунством в отношении бесценной архитектуры начала двадцатого столетия, о которой городской совет нынче печется с особым трепетом. Диана полностью поддерживала идею. Но пока подготавливали проект новых крепких окон, идентичных оригиналу, чтобы заменить их без потерь и разрушений, приходилось довольствоваться старым, изношенным образцом.

Она забыла, что такая проблема периодически возникала. Но вот теперь причина ее ночных страхов показалась для Дианы более, чем объяснимой.

Она проверяла окно по возвращении домой, и перед сном тоже.

Все, разобрались, с облегчением постановила женщина. Вот и нечего на пустом месте приобретать обсессивно-компульсивное расстройство.

И несколько ночей ее действительно ничто не тревожило, не напоминало о «бунте посуды». Но однажды она проснулась от очередного странного звука. Приподнялась на кровати и напрягла слух.

Какому сквозняку под силу так шуметь?

И... это точно не могли быть звуки соседей сверху или снизу, — она бы даже не заметила их, слишком привычных, чтобы отвлекать. Когда случались поездки, всякий раз по возвращении домой звуки соседей лишь радовали ее, ласкали слух, — как никак, это являлось частью ее родного дома, личного комфорта.

Но, полулежа в кровати, Диана слышала что-то совершенно другое, не имеющее отношения к соседям. Это стопроцентно происходило в ее квартире, в ее кухне. Это там что-то упало, там что-то шелестело, там снова звякала посуда.

Боже, неужели у меня начались галлюцинации, подумала женщина с тревогой. С кем бы поговорить об этом? Я синхронизируюсь со своими пациентами? Заимствую их страхи?

Она слышала о таком, и не раз. Да и выжившие из ума психиатры не редкость.

Что, если это такая издержка ее профессии, как, например, занозы в руках у плотника? Она не замечает, быть может, каких-то состояний, невольно перенимаемых у пациентов?

Вот как те же груди в чашке. Конечно, она скорее склонна думать, что только потому и обратила внимание на рисунок из кофейной гущи, что о грудях много говорил ее пациент накануне. Но уже само по себе это свидетельствует о том, что проблемы и фобии ее пациентов, как толстая картотека в голове, продолжают присутствовать в обычной жизни, и не исключено — способны вызывать синхронизмы.

Еще через какое-то время, встав пораньше, она обнаружила, что кто-то сбросил с ее рабочего стола все папки и бумаги.

В тот раз она спала крепко и ничего не слышала, приняв лекарство. И чтобы не пытаться искать разгадку, кто негодует в ее квартире по ночам, оставаясь при этом неуловимым, и чтобы не вводить себя в состояние постоянного напряжения, просто собрала все вещи и сложила их на место.

Тут ведь дело было уже не в открывшемся от сквозняка окне, что само по себе очевидно.

А прилежных версий, удобоваримых и рациональных, в запасе, как выяснилось, у нее больше не имелось.

Оставалось только забыть обо всем и спокойно отправиться на работу.

* * *

Уже через несколько ночей ее разбудил треск паркета в коридоре. Вслед за этим скрипнула дверца обувного шкафчика в прихожей...

Тихие, безвредные звуки. Могло просто что-то свалиться с вешалки. Могло и присниться.

Однако, что бы она сама себе ни говорила, Диану постиг настоящий ужас, когда утром эта дверца действительно оказалась распахнута, а тапки, туфли и летние шлепанцы валялись на полу, будто кто-то выпотрошил ночью весь шкафчик.

Во всех случаях массивная входная дверь была заперта изнутри.

Диана без конца проверяла решетки на окнах — они были надежно приварены к стене.

И вот снова.

Сухой треск паркета, явное присутствие чего-то или кого-то у двери ее спальни.

Холодея от страха, она замерла в кровати, понимая, что если что и случится, так это она — лишиться рассудка.

Как и прежде принялась успокаивать себя стандартным набором логических цепочек: «Это моя квартира. Я живу здесь одна. Кроме меня никого нет...»

Это либо навязчивый страх, с которым нужно разобраться, либо игра воображения, рассуждала она. Либо просто ветер. Разве ветер не может трещать паркетом и бить посуду?

И продолжала дрожать как осиновый лист...

— Глава 4

В то утро она потому и не выспалась. Как важно психологу, у которого много пациентов самому быть в норме.

Диана это знала и выпила столько кофе, что инстинктивно ощущала передоз. Давление на стенки артерий отзывалось чем-то похожим на несанкционированный оркестр, в котором лидировали тубы. И еще воображение посылало стойкие ассоциации с сильно сплюсненным под водой стаканчиком — кадром из документального фильма про спуск батискафа на дно океана к «Титанику», — для достоверной иллюстрации подводного давления и его сокрушающей мощи приводился тот самый стаканчик. Там наверняка приводилось еще что-то, но ее память зафиксировала именно этот фрагмент. Вид раздавленного, покореженного пластика часто всплывал в ее памяти в моменты сильной усталости или, напротив, перевозбуждения.

Место, где она принимала своих пациентов, отличалось от того офиса в самом центре города, где они со Степой проводили свои сеансы гипноза, и находилось чуть западней центра, но также на территории Старого Львова.

Это был обычный кабинет, совсем маленький, в небольшом офисном здании европейского образца, совсем недавно отстроенном, с длинными коридорами на каждом этаже и бесчисленными дверьми, бегущими одна за другой, как костяшки домино.

Собственно, именно этим — своими размерами, а еще изолированностью, он подходил для нее безупречно — последний кабинет третьего этажа, соседствующий с редакцией газеты о здоровье, офисом косметической компании и какими-то филиалами филиалов,

бесшумными и неприметными, как декорации немого кино.

И в то же время место всем известно. К нему легко добраться, деловая часть города. И поэтому пациентам не приходилось блуждать в поисках ее офиса. За четыре года приемов многие из них приходили сюда уже как домой, приводя знакомых, детей, родственников.

На двери красовалась темно-шоколадная табличка с золотой каймой, на которой золотыми буквами извещалось: «Красовская Диана А. Психолог-консультант».

Находили ее через сайт, по телефону в деловых справочниках, но чаще по рекомендациям и визиткам.

Визитки у нее оформлены под стать таблички на двери — шоколадный фон, золотое тиснение. Она находила в том признак некой таинственности, что так необходима любому человеку, решающемуся на поход к психологу. Это очень благородное сочетание помимо всего прочего. Любимые цвета египетских фараонов, клерков, и писателей.

Офис выдержан в тех же тонах. Коричневая мебель, бежевые стены, пальма в золоченой кадке. Окно почти во всю стену, которое она при необходимости затягивала плотными кофейными ролетами.

В узкой комнате ничего лишнего. Справа, под окном — кресло и стол. Слева мягкий диван под стеной. В конце комнаты — офисный шкаф.

Тихо, уютно, душа в душу.

Однако было бы слишком просто, если бы психолог брал деньги лишь за то, чтобы в приятной тесной обстановке побеседовать с кем-то душа в душу. С такой задачей справится любой друг, родственник, какой-нибудь кум пациента, да и психологу тогда диплом без надобности.

Но весь этот интим, располагающие цвета, большая упаковка бумажных салфеток — скорее атрибутика, позволяющая человеку расслабиться и проявить доверие к постороннему человеку. Без доверия ничто никогда не сработает. Люди приходили к ней именно за этим, чтобы избавляться от причин, а не их признаков. Обнажаться перед ней так, как не обнажаются ни перед кем другим, вывернуться наизнанку.

Пациенты доверяли то, что долгие годы скрывали от самих себя. Чему сами боялись посмотреть в глаза и что не посмели бы произнести вслух ни при каких обстоятельствах.

За 8 лет практики Диана наслушалась и навиделась разного.

Большие сильные мужчины рыдали и скулили от нехватки тепла и нежности. Женщины теряли сознание от страшных признаний и задавленных эмоций.

Люди выходили из ее кабинета, как после сауны, в которой очищался дух и разум. Это не просто облегчало что-то в их жизни, это кардинально меняло саму жизнь.

Диана не решала вопросы пациентов буквально. Она лишь осторожно заглядывала им в душу и наводила их на встречный вопрос. Все остальное делал их собственный разум.

Именно так и происходит любое самопознание — как внезапное прозрение. Все задачи изначально уже решены, но только Сознание и Подсознание постоянно рвутся устроить все в одиночку. А им всего то и нужно — сесть рядом и хорошенько все «перетереть». Вот так, очевидно, и взаимодействует дух с телом. У каждого из них по своему куску карты. И пока их не сложишь вместе, так никуда и не придешь.

Она не действовала как хирург, вырезающий аппендикс или удаляющий антитело, навевая наркоз, она позволяла пациенту самому извлекать свою занозу. Своими, только своими силами. Только так она считала проблему побежденной. От нее лишь требовалось направить человека по лабиринту, если у нее это получалось, но бомбу он должен был найти

и обезвредить сам.

Конечно, для этого нужен не только профессиональный подход, но и отличная концентрация, свежая голова и сосредоточенность.

Первой сегодня была восемнадцатилетняя пациентка с тяжелой формой депрессии и двумя попытками суицида.

Когда девушка наглоталась таблеток впервые, ее стало нещадно тошнить, что спасло ей жизнь. Во второй раз, проглотив упаковку снотворного, и почувствовав быстро одолевающую необратимость, она вдруг вспомнила, что не оставила записку маме, что вероятнее всего мама будет винить себя в ее смерти...

Набрала ее номер и с последних сил стала бормотать невнятные прощальные речи. Женщина сразу поняла, что происходит нечто страшное, сорвалась с работы и прилетела домой на всех парах — весьма и весьма вовремя.

Девушку удалось откачать, она вспоминает этот эпизод крайне раздражительно: как медсестры без конца тыкали в нее иголки и трубки, как ей постоянно было плохо, как сожалела она о том проклятом последнем звонке. В конце концов, повторяла девушка, можно было нацарапать записку, что никого не виню, беда такая, всех люблю, адьес. Но нет же, пустая башка, устроила драматическое прощание...

Третью попытку девушка осуществила бы уже более грамотно. И мать это знала. Она была тревогу, но психологи не имели влияния на ее дочь. Могло оказаться, что единственная мера воздействия заключалась в глухих и прочных стенах психиатрической больницы. Но женщина не теряла надежды, и готова была на все, лишь бы нашелся подходящий мозгоправ, вернувший ее утехе, лапочке, солнышку — радость и жажду жизни.

Поэтому однажды она открыла рекомендованный справочник с телефонами специалистов и стала звонить по всем номерам. Первые два не ответили (по завершению приемного времени на звонки не отвечали в принципе), а третий номер принадлежал Диане.

С этой девушкой, Оксаной, она работала уже больше месяца.

Они встречались три раза в неделю. Случай действительно был сложный, хоть и типичный для подростка. Впрочем, такой всепоглощающей ненавистью к себе способны обладать люди любого возраста, не зависимо от социального статуса или места в обществе.

Причина этой патологической нелюбви к себе — непримиримая внешность.

Оксана относилась к тому типу толстяков, которые такими уже рождаются.

Это необъятный круглый комок в младенчестве, это уже Спанч на детских снимках в садике. Это подросший Спанч в первом классе, выделяющийся из строя, и на место которого могло бы втиснуться два упитанных мальчика. Это уже просто гигант Спанч на «последнем звонке», в нелепом большом платье-чехле, с жидкими волосами, едва закрывающими торчащие уши, с прыщами на лице и складками недовольства на лбу. Это неизменно обреченный злой взгляд, агрессивный по отношению ко всему...

И вот Спанч уже больше напоминает Гоблина, а не веселого шалуна.

Дети на улице тычут в нее пальцем и называют Фионой, а иногда и просто Шреком. А порой даже Халком. О, дети умеют выразить свои мысли наглядно, приводя самые внушительные сравнения!

Но если бы доставалось только от детей. Сколько слышала девушка издевок от одноклассников. Все мыслимые и немыслимые эпитеты в отношении ее передней, задней, боковых и филейных частей. Самые гнусные выражение по поводу резонности ее

существования.

— Ни один человек, когда смотрит на меня, не думает: ой, какая миленькая девушка! Каждый встречный-поперечный думает либо говорит: эй, тобой только детей пугать! Слушай родителей, а то это чудище сожрет тебя! — Оксана выражала презрение к себе дребезжащим от ярости голосом, изливая как можно больше яда.

— Такое чудище если и встретило бы пару, то Шрек показался бы прекрасным принцем! А на кой черт мне урод? Рожать еще таких же гоблинов? О чем думала моя мать? Она что, не знала, что родит шкаф с головой? Ни одного, хоть бы тебе одного стройного человека в роду, она что, не понимала этого? Только вот наследственность еще и растет в геометрической прогрессии, я оказалась похлеще всех своих родственничков! А ей то что? Нашла где-то этого кретина, лишь бы доказать всем, что тоже может иметь семью. Зачем? Меня кто-то спросил, хочу ли я появляться на свет с такими генами? Этот придурок пожил два годика за ее счет и смылся. А она и радуется. Чему тут радоваться? — выкрикивала девушка со злостью, сильно хлопая ладонями по широким ляжкам. — Вот этому? — и переходила на визг, ожесточенно лупила себя по животу, плечам, лицу. Становилась вся красная и заливалась долгими истероидными слезами.

— Мне все говорят — похудей! — продолжала она позже, когда к ней возвращалась способность говорить, но ярость в голосе не исчезала. — То есть худые, нормальные люди, говорят, что мне нужно похудеть! Перестать жрать! Я же, мол, только то и делаю, что каждые полчаса прихлопываю по слону! Ох, знали бы вы, знали бы, как сильно я желаю им оказаться на моем месте! Хоть бы на один день!.. Я не ела сутками, я падала в голодные обмороки, в тринадцать лет я научилась блевать, и проблевав несколько дней к ряду, уже само собою не могла есть — все выворачивалось назад. Мать тащит меня к врачу, мне говорят, что я подрываю здоровье, что у меня может выработаться хроническое неприятие еды, а я радуюсь! Мне показывают передачи про анарексичек, а я мечтаю быть на их месте! Только знаете, что я потеряла, пока не могла есть, пока голодала, пока травилась? Ноль!!! — закричала девушка так, что у Дианы заложило уши. — И они мне говорят: сядь на диету! Похудей! А еще эти лживые передачи, где какие-то идиоты из Штатов провели эксперимент и типа доказали, что человек толстый не от того, что у него такая комплекция, ген или болезнь, а потому, что только и делает, что жрет, жрет, жрет, как не в себя! Вы представляете?! Они издеваются, да? Все только потому, что я жру? Я не ела как-то восемь дней, мама ничего бы не узнала, если бы я не упала в обморок посреди улицы. И что, по вашему, я потеряла? Три кило! Всего лишь три кило!!! Да обычный человек худеет на столько же, сходяв в туалет, а мне понадобилось голодать восемь дней. О чем они говорят? Они не понимают, о чем они говорят! А потом мне высказывают какие-то идиотки, что мне нужно сесть на диету и перестать жрать! Что они знают? Я ходила к диетологам. Одни прописывали мне рацион, от которого я была в шоке — я и обычно столько не ем, а они называют это строгой диетой! Другие выписывали пилюли, от которых толку, как от козла молока. А потом еще и выяснялось, что это гормональное, и уже через какое-то время я начинала толстеть еще сильнее... И вы!.. Вы мне тоже ничем не поможете. Лучше бы мама эти деньги на что-то другое потратила, — мрачно и недружелюбно высказывалась девушка, надувая щеки и отводя глаза.

Диана слушала спокойно. Она сама настаивала, чтобы девушка говорила ей все, что думает.

— Как ты считаешь, — спрашивала она пациентку, — если бы другие люди тебя

любили, не говорили этих гадостей, проявляли заботу, ты бы саму себя полюбила?

Оксана мотала головой:

— Я бы полюбила себя только похудев, очень сильно, раз в десять так...

— И что бы ты делала с внешностью своей мечты?

— Как что? Я бы покупала красивые наряды. Ходила бы вся такая из себя...

— И вызывала бы уважение, на тебя обращали бы внимание молодые люди? — спрашивала Диана.

— Еще бы! — восклицала Оксана. — Все бы так и притирались вокруг меня, целыми днями ухаживали, говорили мне комплименты...

— И ты была бы счастлива?

— Сто процентов!

— Наверное, знаешь таких девушек?

— Да полно. Ходят такие... самоуверенные... довольные жизнью... на таких как я смотрят, как на дерьмо!

— Красивые девушки часто говорят тебе гадости? Или ты сама себя критикуешь в их присутствии?

— А что это меняет? Сама или они... Они много чего говорят. И девушки, и парни. Все смотрят на меня... даже не как на человека... просто груды шлаков! — Девушку трясло. — Они меня презирают!

— Ты бы на их месте тоже презирала себя? — психолог задавала вопросы все так же негромко, ровным голосом.

— Само собой...

— А если бы не себя, а другую, незнакомую тебе полную девушку?

Оксана задумалась.

— Тоже наверное. Конечно.

— Какую внешность ты считаешь идеальной? Есть такая?

— Да... Меган Фокс. Эта фигура... О, Боже! Волосы, лицо... Вообще вся ее жизнь Бойфренд, семья, карьера...

— Ты представляла себя на ее месте?

— Ну... не так чтоб серьезно. Представляла конечно, но я же понимаю, что я ею никогда не буду.

— Оксана, я хочу попросить тебя сейчас сделать это. Представить себя Меган Фокс. Полностью откинув все сомнения. Вот представь, что явилась фея, исполнила твое сокровенное желание — и ты теперь Меган Фокс. Откинься на спинку дивана, прикрой глаза, пусть ничто не мешает тебе наслаждаться этим...

Девушка сделала, как попросила ее Диана.

— Ты представила?

— Ага, — тихо протянула девушка.

— И что ты чувствуешь?

— Как что? Я счастлива... Я не могу собой налюбоваться. У меня идеальное тело. Меня любит красавец муж. Меня любят миллионы поклонников во всем мире...

— И ты любишь себя?

— Да...

По щекам девушки покатались слезы. Она продолжала сидеть с закрытыми глазами.

— Теперь ты идешь куда-то. Просто прогулка по городу, — продолжала говорить Диана

неторопливо, ее бархатный голос мягко шелестел и плыл по воздуху как пушинка. — Возможно шопинг. Или гуляешь с детьми... Представила?

— Угу...

— Что ты чувствуешь?

— Я счастлива...

— Тебе нравится окружающее?

— Да, все так красиво...

— Ты замечаешь людей вокруг? Как они к тебе относятся?

— Они узнают меня, улыбаются. Берут автограф.

— Они тебе рады?

— Да. Конечно.

— А ты им?

— Я им тоже рада.

— А если среди них встречаются, например... завистники?

— Ну... я не обращаю на них внимания. Мне можно и позавидовать — я же такая красивая!... Я их понимаю.

— А когда ты встречаешь на пути некрасивых людей, или очень полных, что ты чувствуешь к ним?

— Мне их жаль... я бы не хотела быть на их месте.

— И ты бы сказала им об этом? Что не хотела бы оказаться на их месте.

— Не знаю... вряд ли...

— Почему?

— Ну... Это больно... Это очень-очень больно. Я бы постаралась быть повежливее... наверное...

— Это потому, что ты сама счастлива?

— Да. Конечно. Я понимаю, что у них нет того, что есть у меня. Я им сочувствую...

— А если бы ты не была так довольна своей внешностью? Если ты больше не Меган Фокс... Тебя раздражают некрасивые, по втому убеждению, люди?

— Еще как! Ненавижу...

— Открывай глаза.

— Зачем вы так? Я не хочу... я хочу продолжать быть Меган Фокс.

— Ты можешь продолжить в любой момент. Это, как видишь, не трудно. Давай...

Девушка открыла глаза, вытерла салфеткой слезы и растерянно посмотрела на женщину.

— Теперь ты знаешь, что счастливый человек не насмехается над другими, — серьезно сказала Диана.

Оксана наморщила лоб, задумавшись на какое-то время.

— Вы хотите сказать... девушки, которые меня унижают... они себе не нравятся, что ли?

— Так и есть.

— Но... Как можно не нравится себе с их внешностью? — изумлялась Оксана.

— Видишь ли, — объясняла Диана, — у человека столько причин не нравиться себе, что не хватит всей бумаги на планете, чтобы перечислить. А внешность — не первая и не последняя причина. Представь, к примеру, натуральную блондинку, которая выбрала для себя идеалом красоты какую-нибудь Анджелину Джоли. Ее не устраивает в себе все — и

голубые глаза, и белые локоны. Она перекрашивается, носит линзы, и все охают, не понимая, зачем она это делает, уродует себя. А она в свою очередь, понимая, что схожесть слишком минимальна, решается на пластическую операцию... Делает себе губы, как у боксера после боя.

Девушка громко прыснула, что было хорошим признаком — ее мысли следовали туда, куда направляла их Диана.

Женщина продолжала:

— Она высушивает кожу в соляриях, вызывая быстрое старение и рискуя заболеть раком. Она теряет способность объективно оценивать свою внешность, и даже не понимает, в какой ужас превращается мало помалу. Знакомые не узнают ее, шарахаются. Им просто в голову не приходит, зачем и почему она такое с собой делает. И как ты думаешь, эта девушка, встретив кого-то, по ее мнению, неидеального, сделает ему замечание?

— Думаю, да. Такой как я скажет, иди вырежь себе желудок.

— А почему она так скажет?

— Потому что ее все бесит! — ответила девушка.

— То есть человек только потому говорит гадости другим, что сам недоволен? — уточнила Диана.

— Ну... типа того... Вот, к примеру... я вам рассказывала про Машу... она такая... такая ехидина! Но она не похожа на ту, что недовольна собой. Наоборот, такая эгоистка!

— А что такое эгоизм, как ты думаешь? — спросила Диана.

Девушка протяжно вздохнула и напряженно размышляла несколько минут.

— Ну... когда человек любит себя слишком сильно. А другие для него — куча дерьма.

— Но ты же помнишь, как ты была Меган Фокс. Ты любила себя?

— Ясен пень!

— Но при этом ты не считала других кучей дерьма, так ведь?

— Ну да.

— Само слово эгоизм имеет корень «эго», — пояснила Диана. — Становится ясно, что это заикливание на себе. Точнее, на том себе, каким его представляет воображение. Но, как ты сама успела понять, когда тебе хорошо, когда ты довольна собой, ты ни на чем не циклишься. Ты расслаблена и просто радуешься жизни. Тебя не напрягают окружающие и так далее. А циклят наше внимание вещи, как правило, неприятные. Сложные. Нерешаемые. То, в общем, что человек боится и что не любит. Страхи. Они как крючки, знаешь? Цепляются за наше внимание — и от них ну очень непросто отцепится. Нет более цепких крючков, чем эти вот страхи и их проявления: недовольство, беспокойство, раздражение. Все в жизни человека-эгоиста вертится вокруг его страхов, вокруг его недовольства собой. Как правило, он сам того не замечает. У него есть проблема — собственное я! — и он ею поглощен. Он действует приблизительно по такой схеме: я буду больше доволен собой, если возьму себе кусок побольше, так я себя удовлетворю. Или: пусть работают другие, а я достоин того, чтобы сидеть в прохладном месте с журналом, как вельможа, таким образом я себя подниму чуточку выше над другими, дам себе преимущество. И та же точно схема: унижить кого-то, а с тем приподняться в своих глазах, доставить такой недостающий балл. И все что делает человек — ищет свой мнимый балл, бросает эту кость, понимаешь, тому злому и недовольному существу внутри. И так бесконечно. Если, конечно, однажды этот человек не поймет, что вокруг него точно такие же люди, нуждающиеся в поддержке и любви, как и он сам. Что он выглядит как чужак, который ходит на ходулях, боясь казаться

низким, — и только всем мешает, в том числе себе. Если он осознает свои комплексы, он начнет с ними бороться. Знаешь поговорку: найти причину зла — это уже наполовину побороть его! Когда человек не скрывает сам от себя свои проблемы, свои комплексы, только тогда он может хорошо их изучить и понять причину их появления. А дальше следует благополучное избавление от кошмара и начало новой жизни... Но люди слишком сильно боятся взглянуть в лицо своим проблемам, еще больше боятся их признать. Они, к сожалению, идут другим путем. Самоутверждаются за чужой счет.

Девушка несколько минут молчала, что-то усиленно переключая у себя в голове, морщась и кусая губу, уткнувшись глазами в пол. А потом, с разочарованием в голосе заметила:

— Но я ведь тоже эгоистка. Хоть и не унижаю никого... кроме себя, ну, и мамы...

— Любой, кто в корне не любит себя — эгоист. Хоть мы привыкли считать иначе, потому как на выходе все выглядит именно так. Такой человек ставит свои проблемы выше всего прочего. Он не понимает проблем других людей и не способен им сочувствовать. Или поставить себя на место кого-то, кому плохо. Потому что никому так не плохо, как ему!

— Все равно не понимаю, чем могут быть недовольны девушки с внешностью Меган Фокс?.. А на этом самом диване бывают такие девушки? — поинтересовалась Оксана.

— И слезы льют самые искренние, — уверила Диана.

— Да ладно? — Девушка недоверчиво взглянула на психолога.

— Их проблемы для них выглядят такими же в точности нерешаемыми, тупиковыми, как твоя проблема для тебя.

— Что? Что, например, они считают нерешаемым? — взволнованно заерзала Оксана.

— Давай я лучше приведу тебе общий пример. Обсуждать пациентов я не могу, так что... Представь молодую женщину, которая тратит все деньги, все усилия на то, чтобы выглядеть как кино-дива. Как твоя Меган Фокс, допустим. Она ждет, что ее заметит богатый мужчина и тогда она сможет жить в роскоши, о которой так мечтает. Она окружена вниманием мужчин сверх меры, но нужный все никак, ну никак не попадается. И что немаловажно, она ведь не одна такая. И любой богатый мужчина может каждый вечер проводить с новой такой женщиной, или даже с настоящей кино-дивой. Она не увлечет его одной лишь внешностью, какой бы совершенной она ни казалась. Вообще трудно угадать, как себя лепить, чтобы стать той единственной, на которой этот принц пожелал бы жениться. И вот у этих женщин наступает критическая точка, они впадают в дикое отчаяние. Они не знают, что еще делать, как еще фанатичнее ухаживать за собой, или как вести себя: понаглее, понастойчивее, включать стерву, или, наоборот, стать покорной, как Белоснежка? А время то идет, в спину дышат армии молодых красавиц, с такими же целями...

— Ну и дуры они! — Оксана скрестила руки и резко откинулась назад.

— Почему? — спросила Диана.

— Да потому, что с идеальной внешностью можно просто жить и радоваться. Что еще нужно? Можно найти просто классного парня, зачем сразу миллионера?

— Ты думаешь, красивым девушкам мужчины не разбивают сердце? — резонно заметила психолог. — Думаешь, красавицы не одиноки? Красота гарантирует прочные отношения?

— Нет, но, согласитесь, это всяко лучше, чем вот это! — девушка резко указала на себя. — Тут вообще шансов ноль! Все то им мало! Мало счастья? Давай ложку побольше! Вот честно, я бы так любила себя, будь красивой! Что толку с денег? Что с ними делать, швырять

людям в лицо?

— Не все так думают, как ты — кивнула Диана. — Есть женщины, которые встретили своего долгожданного принца, и вышли за него замуж, но тоже имеют другие проблемы, мешающие жить спокойно.

— И что же это? — глаза девочки наполнились живым интересом.

— Поверь, причин очень много. Кто-то понимает, что не того ожидал от брака. Кто-то начинает попросту скучать. Есть пары, у которых резко портятся отношения после свадьбы. Кому-то в любимом человеке не хватает понимания, доброго советчика, опоры. У некоторых слишком завышена планка и ее просто невозможно достичь реальному человеку... Так, даже самые прекрасные женщины, соответствующие всем требованиям современного идеала красоты, в один день оказываются просто не нужны своим любимым. Это, кстати, самый распространенный случай.

— Но почему? — изумилась девушка.

— Идеал потому и манит, что кажется нереалистичным. Вроде фантазии или мечты. А на поверку оказывается — обычный живой человек, со слабостями, потребностями...

— И что же вы им советуете?

Диана усмехнулась.

— Думаю, любой психолог рекомендует им привыкать к правде. Быть естественнее, и понимать, что конкретно ждешь от отношений, от жизни в целом. Это сильно увеличивает шанс на счастье. Каким бы ни был образ или идеал — разоблачение неминуемо. Если мужчина относится к женщине, как к трофею, он ни за что не остановится на достигнутом. Трофеев так много, и все такие желанные. А женщина, связывающая судьбу с кошельком, никогда не обретет счастья и душевной гармонии. Такие часто превращаются в страшных деспотов для окружающих, проецируя собственное недовольство на других. Она ведь совершает насилие над собой, живя с неприятным ей человеком и исполняя его прихоти за деньги. И боль от этого насилия требует ожесточенного выхода. Поэтому она заботится о том, чтобы причинять боль другим. Себя она убеждает в том, что муки ее не напрасны, трон того стоит.

— Ну и ну, — все не успокаивалась Оксана — Если по чесноку, женщина, которая продалась за бабки, ничего другого не заслужила — только постоянное недовольство! Жаль, что другим от нее вулдырь на ровном месте. А вот та, что жертва «коллекционера» — реально жесть! Я бы посоветовала такой женщине больше не влюбляться, или выбрать простака! Чтобы не держал ее при себе, как куклу. Ой, кукла надоела, бракованная попалась, меняю на другую! Козлы, короче!

Диана засмеялась.

— Видите, я тоже психолог, — хмыкнула на это девушка.

— Не все так просто в вопросах любви, — подвела итог женщина. — Любви к ближнему, любви к себе. Это ключевые вопросы каждой жизни, но будь хоть одна формула, решающая этот вопрос — психологов просто бы не существовало.

— А что, вы все вопросы решаете? — спросила вдруг Оксана.

— Мы пытаемся, — честно ответила Диана.

— Значит, не всегда выходит? — в голосе девушки послышался холод, выражение лица сделалось отрешенным. — Вот и со мной не выйдет, — сказала она.

— Почему ты так думаешь? — Диана внимательно смотрела на нее.

— Я это знаю, — пробормотала девушка чуть слышно. — Я безнаджный случай. Вы

только время теряете.

— Мне нравится с тобой общаться, — призналась психолог.

— Вы за это деньги получаете, — возразила девушка, разглядывая свои колени.

— Тебе было бы легче, если бы я не брала деньги за наши беседы? — поинтересовалась

Диана.

— Но вы же этого не сделаете? Сидели бы вы с тупой жирухой и говорили бы с ней о ее проблемах? — Оксана с раздражением пыталась выдернуть нитку из шва на джинсах. Щеки ее побагровели.

— Ты можешь мне не верить, но чтобы помочь человеку, достаточно просто уважать его, — заметила Диана.

— Вы хотите сказать, что вы меня уважаете? — девушка сардонически вскинула брови, быстро поглядела на психолога, и снова принялась ожесточенно дергать ниточку.

— Конечно, — твердо ответила Диана. — Каждый человек — чудо творения, понимание этого — единственный путь к исцелению.

— Чудо творения? Что в этом куске жира вы видите чудесного? — с вызовом спросила девушка.

Диану это не сбило с толку. Голос ее оставался ровным и спокойным.

— Прежде всего, — сказала она, — тонкого человека. Эстета. Тебе важно видеть во всем красоту. Только ты еще не всю красоту этого мира познала. Вот это тебя и мучает.

— И вряд ли познаю, — отрезала девушка. — Вы сейчас расскажете мне, как замечательно быть жирухой? В этом столько красоты — целых 102 кило! Хорошего человека должно быть много и прочая чушь! Ага! Давайте, начните меня жалеть и вешать лапшу.

— А знаешь, почему у многих людей такое внутреннее неприятие жалости? — спросила вдруг психолог. — Почему и ты сейчас об этом упомянула? Корень слова — «жало». Иными словами: саднящая боль, яд в душе. И что делает тот, кто жалеет? Сам это жало вонзает. У меня отец филолог, могу многое тебе поведать из этой области. Значение слов и прямое их воздействие на психику. А теперь скажи, понимая такие вещи, я стала бы тебя намеренно жалеть?

Оксана не ответила. Но задала новый вопрос:

— Вы многих своих клиентов вылечили?

Диана вздохнула.

— Понимаешь, на самом деле никто никого не лечит. Психология лишь помогает человеку сориентироваться в достижении этой цели, совсем чуть-чуть.

— Но не всем, да? — настаивала девушка.

Диана промолчала, взяла стоящие перед ней в настольном наборе ножницы и протянула девушке.

Оксана невольно взяла их, отрезала раздерганную ниточку на джинсах и тут же вернула обратно.

— Но ведь у тех тех женщин, о которых вы рассказывали, все ништяк? — продолжала она, пытаясь снова за что-то зацепиться на шве, царапая ткань ногтем. — Задобрить меня пытались? Ладно! И что, вы уже придумали, как меня лечить?

— Мне не нужно тебя лечить, — ответила Диана. — Я просто показываю тебе разные стороны одного предмета, которые ты не замечаешь. Все изменится, когда ты это увидишь.

— Да неужели, как? — цинично обронила девушка. — Похудею до сорока кило? У вас есть чудо-таблетка? Вы моих родственников видели, этих мишек Гамми? Такая порода

только в могиле хуеет!

— И что потом? — неожиданно спросила Диана.

— В смысле? — не поняла девушка.

— Ну окажешься ты в могиле, и что дальше? — Психолог пристально смотрела на нее. — Будешь гордиться своим скелетом?

Оксана невольно наморщилась:

— Что вы такое говорите...

— Разве это я? Это ты говорила о могилах. Гадко, правда?

Девушка не мола подобрать слов какое-то время. Замечание Дианы смутило ее.

— Если меня не станет, то и проблемы не станет... — тихо пробормотала она в конце концов, продолжая разглядывать свои крупные колени. — Я не хочу страдать всю жизнь.

— Хорошо, что наши предки так не думали, а то бы и человечество уже выродилось.

— Ну так и пусть, — фыркнула девушка. — Толку от него? Только убивам эко-систему!

— Но тогда и красоты бы не было, — отозвалась женщина.

— И уродства тоже, — парировала Оксана.

— И всех любимых тобой вещей, — продолжала психолог.

— И издевок...

— А если бы ты была Богом, и создавала мир? — не отставала Диана.

— В нем бы не было уродства, — буркнула девушка.

— А что если все, что в твоём представлении уродство — лишь заблуждение? Кривое зеркало, твое неправильное восприятие? И Бог создавал тебя как шедевр. Что, если ты для него — совершенство? Но ты это всячески отрицаешь. Ведь единственное, что мешает тебе это понять — навязанная проблема. Ты бы ее не замечала, если бы в моде была не худоба, а пышные формы, так ведь? Но индустрия моды, точнее — конвейер рекламы, делает несовершенными нас всех, всех без исключения! Как можно состязаться с фотошопом, с отобранной из миллиона моделью в слое грима, которую одели особым образом и направили на нее свет десяти электростанций? Кого винить: себя, свой кошелек, своих близких?

Дав пациентке несколько секунд на переваривание, Диана снова заговорила:

— Это все зеркальные нейроны. Ты должна была проходить это в школе. Они нужны для адаптации, для подстройки к среде обитания, выживания. Но играют с нами самую злую шутку из всех. Мы не замечаем, как втягиваемся в процесс подражания всего, что нас окружает. Любого фильма, моды, рекламы. Дурные привычки у всех одинаковы. Манеры дублируются. А если что-то не получается — вот тебе и низкая самооценка. Депрессия. Ибс не дотягиваешь до шаблона. И что это, по-твоему, если не болезнь? Это на тот случай, если ты сомневаешься в работе психолога. Когда-то люди жили может не так вольно, как сейчас, но яро чтители то, что называлось гигиеной слуха, гигиеной зрения, и, само собою, — ума. Если наблюдался хоть один дурной пример, рядом непременно появлялся следующий. Ни один человек не рождается плохим, но почему-то одни склонны подражать всему доброму, а другие увлекаются самым худшим, что можно найти.

Девушка призадумалась, но отчего-то стала еще мрачнее.

— Одна знакомая сказала, что у меня плохая карма, — проронила она, в конце концов. — Поэтому я такая... Что вероятно в прошлой жизни я поступала ужасно. Может даже была красавицей, которая вытирала ноги о всех ущербных... Худшей расплаты не придумаешь...

— Ты веришь в это? — спросила Диана с интересом.

— Не знаю.

— Но ты веришь в реинкарнацию?

— Возможно.

— Но тогда, — заключила Диана, — если ты себя убьешь, ты усугубишь проблему, так ведь? По заключению эзотерических учений, например, в следующей жизни ты будешь еще более несчастна.

— И снова себя порешу, значит, — бросила Оксана, хмурясь все сильнее.

— Но ведь потом, — напомнила Диана, — все сначала.

— Значит буду постоянно так делать.

— Пока не превратишься в дождевого червя? — заметила женщина.

— А что — сейчас лучше?

— Я вот даже не сомневаюсь, — заметила Диана.

— Вам легко говорить, у вас хорошая фигура... и все такое...

— Не правда, — Диана откинулась в кресле. — Мою фигуру многие обкритиковали бы. Посоветовали бы сбросить пару кило, а то и все десять.

— Глупости, — девушка быстро взглянула на нее исподлобья. — Мне бы ваша фигура подошла. Только мне не светит... Не с моими генами. Таким как я рожать нельзя. Чтоб не было так много жириков на планете.

— Какое счастье, что мои родственники так не думали, — покачала головой Диана. — А то бы и меня не было, и этого разговора...

Оксана удивленно уставилась на нее.

— У меня в роду очень много, как ты говоришь, мишек Гамми, — сказав это, женщина отчего-то даже просияла.

— Да ладно! — хмыкнула девушка. — Вы нарочно так говорите.

— Зачем? Я говорю правду. Мои двоюродные сестры приблизительно твоей комплекции. У меня и бабушка была довольно пышной женщиной.

— Ого! — Оксана оценивающе взглянула на психолога. — Я вас поздравляю, вам повезло — проскочили!

— Но ведь если бы мои предки запретили себе заводить потомство, — со значением заметила женщина, — представляешь?

— Но у меня в роду не так. Может мама и надеялась на что-то другое, но... блин! — не найдя слов, девушка замолчала.

— Мы уже говорили об этом, твоя мама — прекрасный человек, и заслуживает счастья, — спокойно заключила Диана. — Счастьем для нее являешься ты.

— Ну что же это такое? — выпалила девушка и снова замолчала, отчаянно мотая головой. — Зачем это надо?.. Я не могу смириться с этим. Не могу — и все! Не могу принять себя такой, как есть! И другие никогда не смогут! Не нужно меня дурачить! Общаться со мной еще как-то можно, но меня никто и никогда не полюбит всерьез. Даже, если бы я была из чистого золота... А что мама? Что мне ее любовь?.. Это тоже неправильно. Она родила меня как бонус в дополнение к неудавшейся жизни. И все. Я ей нужна, но мне этого не нужно, понимаете? — Оксана сотрясалась от слез. — Мне не нужна ее любовь... Меня никто не спрашивал...

Диана дала ей возможность выплакаться и тем самым разрядить напряжение.

Затем спросила:

— Ты веришь в призраков?

— Что? — Оксана растерянно посмотрела на нее, вытирая раздувшийся нос салфеткой.

— Не была на Лучаковском кладбище? Никогда не замечала духов или призраков?

Девушка задумалась на полном серьезе, потому что Диана, похоже, тоже спрашивала на полном серьезе.

— Там фиг кого увидишь в толпе туристов, — выдала рассеяно.

Диана улыбнулась:

— Я вот тоже так думаю.

— Вы почему это спрашиваете? — продолжала непонимающе моргать влажными ресницами Оксана. — Вы намекаете, что если я себя убью, то стану призраком?

— Нет, что ты, — успокоила ее женщина. — Я просто спросила. Мне кажется, я верила в духов, когда была маленькой. А потом поняла, что люди просто исчезают — без следа. Люди, которые родились для того, чтобы жить, радоваться, помогать другим, любить, оставлять после себя след. Жизнь — самое замечательное, что вообще может случиться с нами. С нашим разумом. А мы придумываем себе проблемы, отчего-то не видя сколько прекрасного вокруг. Так много шансов упускаем... Вот я о чем.

Оксана хлюпнула носом.

— Вы так красочно излагаете, просто как в кино, так и слышу ваш голос за кадром, пока идут картинки с красивыми лицами крупным планом на фоне природы. Ну да и ясно — ваша работа такая, вызывать ассоциации. А правда в другом — меня никто и никогда не поймет по-настоящему, только тот, кто сам на моем месте. И не надо заливать про толстых знаменитостей, или про тех, кто давно смирился с собой, живет типа, радуется... Потому что я...

Она замолчала, не закончив мысль.

Диана понимала, что время их встречи подходит к концу и девушку нельзя отпускать в таком состоянии.

— А что такое наше Я? Как ты думаешь? — спросила она. — Это рука, нога, попа?

— Ну... выходит, что так, — пожала плечами Оксана.

— Но есть же инвалиды, — с готовностью возразила Диана. — Они живут без рук, без ног. И, подумай, они такие страдания ощущают каждый день, что никому и не снилось. И живут. Отсюда выходит... что мы — не совсем наше тело... Есть еще что-то, как ты думаешь?

— Не знаю... Мозг, скорее всего, — предположила Оксана без особого интереса. — Сознание...

— Ну, а как же умственно отсталые люди? У них же есть собственное Я. Или впавшие в кому, — их тело продолжает жить, когда мозг не работает. Они без сознания. Что же тогда наше Я? Одежда, которую мы носим? Слова, которые произносим? Фигура, волосы, лицо? Может, имя?

— Это тоже.

— Но ты же веришь в реинкарнацию? Имя не навсегда. Как и внешность. Но есть что-то, что точно наше Я, так ведь? Оно всегда с нами. Мы понимаем, что это нечто прекрасное, верно? Есть такое чувство?

— Ну... не знаю...

— Может, это... — начала и тут же замолчала женщина.

— Что? — подняла глаза девушка.

— Я думаю, ты найдешь ответ, если подумаешь. Расскажи мне в следующий раз, хорошо? — попросила Диана.

— Но вы же наверняка сами знаете.

Психолог таинственно поглядела на девушку:

— А вдруг я ошибаюсь? Или понимаю сугубо личное Я... Подумай. Это вроде домашнего задания. И, кстати, у меня для тебе есть еще одно задание, но это позже. Я позвоню тебе и сообщу о нем. Ты не против?

— Не против, — пробормотала девушка, тяжело поднимаясь...

-Глава 5

— Вот ее паспорт! Что вам еще надо? — голос Людмилы Николавны дрожал от нарастающего раздражения.

Перед ней сидел апатичный майор (она сама настаивала на том, чтобы говорить с майором — не меньше!) и с казенным выражением выслушивал жалобу пенсионерки.

— Чего сидите, как груш объелись, я с вами разговариваю, или с собой? — негодовала женщина. — Вы меня видите вообще?

Он, наконец, перевел на нее равнодушный взгляд, тяжело вздохнул и снова уткнулся в монитор компьютера:

— Я же говорю, ее нет в базе данных, — сказал он. — Никто ее не разыскивает.

— Да что ты за олень? — вскинулась пенсионерка, белея от злости. — Я тебе сколько раз должна повторить, глухарь, что никто не знает, куда она подевалась! Просто пропала! Я звонила ее родителям, они сказали, что не представляют, где она может быть. А эти вшицы из магазина знать ничего не знают, стоят, глазки совиные — с утра уже заправились! Говорят, вещи мы ее выбросили, так и поделом. — Бабуля с театральным усердием передавала ехидную интонацию продавщиц. — Хихоньки у них. Наглые, как будто черта за хвост прищемили! Что-то наверняка знают, злорадствуют. Ой, чую я неладное, ох, будете потом куковать! Два месяца! Я теперь жалею, что раньше не обратилась. Труп ее теперь искать будете, — пригрозила бабуля.

— Если будет труп, мы вас оповестим и вызовем для опознания, — равнодушно ответил майор.

Бабуля чуть не задохнулась.

— Да ты вообще отсталый, что ль? — заорала она, размахивая у него перед лицом паспортом. — Проснись! Вперился в свою коробку и не слышишь, что тебе говорят! Записывай ее данные, вноси в свою базу проклятую! Да что же это такое? Есть кто другой? Позовите мне кого-то, кто в школе учился! — Пенсионерка совсем уже вышла из себя.

— Если будете кричать, я попрошу вас уйти, — предупредил мужчина.

— Не имеешь права! — парировала она. — Да что ж за хамье одно кругом?

В кабинет вошел еще один молодой человек, но в гражданском. Людмила Николавна сходу набросилась на него:

— Еще один двоечник? Здесь даже хорошиста не найдется ни одного?

— Вы чего кричите? — поинтересовался вошедший. — Нашли где скандалить.

— Ты как разговариваешь? Что за мода пошла — хамить пожилым людям? На вас если не кричать, вы же не проснетесь, пальцем о палец не ударите!

— В чем, собственно, проблема? — мужчина остановился возле женщины, и посмотрел

на нее сверху вниз.

— А ты кто такой? — не унималась пенсионерка.

— Начальник розыска.

— О, все начальники! Штанов на вас не наберешься, чтобы протирать!

— У вас заявление? — прервал мужчина ее речь, рассчитанную не на один час, и переглянулся с майором.

— Заявление! — воскликнула бабуля. — Уже час тут сижу. Но вы даже писать не умеете!

— Сейчас все напишем, не надо кричать.

— Вот и записывай, давай, давай, записывай, — процедила женщина, не торопясь понижать интонацию. — А то этот тугодум ничего не умеет, даром что майор. В столовой поди долго не думает...

— Послушайте, хватит нас оскорблять, — попросил ее начальник довольно настойчиво, со старательной сдержанностью. — Вас же никто не оскорбляет.

— Меня один ваш вид оскорбляет, — парировала бабуля, но вдруг замолчала и прикусила язык, заерзала на стуле, с опаской поглядывая на мужчин. — Вы же меня не слушаете, — добавила уже потише, чуть примирительнее.

— Слушаем, слушаем, — ответил начальник, строго поглядев на нее, заметив, что бабка стушевалась. Он уперся рукой о край стола, и, нагнувшись, заглянул в монитор. Затем перевел взгляд на лежащий на столе раскрытый паспорт. — Это она?

— Да. Эта девушка исчезла, — сказала Людмила Николавна. — Никто не знает, где она. А точнее — никому до нее дела нет. Вещи свои оставила, документы тоже. Мне пришлось порыться в ее вещах, чтобы найти паспорт. — Бабуля стрельнула глазками в начальника. — Ну, а что делать? Загулять можно на неделю, ну пусть бы и на месяц, но тут что-то неладное. И не надо делать такие рожи, будто бабка сериалов про ментов пересмотрела. Но куда еще идти, если не в милицию — пропал человек! Это ваша работа, деньги за это получаете...

Пока она говорила, паспорт пропавшей перексерили, заполнили все необходимые бланки и подсунули пенсионерке для подписи.

— Вот тут... Что с моих слов записано верно. Еще напишите отдельно, своей рукой все то же самое...

В общем порядке оформление заявления заняло не больше 10 минут, восемь из которых Людмила Николавна доставала очки, протирала их и писала крупным учительским почерком короткое изложение того, что повторяла вслух уже сотни раз.

Той ночью она очень плохо спала, не помогало ни успокоительное, ни снотворное.

Все вспоминала Людмила Николавна неприятное свое общение с милицией, все прокручивала в голове их ответы, их неуважительное отношение. Как несправедлива молодежь к старшим, в особенности та молодежь, что заняла какие-нибудь почетные кресла (небось, не без старания старшей родни!)

Все размышляла, как нужно было поступить, что сказать, чтобы поставить их на место.

Вообще она часто любила в конце дня подумать, лежа в кровати, как прошел день, возвращалась в те минуты, что особенно запомнились. Но в этот раз ее сердце слишком уж быстро стучало, не давало покоя давление, ей все казалось, что она задохнется, что у нее, возможно, случится инфаркт, а рядом то нет никого...

Все не выходил из головы собственный укор, брошенный в лицо майору: «Теперь будете

ее труп искать!» Зачем такое сказала? Еще больше прыгало и лязгало в голове его циничное «Если будет труп, мы вас вызовем для опознания»...

Ей так и мерещилось лицо мертвой девушки, изувеченное, серое...

Так и чудилось, что сама девушка присутствует в ее квартире, а точнее — ее несчастный дух! Что вот она ходит по своей комнате. Или стоит над кроватью пожилой женщины...

И тогда резко вздрагивала Людмила Николавна, распахивала пошире глаза, с ужасом вглядываясь в темноту, исступленно крестилась и проговаривала несвязные обращения к Богородице...

В конце концов даже зажгла лампу.

Но свет в комнате только больше мешал ей уснуть...

-Глава 6

— Я же все понимаю, — говорил мужчина, — я пытаюсь себя контролировать, но только приходит вечер, я ничего не могу с собой поделать, как будто и правда планка падает — только и думаю про стакан. Потом снова весь день в раскаяниях... Снова повторяю себе, что этого больше не будет. Но словно включается какая-то кнопка...

Мужчине чуть больше тридцати, но выглядит старше: заметно редущая шевелюра, сильно помятое лицо, морщины. Затравленный взгляд, избегающий смотреть прямо. Под влиянием алкоголя подвержен сильной агрессии.

— Я знаю, что все могу контролировать, и хоть завтра верну жену...

У социологов есть термин о том, как люди изменяют свою речь, чтобы звучать солиднее: лингвистическая неуверенность. Он старался говорить громко, бодро, но голос его дрожал. Сильнее всего это было заметно на словах «жена», «понимаю», «могу».

— Алексей, назовите мне три слова, характеризующих счастливую семью, — попросила психолог.

Он прокашлялся, все так же стараясь придать твердости своему голосу.

— Благополучие, конечно! Ну, потом...

Чем напряженнее он думал, чем точнее пытался ответить, тем больше путался и не мог подобрать нужных слов.

— Ну, любовь... — Глаза его скользили по комнате в поисках подсказки. Он задумался на третьем слове, отвернул лицо в сторону и нервно затеребил мочку уха.

Прошло не меньше минуты, а он все не мог подобрать слово. Он все понимал, волнение его нарастало, но, похоже, мозг выдавал ему что-то другое, либо вообще ничего не выдавал.

— Не торопитесь, — мягко напомнила Диана. — Подумайте.

— Да что тут думать? — выпалил мужчина. — Не ясно, что такое счастье для семьи, что ли? — Но глаза его все еще растерянно бегали по потолку, а лоб скатался в грубые полоски. — Любовь и... понимание! — Он произнес это с неожиданным облегчением, будто решил, наконец, сложную задачу.

Ему важно производить впечатление.

Он зачесал с гелем волосы, хоть в действительности ему это не шло и выглядел он нелепо, оделся в деловой костюм, хоть и это было ни к чему, только еще больше сковывало.

Говорить пытался умно, чтобы не выглядеть недоразвитым в глазах доктора, — женщины! Но речь плохо ему поддавалась и напряжение только усиливалось.

Он впервые на приеме.

Диана сделал несколько пометок у себя в блокноте.

В манерах некая «петушиность», несглаженность, склонен доходить до фамильярности при раздражении, вспыльчив. Болезненное стремление казаться значимым. Почти инстинктивный страх, что его высмеют или отвергнут. То, очевидно, что случается с ним слишком часто, на протяжении всей жизни.

Отрешенность и покинутость, бесспорно, еще с детства. Быть может, с юности. Отец, скорее всего пил, после чего последовал развод с матерью. Парень уже силился тогда все понимать, но был еще слаб и не защищен, — вероятно, лет тринадцать. И без того не идеальная семья развалилась, мать отдалилась, он учился напускной храбрости, чтобы не выдавать чувства на людях. При возможности плакал. Но тогда ненавидел себя за слабость, а родителей за то, что стали тому причиной.

— Теперь назовите три слова, характеризующих несчастливую семью, — попросила она.

Мужчина громко вздохнул, набрав побольше воздуха, но ответил быстро, не задумываясь:

— Бедность, скандалы, разводы, ненависть...

Четыре слова вместо трех. Последнее было сказано немного тише, но с большей подрисовкой, подразумевая, что за этим следует еще много всяческих неприятностей.

«Скандалы и разводы» — во множественном числе. Значит, то, что он наблюдал в жизни родителей перенеслось в его собственную семью. Она сделал пометку.

— Алексей, чему вы способны доверять? — спросила она и увидела на его лице удивление. Он впервые посмотрел на нее, но тут же перевел взгляд на какие-то предметы на столе.

— Доверять? — повторил встревоженно.

— Да. Какие качества в людях вызывают лично у вас доверие? Не спешите, подумайте.

В такой момент, когда человек изо всех сил тшиться казаться умным собеседником, чтобы дать ему возможность расслабиться, очень важно попросить его не спешить с ответом. Он знает свои недостатки. Стремится отвечать быстро, и, чувствуя заминку, загоняет себя в угол, злится. Крайне важно погасить это напряжение.

Этот человек выделил слово «ненависть». Не случайно.

Все, что он делает или говорит, выдает эту крайнюю ненависть. К себе, разумеется. И все, что он делает и говорит направлено на то, чтобы наказать себя. Диана беседовала с ним около пятнадцати минут, но уже знала причину всех его бед.

И все же он пришел к психологу. Сам пришел.

Пожалуй, это стоило выделить в записях особым шрифтом.

Диана откинулась в кресле, всей своей позой олицетворяя спокойствие. Мужчина понемногу перенимал это спокойствие, и тоже откинулся на спинку дивана. Его плечи стали чуть более расслаблены, пальцы рук все еще оставались скрещенными, но он уже не так часто и не так сильно их сжимал. Нервозность медленно, но отступала.

Через эмоции человек делится самым сокровенным, отдает частичку души. Становится прозрачным. И уязвимым.

— Простота, наверное, — он пожал плечами. — Знаете, когда человек что-то строит из себя — так бесит! Я таким людям точно не доверяю.

— В вашем окружении есть такие люди? Я имею в виду простых людей, — спросила она.

Он задумался. Отвечал уже не так поспешно.

— Не знаю... Есть наверное парочка, но таких мало.

— Вы с ними часто общаетесь? Это ваши друзья, родственники?

— Это мало знакомые люди.

— Вы с ними выпиваете вместе?

Он опустил глаза:

— Случается...

— Скажите, а себя вы можете назвать простым человеком?

— Я?.. — Здесь подразумевалось громкое восклицание вроде «Простой как пять копеек!», но мужчина вдруг запнулся. Глаза еще глубже погрузились в изучение пространства.

— А черт его знает, — протянул он в конце концов.

Это означало, что он начинает ей доверять. Его первая реакция — привычка защищаться, почти неосознанная. Но он словно одумался, вспомнил, что пришел сюда за помощью.

— Наверное, я не так то и прост...

— Видите, получается замкнутый круг, — пояснила женщина. — Нужно быть простым, чтобы люди вам доверяли. Но вы не доверяете им, и поэтому не можете позволить себе такую роскошь. Но, может, люди точно так же как и вы не склонны доверять? Ведь не все, и не всегда притворяются ради выгоды, так ведь? Большинство людей абсолютно такие же незащищенные. И не могут позволить себе выглядеть простыми.

Он кивнул, давая понять, что согласен.

— Как давно вы общались с родителями? — спросила Диана.

Он пожал плечами, но они при этом сильно напряглись.

— Да вот... С мамой несколько дней назад по телефону. Отец давно умер... спился, — трагично констатировал мужчина. — Так что... Я поэтому и здесь. Понимаю, что иду по его стопам...

— У вас есть дети?

— Дочь, восемь лет. — Его голос внезапно осип, из-за чего он громко откашлялся.

— Вы ради нее здесь?

Он кивнул и низко опустил голову. Заметно было, что едва сдерживает слезы, когда речь заходит о дочери.

— Алексей, вы сделали очень важный и очень значимый поступок, — сказала Диана. — Вы большой молодец. Могли пойти в бар, но пошли к психологу. Вы наполовину уже решили свою проблему. Не из-за психолога, — она улыбнулась, — а из-за решительных действий. Итак, — продолжила она, дав пациенту время осознать ее слова, — ваш отец пил, и вы напуганы, что наследуете его?

— Да. Это же очевидно.

— Скажите, а какие причины были у него?

— В смысле? — мужчина непонимающе взглянул на нее.

— Ну как же, ведь у него тоже были причины, как вы считаете?

Мужчина попытался резко сменить положение: закинул руку на спинку дивана, потом вернул ее обратно на колени, принялся тереть обручальное кольцо на пальце, затем чуть приподнялся и постарался закинуть ногу под себя, но ему было не удобно сделать это в костюме. Он снова сел ровно, поправил полы пиджака, пригладил волосы. Его лицо

искажилось от волнения. Судя по всему, он впервые столкнулся с этим вопросом. Он никогда ранее не думал о причинах, побудивших его отца беспробудно пить.

— Я... вы думаете... какие у него могли быть причины? — спрашивал сбивчиво.

— Вспомните, попытайтесь понять, — попросила она.

— Он... они ругались постоянно. Но, я думаю, это оттого и ругались, что пил... Какие еще причины?..

— А ваша причина? Вы ее знаете?

Он покачал головой:

— Я пришел к вам, чтобы разобраться. Я хочу это прекратить. Я все понимаю. Но как под гипнозом... В какой-то момент просто ломаюсь и думаю: пропади оно все пропадом! Скорее кончусь — тем лучше...

— Вы так и не простили отца за пьянство? Вы считаете, это он виноват, что распалась семья?

— Ну, вообще-то... кто ж еще, если не он? Как и я сейчас. Моя семья распалась тоже... Ну хорошо, вы говорите у него это... значит... были причины... Ну, может, как и я остановиться не мог... Зависимость... Но я ведь пошел к психологу. Почему он не пошел?

— В те времена, боюсь, это было проблематично, — предположила Диана. — Во-первых, никакой конфиденциальности, сразу отчет на работу. Во-вторых, ему было стыдно. А в-третьих, он возможно размышлял, как вы только что озвучили: «скорее кончусь — тем лучше»...

Мужчина тяжело дышал, находясь в глубоком смятении, и теперь уже был полностью открыт, сбросив напускные манеры.

— Но он... даже не виделся со мной за все годы... Я же дочку свою не бросаю...

— Но когда вы ее видите, чувствуете омерзение к себе? — спросила Диана.

— Чувствую, — с горьким откровением признался мужчина. — Молюсь, чтобы ничем не пахло...

— А что, если он переживал еще сильнее, чем вы? Что, если он так сильно боялся вас оскорбить, напугать своим видом, что предпочитал не показываться на глаза? Что если ему было стыдно до такой степени, что он превратился в невидимку?

Мужчина вдруг закрыл ладонью глаза и Диана замолчала. Он резко всхлипнул.

— Не бойтесь этих эмоций, — негромко произнесла женщина. — Это нормально. Для того рядом и стоят салфетки. Это не слабость, это естественные эмоции. Мужчины зря думают, что им нельзя плакать, бывают моменты, когда это необходимо.

— Я не знаю, что мне чувствовать к нему... — простонал мужчина надломленно. — Убил бы, скотину!.. Ненавижу! И сам такой... Что за проклятие? Почему так трудно избавиться от этой заразы? Чем больше проблем, тем сильнее хочется себя закопать!

— Вот вы сами только что ответили на свой вопрос, — сказала Диана. — Ваше стремление пить никак не связано с генами, и не связано с вашим отцом. Таким образом вы наказываете себя.

— Наказываю? Разве пьют не для того, чтобы забыться? — мужчина утер слезы салфетками, его руки сильно тряслись, кожа сделалась пунцовой. Предполагались еще и сердечные нарушения, сделала она заключение.

— В исключительных случаях — да, — ответила Диана, — еще в молодости, когда не знают, что такое алкоголь, а эйфория наступает уже после первого глотка вина. Только со временем праздник дофамина заканчивается, и наступает расплата «по кредиту». Взрослый

человек знает, что это такое. Тяжелое похмелье, самобичевание, убитое здоровье, спущенные деньги — вот такой набор приобретается к так называемому «забытью». Каждый раз, когда вы начинаете пить, вы уже знаете, что будет завтра. Каким жестоким будет пробуждение. Но считаете себя достойным этой боли, глубоко верите в то, что вас следует наказать. И наказываете себя всякий раз. Каждый человек знает, что алкоголизм — страшная вещь. И если вас мучит вина, если вы полны ненависти к себе, значит, непременно придумаете, как себя наказать. Самый распространенный способ «отомстить» себе — напиться, дойти до крайности, быть может, не проснуться. Это доставит много боли, рассорит с женой. И таким образом, вы в очередной раз докажете себе, что ненавидите себя заслуженно.

— Это правда, — признался мужчина. — Я неудачник... Я всегда это знал... всегда это чувствовал...

— В чем это выражается? — спросила Диана.

— Во всем... Учился так себе, хоть не тупой вроде был, мог и лучше... С людьми не умею налаживать контакт... Родители разошлись, мать второй раз вышла замуж, а я пошел учиться куда-нибудь, лишь бы с глаз долой. Это было строительное училище. Там как-то и повелось устраивать постоянное веселье...

— Компании скрашивают одиночество?

— Еще как. Все вертится вокруг тебя... пофигу, что родителям ты не нужен, что у каждого своя жизнь.

— А что потом? — спросила она. — Куда деваются компании?

Он пожал плечами:

— А черт их знает... Столько было друзей, и где они все?

— Люди, с которыми вы выпивали в юности — ваши друзья? — уточнила Диана.

— Нет, сейчас уже нет. Но ведь когда-то мы были неразлучны.

— Алексей, ну это все проходят, — сказала она. — Вам не стоит разочаровываться в этих людях, потому что ни вы им, ни они вам — никогда не были друзьями. На самом деле происходит иллюзия братства. Вам весело в компании алкоголя, а не друг друга. Любого человека из этой компании можно было подменить, и вы бы не заметили разницы. Вы не определяли их по какими-либо качествам, вы даже не знали этих качеств. Вам кажется, что раньше они были веселее и приветливее, вы вместе решались на ночные приключения, а потом обсуждали их. Но каждый из вас гулял наедине с собой. Все остальные создавали некий фон, чтобы заглушить отвлекающие мысли и продлить эйфорию от вина... Почему пить наедине человеку так мучительно? Потому, что он никуда не девается от своих мыслей. А в компании создается видимость общения, тебя вроде даже кто-то слушает, ты ведешь диалог. На самом деле все чувства притуплены и оценить диалог вы не способны, и говорите, как правило, что-то несвязное. Но это не имеет значения. Алкоголь замутняет разум, компания отвлекает внимание. Большого и не нужно. А потом все заканчивается, как сон. Где же то веселье, то вино, что выпито вчера, как в песне поется. А люди, с которыми вы пили, все такие же незнакомые, унылые. Вы ведь не беседовали по душам, не клялись друг другу в дружеской верности, вы давали возможность друг другу выпустить пар: кричать, смеяться, возможно, плакать... Вы сыграли друг для друга роль декорации — и не более того. Так что ни вы им, ни они вам — ничего не должны. Напротив, такое общение быстро заканчивается, в особенности, если кому-то важно поскорее стереть чувство вины, следовавшее за этим весельем. Если человек ничем не оскандалился, возможно он не так

быстро постарается забыть свою кампанию... Если у вас теперь есть более регулярная компания, не спешите называть их друзьями или людьми вас понимающими. Вас связывает общая проблема, но вы ее не решаете. Можно бесконечно сочувствовать друг другу, понимать эту слабость, но это не ведет к избавлению от напасти.

— А что ведет? — быстро спросил мужчина.

— Вы должны перестать наказывать себя. Первое — вы должны это понять. Но дальше еще остается много работы над собой. И не пугайтесь, это хорошая работа. Люди, которые идут в спортзал, например, чтобы накачать тело, сталкиваются с тем, что нужно много трудиться, таскать тяжести. Поработав неделю, бросают свою мечту о красивом теле, ведь это так трудно. А вот люди, которые не смотрят на турник с ужасом, а думают о том, как совершенны они становятся с каждым усилием — всегда добиваются результата. Понимаете? Никто и никогда не избавился от проблемы, пока сам того не пожелал. Настоящее желание заключается в действиях. Вы здесь. Это начало. Вы будете становиться совершеннее, вы этого достойны и просто примите, как факт. И ваша дочь будет вам за это благодарна... Вот почему я жду вас завтра, в это же время. Только вы не должны пить. Сможете?

Мужчина заколебался.

Тогда Диана открыла ящик стола и спросила:

— Какого цвета глаза вашей дочери?

— Голубые.

Она достала из небольшой упаковки голубую канцелярскую резинку и протянула ему:

— Возьмите вот это. Оденьте на запястье. Вас это не смущает?

Он отрицательно помотал головой.

— Замечательно. Потому что это ваш тотем. Каждый раз, когда вам придет в голову идея вышить, смотрите на свое запястье. Если возникнет чувство, что вы достойны презрения и наказания, думайте о том, что наказываете не себя, а свою дочь. А она этого не заслужила, так ведь? И думайте о том, что скоро все наладится.

— А если я... не сдержусь?

— Сдержитесь, — сказала Диана очень твердо. — И отпразднуйте свою победу тем, что с утра выпьете чашечку кофе, и будете совершенно трезвы. Об этом мы с вами завтра и поговорим. Вам понравится.

-Глава 7

Почти каждое утро, выходя из своей квартиры, Диана сталкивалась с одной и той же картиной: Роза Кришгаль, пожилая женщина управдом, выдворяла большого бурого кота из подъезда. Он сидел на ступенях лестницы под почтовыми ящиками и дремал в лучах утреннего солнца, проникающего с улицы сквозь открытую дверь.

Пани Кришгаль всегда делала это особым образом. Она становилась над ступенькой, на которой лежал кот, и, чуть пригнувшись, шипела и фыркала на него, разгоняя воздух руками. Кот при этом даже не шевелился, словно все манипуляции старой пани только умиляли его и ничуть не возмущали.

— Пшш, пшш, негодник, — приговаривала женщина, — сначала ты, потом еще парочка бродяг, а кому убирать за вами? Иди на улицу! Пфф, пфф... Я тебя вчера в пиццерии видела,

вот и ступай туда, давай, пшш-пшшш-пшшшш...

Роза была очень древней жительницей дома. Точное количество собственных лет она, наверное, сама уже не припомнит. Диана всегда ее такой знала. Маленькая сухопарая старушка, всегда в шляпках и в изысканных нарядах. Неизменно с помадой на губах, с нежными румянами и довольно искусным макияжем. Бусы, серьги, нарядные туфельки, легкий аромат сладких духов — словно у нее каждый день праздник.

Каким бы ранним не выдалось утро, пани Кришгаль всегда при параде.

— Здравствуйте, — почтено улыбалась Диана, стараясь говорить чуть громче, зная, что пани слышит не так хорошо, как прежде, но старается это скрывать. Странные диалоги порой возникали, если старушка слышала что-то свое, и домочадцы знали это, как и о ее гордости, поэтому повышали интонацию совсем чуть-чуть, делая вид, что говорят обычным голосом. — Снова наш старый знакомый? Проще уже приписать его, чем пытаться избавиться, — сказала психолог, почесав kota за ухом. Каждый вечер она приносила ему несколько сосисек из соседнего гастронома.

Пани Кришгаль тревожно хлопнула в ладони:

— Да не с того я гоню, что не люблю! Но что будет с подъездом? Припиши его, потом его подружек, а там — и детей... Ох! — Женщина закатила глаза и помахала рукой в гладкой перчатке у себя перед лицом, будто веером. — Деточка, их пруд пруди, а дом то один! Это ведь не зверинец.

Кот продолжал мирно спать, управдом продолжала взволнованно жаловаться:

— Кто-то оставил тут кормушку на прошлой неделе, это неслыханно! Он пометил территорию и залег как пан Коцкий на печи. Я даже листок наклеила с просьбой не ставить тут посуду, но он уже прижился. Так нельзя, милочка, так совсем не годится...

— Вы, конечно, правы, Роза, — Диана положила руку на предплечье женщины. — Не волнуйтесь, скоро его кто-нибудь подберет, сердобольные у нас жильцы, сами знаете, каждую зверушку жалуют. Помните, сколько собак хромых на зиму брали, и котов пускали погреться, а голубя, помните, спасали всем подъездом, его аптекарь с третьего этажа забрал к себе и выходил? И кот не пропадет.

Пани Кришгаль немного успокоилась и накрыла руку Дианы своей ладонью.

— Ну что с ними делать? — вздохнула она с жалобным стоном. — Это, считай, дети малые. За ними нужен уход, им нельзя без своего угла, без хозяина, в том то и дело, деточка, он уже который месяц тут ошивается, а его так никто и не взял. Но если так, то пусть идет дальше, а прикармливать его в подъезде — неправильно.

— Ну, пусть еще поспит немного, не сердчайте, — все так же мягко уговаривала Диана, сжимая руку женщины. — Скоро он куда-то переселится — и поминай как звали.

— Я надеюсь, ты права, — повела тонкими бровками пани Роза. — Какая ты умница, Диана! Вот что значит — воспитание. Я всегда говорила, что твои родители — редкой души люди, дай им Бог здоровья! Вон какого ангела вырастили!

— Ну же, не перехвалите, — засмеялась Диана. — Хорошего вам дня, Роза.

— И тебе, мое золотце, самого замечательного дня, — улыбалась старушка, посылая ей вслед воздушный поцелуй.

Солнечные ласки становилось все большей роскошью по мере приближения зимы, но все еще радовали по утрам, рассыпая нежные пучки тепла и света. Диана особенно любила эту пору и старалась ни за что не пропустить.

Она редко пользовалась транспортом, предпочитая неспешную прогулку по городу.

Не имеет значения, живешь ты во Львове от рождения или приехал погостить — гулять по старинным улочкам можно долго, неустанно, с неиссякаемым чувством восторга и душевного комфорта.

Она знала здесь каждый миллиметр, каждый камень отполированной миллионами ног брусчатки, и все же погружалась в атмосферу города с неизменным увлечением, как если бы перешагнув невидимый порог, утопала во власти сказочных чар.

Иногда ей казалось, что сам воздух пропитан легкими парами дурмана. Архитектура «старого города» — торгового центра средневековой Европы — захватывала внимание, вводила в сети затерянных дворишков и площадей, в лабиринты петляющих улочек и парков, насквозь продуваемых ветрами эпох.

Неспешные группки туристов, костюмированные шествия, уличные музыканты и ярмарки, бесконечная череда ресторанов и кафешек на любой вкус. Рядом проносится аккуратный вагончик трамвая, а вслед за ним какая-нибудь карета феерично вписывается в поток машин. Девушки в старинных платьях — прекрасные и свеженькие — разносят сладости и цветы.

Потрясающий ансамбль веков и культур в одном пространстве. Ни одной лишней детали.

При этом как бы ни запружены были улицы деловой части центра, но ни шум, ни спешка не нарушает общего равновесия. Лица прохожих приветливы и овеяны той легкой задумчивостью, в которой напрочь отсутствует мрачность.

Сплетение наук, книгоиздательства, художества и духовности создали своеобразную львовскую идентичность.

Быть может, именно поэтому уровень преступности здесь достаточно низок.

Город, имеющий свойство погружать в транс.

Диане часто приходило на ум вместо предписанных часов терапий, проводимых в кабинетах, отправлять пациентов на длительную прогулку в центральные районы города.

Жаль, что за этими чертогами чары мгновенно рассеиваются, сталкиваясь с царством спальных микрорайонов и промышленных окраин.

Она привычно стучала каблуками по брусчатке, все еще немного влажной после дождя.

Решив сверить оставшееся у нее свободное время до встречи с пациентом, женщина взглянула на запястье, и обнаружила, что забыла часы.

Рассеянность ей не свойственна, и такая мелочь, как часы — настораживала.

Все же снотворное имеет не самые приятные последствия. Если бы не эти загадочные явления в ее квартире, она бы ни за что не стала его принимать.

Думать о призраках было неприятно, прислушиваться к странным звукам всю ночь — тем более, и все же сегодня она, пожалуй, не станет пить таблетку перед сном. Нужно поговорить с кем-нибудь об этом. Непременно. Закрывать глаза на проблему, какой бы нетипичной она ни казалась — крайне неразумно.

Кому, если не ей знать об этом. Все на свете имеет причину, разве нет?

На встречу по узкому тротуару шествовал статный пожилой мужчина в черном костюме конца девятнадцатого века. На голове его красовался черный котелок, согласуясь с аккуратной седой бородкой и длинным пальто. Он опирался на вычурную тросточку.

Шел не спеша, размеренно, и выглядел до того естественно, будто слилось пространство и время, и какой-нибудь доцент или профессор обычным делом направлялся на работу чуть более ста лет назад.

Увидев Диану, он отступил чуть в сторону, пропуская ее, и галантно поклонился, приподняв котелок над головой. Женщина улыбнулась и поклонилась в ответ.

— Здравствуйте, вы не подскажете, который час? — обратилась она к нему.

Мужчина снова кивнул, откинул борт пальто, достал из маленького нагрудного кармана жилетки часы на цепочке, откинул блестящую крышку и произнес:

— Ровно семь минут девятого.

— Благодарю, — ответила Диана. Мужчина снова поклонился, подняв котелок.

Она продолжила путь, улыбаясь.

Ничего необычного. Привычный львовский колорит, привычная львовская учтивость.

В юности это так вдохновляло ее, что она то и дело писала стихи и поэмы...

Но больше всего Диане нравилось наблюдать за людьми.

За тем как они одеваются, ходят, разговаривают. Жестикулируют.

Ей нравилось слушать рассказы детей. Если не воспринимать их речь исключительно как детский лепет, можно узнать много интересного о нашем мире. Того, что не способен уловить нарочито рациональный разум взрослого.

Маленькие дети пугают «вчера» и «завтра», «лево» и «право» не от того, что плохо развиваются. Они здорово ориентируются в пространстве и не имеют чувства времени. Просто пока еще помнят, что таких измерений не существует.

Привычка наблюдать за людьми не исчезла с годами. Она часами могла сидеть в кафе посреди тротуара, в тени укромного навеса, окруженная нежной геранью в высоких кадках, наслаждаться кусочком любимого шоколадного торта и щедрой порцией ароматного кофе, — прислушиваясь к чужим разговорам и обсуждениям. Это не значит, что женщина отличалась излишней любознательностью или поглощала чужие истории вместо сериалов.

Есть много всяческих теорий, как досужих, так и глубокомысленных, но ничто не заменит практику. В том и скрывается «алхимия» любого мастерства. Людей нужно изучать вплотную, считала Диана. Очень осторожно и очень детально. Как отдельный предмет, отдельную сущность — и совершенно отдельный мир.

Да, она филантроп, и другого пути к пониманию людей просто не видела.

Иначе стала бы писателем.

Что ж, писатель видит многомерно, подчас даже глубже психолога. Но все, что может предложить — разве что констатацию факта, а уж никак не лечение, — да и вряд ли пошел бы на это.

Если писателю и удастся излечивать чувства, то лишь в ограниченной степени и крайне выборочно, и устойчивой такую терапию, к сожалению, не назовешь. Всего лишь игра на струнах души, определенный такт, определенная мелодия, — порою до того виртуозная, что способна поднять вихрь в душе и закружить ее в танце, наполнить праздником до краев... Но подтянуть расстроенные струны или заменить на новые — под силу только мастеру-наладчику.

Писатель наблюдателен, прозорлив, и способен с дотошностью расписать все грани мира: от грубой материи до самой утонченной фибры в душе... Но сам при этом теряется в догадках — как и почему все происходит?

Психолог не стремится играть на арфе, устроенной в душе пациента, он мыслит как наладчик, прикидывая в уме, насколько велики повреждения и какие инструменты следует применить...

Вот в этом и все дело. Диане всегда было важно понять, что это за инструменты. И как

настраивать то превосходное в каждом человеке, что, увы, разлагивается быстрее любой скрипки или фортепиано... Разлагивается под давлением жизни — в ущерб самой жизни... Какие ключики, для каких скважин, что и где повернуть, натянуть, чтобы снова полилась волшебная мелодия...

Люди всегда занимали особое место в ее жизни.

Что бы ей не поручали, она всегда спрашивала, не для чего, а для кого. И, зная, кому именно предназначаются ее старания, усиливала их с заметным азартом.

Психология, как наука, интересовала ее с ранних лет. К моменту поступления в университет, вопроса о выборе профессии уже не стояло. Она «дышала» психологией, как художник дышит холстами, скульптор — формами, композитор — нотами...

Если бывают психологи от рождения, Диану вполне можно причислить к их числу.

Еще с песочницы во дворе, с детских яслей — без конца с кем-то знакомясь, за кем-то наблюдая. В школе — решая конфликты между подругами. Постоянно кого-то выслушивая и успокаивая.

Обучаясь в университете, она уже работала при кафедре, принимала участие во всех исследовательских экспериментах, в каких только представлялась возможность. Создавала собственные. Писала научные доклады и статьи.

Она могла остаться преподавать, но это было бы слишком просто.

Ее задача — помощь людям. И чем большему количеству она сумеет помочь — тем лучше.

Возможно, именно поэтому в тридцать лет Диана все еще не стремилась обзавестись собственной семьей.

Ей казалось нечестным жить только для нескольких людей, для узкого круга избранных, кому посвящались бы вся забота и внимание.

Ей хотелось жить для всех. Быть нужной и полезной.

Меж тем лето далеко позади, уличные кафе свернулись, и Диана с удовольствием посещала маленькие кафетерии в лабиринтах старых домов.

Она просидела около часа в одном из них, позавтракав отменными домашними оладьями.

За соседними столиками народу было не так уж много.

Двое мужчин обсуждали дела — долго, путано.

Кто-то приходил, быстро ел и сразу же уходил. Дольше всех просидели в кафе мужчина с девочкой лет двенадцати. Диана догадалась, что это родной отец девочки, который живет отдельно, но периодически старается видеть дочь.

Они только перекинулись несколькими фразами, оба сидели с опущенными плечами, почти не двигаясь, не зная, как разрешить неловкий момент. Видно было, что девочка обижена на отца. Ее не интересовала еда, она почти ни к чему не притронулась, только молча посасывала сок из трубочки, вода глазами по мозаике на полу.

Им бы лучше сходить в кино, подумала Диана невольно. Именно в кино, — ни в цирк, ни в музей, ни куда-то там еще. Кафе не способно их примирить. Каждый сидит в своих тяжелых мыслях, отгородившись столом, и боится поднять глаза на другого.

Но вот яркий, запоминающийся фильм — конечно же, комедия! — заметно бы повлиял на их эмоции. Смех и впечатления снимают напряжение, оставляют место для обсуждений, образуется хоть какой-то диалог.

Возможно для того и нужны комедии, для того и существуют кинотеатры — чтобы люди участвовали в общей психологической разрядке, в одних и тех же «приключениях». И — да! — восстанавливали диалог.

Девочка стремиться показать, что уже не маленькая, что все понимает в жизни взрослых, хоть это далеко не так. Специально ставит барьеры для отца, заставляя его мучиться. А видя его муки, считает, что он того заслуживает, и становится еще более замкнутой.

В действительности, ей хочется, чтобы ничто не мешало им любить друг друга. Но это, в ее понимании, возможно лишь тогда, когда все станет на свои места, когда он признает, что был неправ, и отмучается положенное.

Она бы вообще не пошла с ним на встречу, но ей хочется его видеть, она скучает по нему, а еще ей важно видеть эти его страдания. Ведь так, ошибочно полагает она, есть шанс, что он эти муки не вынесет, вернется назад...

Но чем больше она будет понимать, что это не так, тем сильнее будет ожесточаться против отца. Вскоре она не пожелает его видеть совсем.

На мужчине повиснет страшное бремя.

Она будет ненавидеть, он — болеть.

Ребенку трудно объяснить, почему взрослые расходятся. А взрослые ничего не могут поделать с чувством вины.

Дети страдают, теряя привычную зону комфорта. Родители несут за это ответственность.

В конечном итоге, каждый борется за эту же зону комфорта — оттого и возникает конфликт. Порою просто непреодолимый.

Сумела бы Диана, как психолог, договориться с собственным ребенком, окажись в подобной ситуации? Одно дело — человек со стороны, доктор, спец. И совершенно другое — родная мать, объясняющая тебе, почему все не может быть, как прежде. Ведь по сути, это уже — предатель...

Если в семье была любовь, и вдруг ее не стало, ребенок не принимает оправданий. Соппротивление в данном случае — естественная реакция. Диана, возможно, смогла бы немного смягчить удар, но вряд ли полностью. Дети слишком остро встречают развод. Это катастрофа, разрушающая весь их мир.

Но все же сгладить последствия этой катастрофы возможно. На какое-то время родителям приходится превращаться в артистов. Порою в клоунов. Любым способом вести себя непринужденно и весело. Ведь именно тревога и злость родителей передается детям больше всего. Именно это необходимо заменить на спокойствие и естественность. Не равнодушие, и тем более не напускное равнодушие, а светлое и доброжелательное поведение.

Вот почему в Европе, к примеру, принято оставаться друзьями после развода. Не ради бывших супругов, а ради детей.

Сделать это слишком трудно и не каждому под силу самостоятельно. А походы к психологу не настолько традиционны здесь, как в Америке или Европе.

Пока девочка вырастет и на собственном опыте узнает, как бывает трудно сохранить семью; что люди не всегда женятся по любви, и что даже дети, увы, не всегда рождаются по согласию... Что есть такое понятие, как обстоятельства... И сама, наконец, придет к выводу, что на самом деле это очень хорошо, что отец в конце концов встретил свою настоящую

любовь, хоть и не с ее матерью, но позволил тому осуществиться, познал такое редкое счастье... Что никогда ее не бросал, что всегда был рядом, продолжая каждую минуту оставаться ее отцом... Пройдет слишком много времени к моменту этого осознания, и слишком много счастья будет омрачено и сведено к нулю, слишком много горечи поселится в их душах...

Вечная драма. Вечная психология.

Диана тихо вздохнула, поднялась из-за стола и вышла из кафе.

У нее еще оставался целый час до встречи.

Она достала из кармана пальто солнцезащитные очки, одела их и отправилась к высокому торговому центру, сверкающему, как гигантский сталагмит, что вырос просто из недр земли,

Глава 8

— Диана... Диана Александровна!

Она поняла, что ее зовут, остановилась и посмотрела по сторонам. Пришлось снять очки.

В нескольких шагах от нее, в огромном искрящем проходе торгового центра, на ярко-оранжевом диванчике у бесконечно длинной витрины сидела ее пациентка Оксана. Женщина улыбнулась, вернула очки обратно на нос и подошла к ней.

— Какая встреча! — порадовалась она и присела рядом.

Оксана выглядела уныло и отстранено, и в то же время — удивленно. Плохо вымытые пряди свисали вдоль ее лица, заостряя его.

— Почему вы в очках? — спросила она. — Я с трудом вас узнала.

— Ах, это. Жаль, что не могу воспользоваться еще и затычками в уши, — пошутила Диана.

Девушка продолжала с недоумением смотреть на нее.

— Я всегда хожу в торговые центры в темных очках, — пояснила психолог.

— Зачем? Люди шеи сворачивают, пялясь на вас. Вы выглядите... странно.

— Знаю. Но такая моя защита, иначе нельзя.

— Защита? — еще больше удивилась Оксана.

— Видишь ли... Торговые центры строят по определенной схеме. Возникает чувство, что ты в середине хрустального шара.

— Да. И что? Вы плохо видите?

— Еще хуже, — загадочно ответила женщина. — Я вообще ничего не вижу. И ты тоже. И каждый, кто сюда входит. Ничего не видит и не соображает.

— Вы имеете в виду этот слепящий свет? Да, есть такое. Глаза болят.

— Это называется дезориентация. А еще проще — транс.

— Транс?

— Наше зрение не рассчитано на такой яркий свет, это угнетает и подавляет мозг. Понимаешь?

— Нет. Зачем строить торговые центры так, чтобы подавлять мозг?

— Чтобы мы больше покупали.

— Подождите... И при чем тут транс? — недоумевала девушка.

— Есть набор приемов, они с успехом используются в маркетинге, чтобы мгновенно погрузить человека в состояние транса, — продолжала Диана. — Тогда он перестает мыслить рационально, обдумывать что-то сложное, например, стоит ли покупать ту или иную вещь...

— Правда, что ли?

— Правда. Это всего лишь один из шаблонов гипноза. Вот, например, один из стандартов такого шаблона: человека просят войти в темную комнату, затем резко вспыхивает свет, звучит гонг — и наступает мгновенный транс. Человек находится в гипнотическом состоянии.

— Ого, — протянула девушка. — А если без гонга?

— Все равно это будет транс, но с гонгом более глубокий.

— Это чем-то напоминает... дискотеку. Заходишь в клуб — тут тебе и резкий свет, и гонг, и все как влупит разом — не помнишь, как тебя звать!

Диана засмеялась.

— Все верно. Клубы именно так и работают. Чистая схема — много ярких вспышек и ритмичных звуков. Да, это тоже один из мощнейших приемов введения в транс.

— Значит, я не переношу транс, — поморщилась Оксана. — Я жутко не люблю клубы. Все мозги вышибают, потом на ровном месте спотыкаешься, и уснуть не можешь, если предварительно не накачаешься чем-нибудь, чтобы вырубиться. И торговых центров я тоже не люблю.

— А что же ты тут делаешь? В десять утра.

— Просто смотрю...

— На что?

— Да так... на витрины... Не хотелось сидеть дома одной, воображать, что я Меган Фокс.

Диана продолжала улыбаться:

— Наблюдаешь за людьми? Нашла что-то интересное?

— Ничего, — пожала плечами девушка, — все как обычно. За автографами никто не бежит... Вряд ли меня вообще замечают, думают, наверное, что я макет какой-нибудь панды-альбиноса.

— Не обольщайся, люди так поглощены сверкающим полом, что себя с трудом в отражении узнают.

Девушка опустила глаза и обреченно покачала головой:

— Нас кодируют на каждом шаге... я так и знала...

— К сожалению, это так, — призналась психолог. — Но есть некоторые хитрости, как метод защиты.

— Носить очки? — фыркнула Оксана. — Чтоб все глазели? А я такая, что еще и упаду, непременно воткнушь головой в какую-нибудь витрину.

— Да нет, к этому привыкаешь. И метод защиты всегда можно придумать свой. К тому же, не сильно кто-то и глазет, люди же в трансе, забыла? Они в плену торгового центра, на волне льющейся из динамиков музыки. Среди шелестящих, как ручейки, голосов продавцов, приятных улыбок...

— Вот почему люди говорят, что делая покупки, они расслабляются? — спросила Оксана.

— Помимо того примешивается чувство обладания. А это знаешь что? Релаксация плюс

значимость. Что еще нужно для полного счастья?

— Значит, нас всем этим блеском гипнотизируют и мы послушно все скупаем? А если взял и бездумно потратил все деньги? А потом выяснилось, что тебе эта вещь не нужна?

— Такое бывает слишком часто, к сожалению. Сейчас очень муллируется тема шоппоголизма, ведь не случайно же. Иногда человек с трудом вспоминает, как покупал какую-то вещь. Сожалеет, что зря потратился.

— И что тогда, весь кайф поломан, птичка сдохла? — девушка презрительно наморщила лоб.

— Ну уж нет, не так все просто. Именно этот кайф и скрадывает подспудное чувство вины, понимаешь? В подсознании остается «привкус» удовольствия в момент покупки. К тому же включается фактор избранности, вся реклама построена на этом фокусе. Ведь в чем самая большая слабость человека? Правильно, в самоутверждении. И ты уже не потратил весь бюджет семьи на обычные часы, а приобрел уникальную вещь, которая подчеркивает твою незаурядность. Понимаешь? Ты уже не просто учитель, бухгалтер или врач, не какой-нибудь серый обыватель, а самый настоящий лорд. Для женщин используется код богини. Для мужчин — код власти и престижа. Но во всех случаях — чувство высшего удовлетворения, самодостаточности. Не важен ни рост, ни вес, ни фигура, все учтено и предусмотрено, люди давно уже возбуждаются не от тела, а от одежды. От конкретного образа, который по общему убеждению производит впечатление в данный момент. Просто приди и купи... Ну, а если человек не чувствует сожаления по поводу покупки, то снова и снова захочет возвращаться за дополнительной порцией этого кайфа...

— Лжи! — воскликнула Оксана со злостью, ноздри ее раздувались. — Вот откуда эта напыщенность, эта привязка к предметам! Все эти шмотки, телефоны, игрушки. Нас долбят рекламой, как поганых крысят в лаборатории! Даже собаки Павлова отдыхают. Будь ты хоть... полным ничтожеством, все можно исправить новой шмоткой. Не хилое самоутверждение! Вы забыли еще сказать про состязания в крутости. Кто больше хапнет вот этого вот кайфа! И точно — все как примороченные, обдолбанные! Загипнотизированные, с отключенными мозгами по жизни!

Девушка практически кричала, охрипнув, лицо ее покраснело от злости, волосы непрерывно тряслись.

— Зачем это все? Зачем они нас долбят постоянно? Чтобы мы потом к вам на приемы ходили?

Несколько прохожих повернули головы на ее крики. Мимолетно, продолжая свой путь.

— Вы же гляньте только, — продолжала девушка, — перережь вены у всех на глазах — никто не дернется. Лунатики! — крикнула она в толпу.

— Оксана. — Диана положила ладонь на ее руку. Неожиданная вспышка девушки поразила ее, заставила насторожиться, и все же она продолжала говорить спокойно. — Я скажу тебе почему так происходит, только перестань кричать. Так устроено общество. Оно было таким всегда, задолго до нас, и вряд ли когда-нибудь изменится. Сильные правят слабыми, масса всегда будет ведомой. Всегда существовали религии и культы. Поклонение вещам... Одна из разновидностей этой религии — реклама. Каждый стремится приблизиться к Богу по-своему, доказать свою принадлежность к божественному через символы и предметы. Но что такое символы без рекламы? Не важно, что рекламировали: царства, королей, воинов, мастеров, культуру. Так было всегда. Свитки хранят ту историю, которую желали сохранить. Королевства славятся те, о которых слагались песни и легенды.

Только короли имели портреты, чтобы запечатлеть себя в веках... Шубы носят не потому, что холодно, любое пальто согреет не хуже. Новая машина нужна не потому, что ездит быстрее или меньше загрязняет окружающую среду. Все решают трубадуры, что трубят на все лады. Откуда возникает мода, манеры, знания? Все дурное и хорошее? Все вокруг — это внушение. Это можно замечать или не замечать, нам это может нравится или не нравится, но таков уклад.

— Супер! — вскинулась девушка. — Спасибо, Диана Александровна, что открыли мне глаза на этот гнилой мир еще больше! Теперь я окончательно убедилась в его бесполезности и тупости. Рождаться на свет, чтобы стать частью слепой толпы, которой управляет реклама! Вот перспектива! Жить как зомби — без мозгов... постоянно от чего-то завися, ничего из себя не представляя... вечный транс!..

— Но послушай меня, — Диана быстро сняла очки, чувствуя, что разговор становится опасным, обхватила плечи девушки обеими руками и посмотрела ей в глаза. — Послушай. Этот мир не гнилой. Кроме толпы есть каждая отдельная жизнь. Есть лес. И внем растет каждое отдельное дерево. Понимаешь?

Девушка покачала головой, круглое лицо блестело, волосы на лбу вспотели. Она находилась на грани истерики и почти задышалась.

— Какая жизнь? О чем вы говорите? Посмотрите на этих людей. Стадо налогоплательщиков. Дом, работа — и никакой жизни в промежутке. Пахать, чтобы взять кредит на машину, чтобы на этой машине ездить на работу отпахивать кредит? Хитро устроено! А если ты не хочешь такой жизни? Не хочешь — и все тут?

— Но ты же еще недавно, совсем недавно этого хотела? — напомнила Диана. — Помнишь? Я пыталась объяснить тебе, что такое голливудский штамп: все эти машины, яхты, курорты, рестораны... Блеск и лоск. Тот же блеск, что и здесь — угнетающий и подавляющий мозг, как тысяча лампочек, отражающихся от стен и пола... Все тот же транс! За которым такие же необдуманные поступки, одиночество, обман и разочарование. Мало кому удастся избежать этого помутнения и действительно самореализоваться. Такой же транс заставил тебя думать, что быть счастливой можно только если видишь в зеркале Меган Фокс... Понимаешь? Ты теперь понимаешь?

Девушка дернула плечами, сбросив ее руки. Лицо выражало гнев, и в то же время полную растерянность. Диана испугалась, что она сейчас сорвется и куда-то побежит, даже приготовилась ее догонять, но, к счастью, этого не произошло.

Оксана громко сопела, стараясь выровнять дыхание, и мучилась какой-то новой мыслью, овладевшей ее сознанием. Взгляд сделался отстраненным, она отвернулась и долго молчала.

Диана предпочла отложить собственные угрызения — потом, все потом. Теперь нужно контролировать момент. А уж дальше она спросит себя, спросит, зачем затеяла такую беседу с пациентом, у которого за плечами сорвавшиеся попытки свести счеты с жизнью?

Неужели она слишком расслабилась сегодня, позволила себе беспечность? Забыла, что ее пациентка смотрит на мир совершенно другими глазами? Она не наслаждается утренним солнцем, уютом теплых кафешек, красотой улиц. Не радуется, наблюдая за людьми. Не принимает недостатки мира, как нечто обычное, с чем можно смириться и над чем посмеяться.

Но Оксана молчала. И возможно разговор принял другую форму — дай то Бог! — с каким-то новым разрешением.

Когда молчание затянулось, Диана все же посчитала нужным заговорить:

— Если мыслить еще глобальнее, то обнаружится, что нами управляет и время суток, и времена года, и погода. Но в том и заключается наша жизнь: наше развитие, или, если хочешь, разнообразие. Как объяснить тебе?.. Мы не можем поменять устройство мира, но мы способны поменять наше восприятие. Я сейчас говорю шаблонно, знаю, но более точной формулировки я не нашла. Каждый счастливый человек в этом мире сказал бы то же самое... Во всей этой массовости есть одно преимущество. Все выстроено по определенным схемам, целый мир можно разобрать на чертежи, хорошо все изучить и создать собственную «карту путешествий». Обозначить, где на этой карте дремучий лес, а где ясная поляна, что тебе лично неприятно, чего стоит остерегаться, а где, напротив, ничто не сулит вреда. Мы должны делать выбор сами, уж если не желаем, чтобы его делали за нас. Но даже, если ситуация не из тех, где ты сам себе «по щучьему велению», ты все равно имеешь достаточно выбора... Многие люди не понимают, что они на крючке массмедий, фактически в постоянном гипнозе. Они уверены, что делают свой выбор сознательно. Но есть те, кто все понимает, их это устраивает, так им проще живется — когда решают за них. И только малая доля ни за что с этим не согласится, будет упорно искать свой путь. Конечно, это свободные люди. О них не рассказывают в новостях, ничем не выделяют, не определяют их выбор престижным. Они больше похожи на чудаков, и в обществе их скорее отругают, чем похвалят, потому что они не вписываются в привычные рамки. Не потому, что ходят на голове, а просто смотрят на мир иначе. Они так же подчиняются многим правилам, так же платят свои налоги, покупают различные вещи. Но при этом чувствуют себя так, словно у них в компаньонах — целый мир. Их устраивает, что летом жара, а зимой — снег. Что сначала душно, а потом холодно... Их восхищает то обстоятельство, что можно быть не похожим на других, не являться чьей-то копией по определению. Они осознают, как быстротечно время и радуются по любому поводу. Они позволяют себе роскошь быть собой! Вот в чем заключается эта уникальность. Уникальность в том, что ты не Меган Фокс! — не актриса, что пьет бутафорское шампанское у бутафорского камина, с бутафорским ожерельем на шее. Ты понимаешь? Помнишь, мы вчера говорили об этом? Что такое наше Я? Где оно? В зеркале, в мышцах, в воображении? Во снах?

— Я не знаю, я об этом еще не думала, — тихо отозвалась девушка.

— Оксана, извини, если я расстроила тебя, я вовсе не хотела этого. Я привыкла к происходящему вокруг, к пониманию некоторых причин, а для тебя это оказалось новой информацией. Если хочешь, мы можем поговорить об этом еще.

— Кто вам заплатит за это время? — спросила Оксана.

— Ах, перестань! Ты не можешь злиться на всех и вся, это слишком утомительно! — Диана толкнула ее в бок. — Знаешь, что мне всегда хочется в торговых центрах? Ничего не могу с собой поделаться, тут даже очки не помогут.

— Что? — со слабым интересом спросила девушка.

— Мороженное!

— Да ладно.

— У меня вообще торговые центры ассоциируются с мороженым. Не знаю, почему, наверное, это связано с детством. Со всеми этими прогулками, выставками, ярмарками, посещениями театра, знаешь... Или они тут распыляют запах ванили и сливок? — Диана принялась. — Тоже не исключено. Так делают в супермаркетах... Но как бы там ни было, только я в подобном месте — сразу ищу витрину с мороженым.

— Вас прошили, — угрюмо констатировала Оксана.

— Что ж... — вздохнула Диана. — В чем-то я могу позволить себе слабость, верно? —

Она снова толкнула девушку в бок. — Давай забудем, что ты моя пациентка, у меня есть немного времени, пойдем налопаемся мороженого?

— Вы думаете, раз я толстая, так со мной как раз мороженное лопать? — цинично заметила Оксана.

— Нет, я просто предлагаю компанию. Одно мороженное ничего не испортит.

— Глава 9

Когда Олег Михаленко сидел в своем кабинете в участке и разбирал срочные дела, это заявление выпало едва ли не последним.

Пропала девушка.

Прописана по его участку.

Надо же, два месяца, как никто ее не видел, а толком еще не хватились!

Он положил листок перед собой, изучая распечатанный снимок из паспорта.

Одному Богу известно, что происходит с пропавшими людьми. Про девиц — так вообще страшно думать.

Их рожают, носятся, растят, они бегают в школу...

И вот — затерянные списки имен на пыльных листках архивов.

Хорошо, что у него пацаны...

Заявление даже не от родителей, а от какой-то полоумной бабки. Бери теперь нянчись!

Как надоели эти склочные старухи. Деваха сидит у родителей, небось, задолжав за ренту, и спокойно грызет папашкины припасы.

Картина ясная, не первый день на свете живем. Дел наворотят — а ты расхлебывай.

Лучше было бы, конечно, позвонить, ноги у него не казенные — их по додгу службы не выдают. Но по адресу прописки отключен телефон.

Эра беспроводной связи. Кто платит за то, чем не пользуется? Он скорее всего тоже так сделает, странно, что сам еще не допер, и жена почему-то не ворчит по поводу лишнего счета, обычно только тем и занимается.

Вот только и мобильных номеров в заяве нет. Деваться некуда, придется топтать к ним домой.

Авторучка выскальзывала из потной руки, Олег бросил ее на бумаги. Затем потер веки и широко зевнул.

До обеда оставалось чуть меньше часа. Ни туда, ни сюда. Может, появится какая машина во дворе, хоть подкинут? Он бросил взгляд за окно, на подъездную площадку. За решеткой покачивались на ветру острые ветви какого-то дерева. Это навевало душераздирающую тоску. Почему не посадили вечно зеленое что-то, как это было принято в старые времена? При такой работе хоть что-то же должно радовать!

Ни одной тебе машины. Три остановки всего, но пока доберешься — как раз обед.

Подперев волосатым кулаком щеку, он выдул губы трубочкой и мечтательно причмокнул. Сегодня у него с собой гриль. Специально заказал у одного предпринимателя. При одной мысли о жирном запеченом бочке во рту все заливалось слюной, и больше ни о чем невозможно было думать. Он скосил глаза на часы и болезненно вздохнул.

В кабинет влетел начальник. Олег уткнулся в бумаги.

— Ты еще здесь? — послышался окрик.

Кажется, с другой репликой начальник никогда не появлялся. Никогда не знаешь, когда дверь распахнется — и вот он задаст свой дурацкий вопрос. Глаза под мохнатыми бровями так и сверлят, вроде он тебя за чем постыдным застал.

Сторож, а не начальник. Так его в участке и прозвали. Сама фамилия располагает: Сторожило. Видно, от такого же бдительного предка досталась.

Он уже стоял у Олега за спиной и заглядывал в бумаги.

— А что, никто туда еще не ходил? — Он конечно же имел в виду заявление о пропаже девушки. Олег держал его между большим и указательным пальцем.

— Я как раз собираюсь, — ответил он.

— Я думал, уже ходил кто-то, — заметил Сторож, и снова поглядел на Олега так, словно тот что-то прятал под столом.

В руках у него трепыхалось два листка.

— Вот еще. Как раз по участку, надо сегодня до обеда решить. Две заявки. По одной кража, по второй — соседи скандалят...

Он снова глянул на бумагу в руке Олега.

— А, ну это как раз по пути. Ну, давай.

И выпорхнул так же внезапно, как до этого впорхнул. Как та поганая птичка: влететь, нагадить — и улететь!

Олег чуть не разразился матом и едва не смял треклятые листки! Ну чем не издевательство?

Если бы пошел по делу о пропавшей, не засиделся бы. Может как раз до обеда и подоспел. А тут вечно кого-то грабят, вечные мордобои!

Он тяжело поднялся из-за стола, собирая папку.

Чтоб тебя, Сторож! Сам худой, как выюн, что тебе до чужого желудка!

Олег одел служебную пуховку, натянул козырек на голову и покосился в сторону шкафа, в котором хранился мини-холодильник. Мысли о гриле снова заполнили рот слюной, он даже почувствовал легкое удушье.

Жена ничего не знает о его тайных пристрастиях. По общей версии он питается в местной столовой: борщ без сметаны, макароны или каша на воде. Никакого жирного. Он снова будет корчиться из-за поджелудочной. Но для чего еще он два раза в год ложится на стационар? Пускай лечат!

Олег вернулся, достал из холодильника туго запакованный в целлофан кусок мяса, потеряв на миг равновесие от запаха коптильни, и запихнул его в портфель. На душе сразу потеплело. По дороге он зайдет в общепит, закажет картофельного пюре, белого хлеба и хрена, — и тогда хоть весь мир пропади пропадом!

Весело напевая, придерживая под локтем портфель, он покинул кабинет.

Глава 10

Она была так рада видеть физиономию Степы в компе, что даже вскрикнула. Звук получился весьма странный, похожий скорее на визг, чем на вопль приветствия.

— Что это было? — тут же всполошился Степа, заглядывая куда-то себе за спину. — У меня завелись мыши?

— Хватить придуриваться. Да, это я нервная такая. Что поделаться...

Степан, продолжая хитро улыбаться, поправил наушники, взял стоящую где-то с краю стола кружку и стал с удовольствием из нее прихлебывать.

— Я только две недели, как уехал, а у нее уже нервы сдали...

И затрусил плечами.

— А что это вы такой расслабленный, Степан Валерьевич? — пошутила Диана. — Как будто не работать поехали, а на курорт. Вена приняла вас балами и фуршетами?

— Ой, не говори, — Степан откинулся на спинку кресла, которая чуть приглушенно скрипнула. — Не слышишь, нос заложило? Что тебе стахановец, сразу впрягся по полной! Так что Вену я пока и не видел, — вот так!

— Не может быть. Новые сотрудники не устроили экскурсию? Неужто так много работы?

— В двух словах не передать, — вздохнул Степан. — А что у вас твориться?

Диана тоже вздохнула, устало потерла ладонью лоб и покачала головой:

— Не знаю, с чего начать. Ошибка на ошибке. — Ее голос сделался отрешенным. Карие глаза без интереса заскользили по предметам, находящимся в поле зрения.

— Что именно? — Степан обратился в слух и пристально изучал ее через монитор, что не мешало ему пить чай и периодически забрасывать в рот крошечные ромбики крекера.

— Ко мне не пришел пациент с алкоголизмом. Хотя у меня не было сомнений, что придет.

— Ну, это бывает...

— Нет, понимаешь... Я даже выдала ему тотем.

— Ого.

— Да.

— Что еще за тотем? — вскинул бровью Степа.

— Синяя канцелярская резинка, в цвет глаз его дочери.

— Чувство вины?

— Вот именно, он надеется вернуть семью, как минимум расположение дочери. Я решила, что это его иммунитет. Глядя на резинку, не позволит себе сделать глупость.

— Глядя на резинку, вспомнит свою проблему, вина обострится, и наказание не заставит себя ждать, — закивал Степан, хрустя печеньем. В его словах было столько уверенности, неумышленно подчеркнувшей ее собственные опасения, что Диану перекосило.

— О, Боже, — простонала она, закрывая глаза. — Я об этом думала. Считаешь, мой прокол?

— Считаю, ты зря паришься, — как ни в чем ни бывало ответил Степа, продолжая активно жевать. — Не факт, что так все и было, так что успокойся. Может, помирился уже... или случилось что. Жизнь все таки.

— Тяжелая у нас работа... — вздохнула она

— Поэтому должна хорошо оплачиваться! С какими только психами дело не приходится иметь, — смеялся он. — И при том не с теми, что околачиваются по улицам без гроша в кармане, а с платежеспособными психами — вот-вот — в особенности с такими! Кстати, почему не предложила гипноз?

— Не посчитала нужным. Там, где я хотела бы его применить — слишком большое сопротивление.

— А что это ты так переживаешь об этом? — спросил он.

— Не знаю, — Диана покачала головой. — Ответственность... Эта девушка с

суицидальным поведением... ее возможно госпитализировать нужно, а я провожу беседы. Ее мать верит в меня... А я боюсь этой веры. У девушки давний психоз, с разной степенью протекания. Первый раз она впала в депрессию из-за своей внешности еще в десять лет. Потом в двенадцать. В семнадцать мать уже догадалась свести ее к психологу. Затем еще к нескольким. Не знаю, чем они на нее воздействовали, но эффекта никакого. И вот попытка отравиться... На гипноз она пока не согласится. Спасение утопающего, как сам понимаешь... но она не хочет спасаться. Хотя на приемы ходит регулярно, не пропуская, не опаздывала ни разу. Порою мне кажется, до нее что-то доходит, но потом я вижу это обреченное выражение... Жаль, что не придумали такой штуки, знаешь, при помощи которой можно записать информацию на какую-нибудь флэшку — и залить в подсознание...

— Еще чего! — чуть не поперхнулся Степа. — Выдала! Что еще за мир киборгов? Пол Верховен! Что тогда психологам делать? Сами киборгами станем?

— Не знаю... Думаю, может ее передать кому... чувствую порой такое бессилие, честно... Ей, вероятно, более динамичная тактика нужна, знаешь... Думаю иногда, хоть бы мне не позвонили и не сказали: «Спасибо, доктор, за лечение, приходите на поминки»...

— Фу, женщина, что ты мелешь? — воскликнул Степа, после чего внимательно всмотрелся в ее лицо через монитор компьютера и нахмурился. — Может ей и нужна более активная методика, но что это за сомнения, что за унылость? Что-то ты мне не нравишься. Ты хороший специалист — сама знаешь.

— Этого я и опасаясь, — отозвалась Диана.

— Что-то я не расслышал... — подстегнул ее Степан.

— Да, вот именно, я не хотела бы стать слишком самоуверенной, — быстро заговорила она. — Я встретила эту девочку в торговом центре, перекинулась с ней парой фраз, как будто просто встретила знакомую, — и вот уже расстроила ее... А потом сижу и не знаю, как ее отпустить. Повела на мороженное.

— Чего? — Степан зашелся диким смехом. Его плечи заходили ходуном, даже стол за которым он сидел, затрясся, отчего затрясся и ноут. Он долго не мог успокоиться.

— Вот и представь, — серьезно заметила Диана. — Тебе смешно, а я совершенно растерялась... Что бы ты делал, когда уже вшыпился, когда только и думаешь, что она сейчас побежит под машину бросаться?

— Если наблюдается клиническая картина, — ответил Степа, отдышавшись, — направляй ее в психиатричку. Первый раз слышу, чтобы аутоагрессию лечили мороженым.

— Я все понимаю, но не вижу клиники, — продолжала Диана все так же серьезно.

— Не видишь?

— Нет.

— А что же тогда за психозы с десяти лет? Ты забыла, если болезнь затягивается больше, чем на четыре месяца — считай, проблема...

— Я хочу сводить ее в центр инвалидов, — в ее голосе послышалось вдохновение. — Там намечается праздник, мне должны позвонить и уточнить дату. Будут конкурсы, состязания. Они называют это турниром. Хочу, чтобы она посмотрела на то, как они борются за жизнь, как радуются каждой минуте.

Степан какое-то время размышлял:

— Ты думаешь, она на это поведется?

— Перед тем, как выпить таблетки, девушка позвонила матери — снять с нее ответственность. Твердое намерение умереть с таким явным пониманием последствий,

фактически раскаяние? Это ситуативное...

— Которое способно развиваться в патологическое, — напомнил Степа.

— Она вполне адекватно мотивирует свою агрессию...

— И что это меняет? — возразил он. — Неприятие себя в социальной цепочке — этого мало, что ли? А куда не глянь — цветная проекция недостижимых желаний. Если с ней работали разные специалисты, а разрушить шаблоны ее восприятия так никто и не сумел, так на что рассчитываешь ты — что она перерастет? Что ее отношение к жизни изменится, когда она увидит инвалидов? Или в который раз убедится, насколько жизнь сложна и несправедлива? Тебе лучше знать карту ее болезни, но я бы посоветовал матери вернуть ее в больницу, на длительное и принудительное лечение.

— Позволь я тебе кое-что напомню, Степа: мы не в американском кино, — уныло констатировала Диана. — У нас нет этих клиник с пышными садами и отдельными комнатами. Куда забирают самоубийц, а через год выпускают цветущих людей... Тогда бы я отправила ее в такую больницу со спокойной душой, но действительность иная. Таких больниц не существует. Мы с тобой прекрасно знаем, что суицид — сложная форма самозащиты. Закрыть ее в какой-нибудь конуре... может, на время это ее и защитит, но, вероятнее всего, — обострит агрессивность. А уничтожать ее нервные клетки, а заодно и мозг с помощью тяжелых препаратов... Я не могу себе даже представить этого. Ей нужно жить в этом мире. Я хочу дать ей это желание.

— Начинается... — простонал Степа. — Тебе тридцать, или тринадцать? Ты хочешь, как добрая фея: махнула палочкой — и пациент здоров! Полегче с этим, милая, полегче...

Она сидела, подперев ладонями подбородок, уткнувшись взглядом в стол, и молчала.

— Что такое? — допытывался Степан, вплотную приблизив лицо к монитору. — Диана, ты что-то не договариваешь, или как?

— Или как, — проронила она.

— Слушай, я не могу тянуть тебя за язык, да и выспаться бы... — Он широко и протяжно зевнул на весь экран. — До утра так сидеть собираешься?

Диана спохватилась:

— Извини... Я не хочу отнимать твое время... просто...

— Видимо, не просто. Диана, я считаю до трех — и ты все выкладываешь. Три!

— Черт, Степа, я не знаю, как это объяснить! — выкрикнула она в смятении. — У меня что-то странное творится в квартире по ночам...

— В смысле? — Он отстранился от компьютера и посмотрел на нее с выразительным недоумением.

— Я сперва думала, кто-то вломился. Но дверь заперта изнутри, на окнах решетки. Понимаешь? По ночам я слышу странные шорохи, падает посуда, нахожу разбросанные вещи... Я так пугалась поначалу, что не могла уснуть, пришлось пить снотворное.

— Здравсте-приехали, — выпалил Степан, хлопнув себя по лбу. — Может тебе охотников за привидениями вызвать? Поищи их телефон в справочнике.

— Ты думаешь... со мной что-то не так?

— В смысле — лунатизм? — предложил он наугад.

— Нет, такие симптомы не случаются вдруг, а у меня этого отродясь не было... Я сижу в спальне, слышу, как в кухне двигается посуда... как в коридоре кто-то ходит... Я не верю в призраков, понимаешь, не верю!

— Но если это не призраки, моя дорогая, то у тебя проблемы... Ты же к этому клонишь?

— Я не знаю, — повторяла Диана, — я просто не знаю, к чему я клоню, я просто не знаю... Из-за таблеток я пришибленная, трудно просыпаться. Но как уснуть, если лежишь и воображаешь, что ты не одна в квартире... Волосы дыбом становятся, знаешь ли...

— Это давно происходит? — задумчиво спросил Степа.

— Может около месяца...

— А ты, случайно... не чувствуешь себя покинутой? — он странно покосился на нее через экран.

— С чего бы? У меня куча работы.

— Родители живут в пригороде, ты одна. Может... — он кашлянул в кулак, — может, ты расстроена, что наше исследование закончилось?

— Степа, перестань, мы уже говорили об этом, — перебила она его. — Исследование никак не связано... с тем, что тут твориться... С родителями я на связи. У них замечательная жизнь вдвоем. Мне тоже не на что жаловаться.

— Соседи?

— Нет, — уверила она. — К тому же — разбросанные вещи, перевернутая ваза, разбитая тарелка...

— Сквозняк?

— Хотелось бы так думать, но сквозняк не роется в шкафу...

— Ну ничего себе... — выдохнул Степа обескураженно.

— Вот именно!

Он размышлял несколько минут, раскачиваясь в кресле.

— Полтергейст? — спросил затем.

— Не хочу даже допускать такую мысль, — возразила Диана.

— Ну, я тоже в такие штуки не верю... однако, все, говорят, бывает впервые... А вдруг?

Чем черт не шутит?

— Ну вот, до черта договорились...

— Но тогда что? — Степан беспомощно взмахнул руками. — Что ты ждешь услышать от меня? Что у тебя расстройство личности и ты сама создаешь все эти звуки и беспорядки? Может, галлюцинации? Может, устала до такой степени, что не помнишь, как копалась в шкафу?... Нет, ну правда, что ты ждала, я скажу? Я не знаю, что это. Либо у тебя проблемы с психикой, что весьма странно... Либо у тебя завелся вредина-домовой, что еще более странно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А что... домовики... — Диана понизила голос, — они так себя и ведут? Они же вроде по преданиям... не вредители, а наоборот...

— Ну я, знаешь ли, не специалист по домовым... Хотя темку ты мне интересную подкинула. Я даже обсужу ее с коллегами... А знаешь, что? Я тебе все таки рекомендую...

Степан внезапно замолк, его голос пропал из эфира, а картинка с его изображением зависла. Через несколько секунд она и вовсе исчезла, на ее месте возникло небольшое окошко с сообщением, что нет доступа к интернету.

— Что за чепуха? Только не сейчас... — взмолилась Диана, постучав по кнопкам клавиатуры, затем сорвала с головы наушники и полезла под стол.

На модеме потухли почти все лампочки. Она по несколько раз все перезагрузила, но без толку. Затем догадалась, что нужно проверить телефон, к которому был подсоединен интернет, поэтому отправилась из кабинета в прихожую.

Постояла немного посреди коридора, на всякий случай прислушалась. По всей квартире не раздавалось ни шороха. Уже почти полночь, но все по-прежнему спокойно.

Трубка радио-телефона лежала в нескольких шагах от нее, возле входной двери, на шкафчике для обуви, рядом с ключами и справочником. Она подошла к шкафчику, подняла трубку, поднесла ее к уху и прислушалась. Сигнала не было.

— Черт... — пробормотала она, — как же не вовремя...

Что-то заставило ее заглянув чуть дальше, за шкафчик — и она просто опешила!

Несколько секунд Диана стояла не двигаясь, все так же прижимая к уху трубку телефона, не в силах поверить собственным глазам.

Затем медленно положила трубку на место и огляделась. Переборов, наконец, потрясение и инстинктивный страх, Диана присела на корточки возле стены и подняла с пола сплитер... с ровно оторванным проводом, будто его перекусили кусачками!

В стене, из телефонной розетки остался торчать короткий огрызок кабеля.

Она вдруг почувствовала, что руки ее похолодели, вся кожа стала покрываться мелкими пупырышками, словно ее обдул сильный ветер. Бросила сплитер обратно на пол и вскочила.

Сразу за ее спиной находилась кухня, женщина резко обернулась. Все ее рецепторы обострились так сильно, что закружилась голова. Возникла странная, непоколебимая уверенность, что на кухне, в тот момент лишь частично освещенной светом из прихожей, кто-то есть! Кто-то вполне осязаемый (она не понимала, как это может быть, но не сомневалась, что чувствует чье-то явное присутствие в пространстве небольшой комнаты). И продолжала стоять без движения перед открытой дверью, тупо уставившись вперед.

— Что... — произнесла она через минуту чуть слышно, глотая слова от испуга, — что происходит? — обращаясь не то к невидимому вредителю, не то к собственному рассудку. — Зачем?.. Кто?.. Что тебе нужно?.. С кем я сейчас разговариваю?... Боже... Что происходит?

И внезапно ее поразила спасающая мысль, что Степа, быть может, все еще не отключился. Она могла связаться с ним по телефону! Диана как сумасшедшая рванула в кабинет, к столу, на котором рядом с компом лежал мобильник.

— Будь на связи... пожалуйста... — заклинала она.

Она дождалась соединения с интернетом через мобильного оператора. Степа все еще был в сети. Очень быстро, с ошибками, она написала ему известие о том, что кто-то оборвал ее кабель. Просто сейчас... в квартире... пока она находилась в комнате и общалась с ним... фактически просто у нее за спиной... Приписала, что у нее волосы стоят дыбом и что уже начала от ужаса говорить вслух.

Руки так дрожали, что она без конца тыкала не те буквы, совершенно коверкая и делая неразборчивыми слова. Но Степа все понял, он тут же ответил, тоже с ошибками:

«ухди от твуда. кзжай в офис. немедля!»

Диана застыла в нерешительности, сразу приняв его команду к действию, но прикидывая, какие вещи в таком случае следует взять с собой? И что все это значит — побег из собственного дома?..

Ладно. Она потом разберется. Степа конечно прав, нужно сперва оказаться в безопасном месте, где ничто не будет доводить ее до панических приступов...

Диана забежала по квартире, словно случился пожар. Набросала в сумку непонятных вещей, кинула туда зубную щетку и другие туалетные принадлежности, кипу сменного белья, полотенце, паспорт. Впихнула туда же и ноут, с трудом застегнув молнию. И, наконец, поспешно набросила на плечи пальто, вскочила в сапоги и едва не убилась о входную дверь,

когда поняла, что не потушила свет в квартире и резко притормозила.

— Что я делаю? — спросила себя, задыхаясь. — Что я делаю?

И неожиданно засмеялась.

— Что-то перерезало кабель... Но это ведь не значит, что оно мне глотку перережет среди ночи?

Затем умолкла и поглядела в сторону кухни.

— Ладно, — сообщила многообещающе, — чтобы ты ни было, я найду на тебя управу! Вот увидишь! Никто не вправе гнать меня взащей среди ночи!

Затем поспешила в кабинет, потушила все лампочки, и, проходя мимо кухни, на секунду снова приостановилась. В кухню падал все тот же свет из прихожей, освещая только небольшой островок при входе. Конечно же она никого там не увидела. Но к страху примешивались уже другие чувства — жуткое возмущение и нежелание покидать квартиру.

Но если она не успокоится, не сядет в нормальной обстановке и не обдумает все как следует... Степа прав, самой не долго до стационара!

Напоследок Диана все же метнула быстрый взгляд за обувной шкафчик, на валяющийся там сплитер.

На что надеешься, спросила себя при этом, на галлюцинацию?

Тебе бы стало от этого легче?

Затем щелкнула выключателем в прихожей и захлопнула за собой дверь...

Глава 11

Ежась под небольшим козырьком парадной, едва ли скрывающего от влажного ветра, Диана дожидалась такси. Она то и дело поднимала глаза на свои окна, с трудом воспринимая происходящее.

За коваными решетками темно, в стеклах отражается только призрачный свет уличных фонарей. А чего ждет она? Не мелькнет ли оттуда чей-то свирепый бледный лик? Но разве это не абсурд — терзал ее собственный здравый смысл.

Уже не раз она поворачивалась, чтобы вернуться назад. Рука сама тянулась к кнопкам кодового замка. Как никогда отчетливо, до настоящих душевных спазмов, являлось ощущение незаменимости и тепла родного крова.

Это блаженное чувство способно затмить любой страх.

И она уже почти поддалась ему, но стоило бросить взгляд на второй этаж, как несносная колючая дрожь пронзала позвоночник. Являлись видения с перекинутой вазой, разбросанными бумагами, и самое страшное среди этого всего — оторванный телефонный кабель, торчащий из стены...

Улица в столь поздний час стояла погруженная в тишину. И только зачаровано поблескивала влажная брусчатка в бликах фонарей, навевая самый что ни есть транс — непреодолимое желание впасть в забытие под охраной постельного тепла. Не издавалось ни звука из плотно затянутых шторами и жалюзи окон, — ни в этом доме, ни в соседнем, ни в том, что напротив. Проскользнуло два силуэта вдоль тротуара.

Диана сжимала в руке телефон, как будто там притаился Степа, морально поддерживающий ее дух в эти несносные минуты.

Она набросила на голову капюшон пальто, прячась от порывов ветра, но еще больше — от окон собственной квартиры. Приехало такси и Диана, все еще колеблясь, запихнула в него

сумку с вещами.

Только войдя в офис, она поняла, что все это время сдерживала дыхание. Резко выдохнула. Расправила, наконец, плечи и поправила спутанные волосы. Зажгла свет, затем погасила, оставив включенными два торшера. Освещение получалось приглушенным, даже интимным: светлые стены и паркет создавали приятный мягкий свет во всем помещении, какой обычно дают свечи. Сумку с вещами швырнула в кресло в центре комнаты, сбросила сапоги, пальто, и устало опустилась на диван.

Несколько минут она сидела не двигаясь, ни о чем не думая, только потирала озябшие ладони и смотрела сквозь гладкую поверхность стеклянного столика. Затем ей в голову пришла странная мысль: тот ли офис имел в виду Степа? Она ответила себе коротким смешком и достала из сумки ноут. Какое это вообще имеет значение?

Степа с нетерпением ждал, пока она выйдет на связь. Он выглядел очень сонным, уставшим и озадаченным. Морщинки, обычно малозаметные, четко прорезались на его лице. Намагниченные волосы взвились над головой (от наушников, догадалась Диана, и от того, что нервничая, чесал голову).

— Мне жутко неудобно. Сделала тебе весь вечер. Уже давно бы спать, — промямлила она, как только они соединились.

Он внимательно присмотрелся к изображению, оценивая интерьер за ее спиной, а затем затрусил плечами:

— Умница, все правильно, а то я сижу и гадаю, в какой ты офис рванула?

— Я про свой даже не подумала, — призналась она. — Тут комфортно, почти как дома. Что дальше?

— На свежую голову разберемся. Сейчас не те резервы. Что у тебя там, сумка? Барабашку с собой нехватила?

Диана сначала не поняла его шутку, но потом слабо улыбнулась:

— Хочется верить, что нет.

Степан зашуршал упаковкой с салфетками и абсолютно безманерно высморкался, после чего пообещал выйти утром на связь, напоследок добавил, что разрешает себя будить, только если случится что-то вообще нереальное, а пока — отбой.

Диана закрыла ноут.

— Что-то нереальное, говоришь?

На «отбой» даже сил воображения не хватало.

Просто чтобы себя занять пошла на кухню готовить чай. Жаль не догадалась прихватить из дома любимый ромашковый. Сейчас все казалось дурной комедией, но пол часа назад она скорее всего ни за что не вошла бы в кухню своей квартиры без более веской причины, чем какой-то там чай.

Призыв Степы немедленно ложиться спать осуществить, разумеется, не удалось. Она сидела, затем лежала на диване, укутавшись классическим шерстяным пледом, ранее исполнявшим роль разве что декорации, — и все не могла опомниться.

Но где-то в середине ночи сознание все же ускользнуло от нее, и Диане удалось убежать на время от своей странной и невесть откуда взявшейся проблемы...

Глава 12

В семь ее разбудил будильник на телефоне.

Фуга ре минор...

Только сейчас, лежа в одежде, в мало удобной позе, под пледом, она подумала, что за много лет привыкла к этой мелодии, и вряд ли расценивала ее вообще, как будильник. Все это время вставала, оказывается, просто по привычке.

Поняла это по тому, что совершенно не могла подняться. Вопреки всем своим неудобствам диван казался жизненной необходимостью, а мелодия будильника — не больше, не меньше — сладкой колыбельной. Так и лежала около получаса, уткнувшись носом в бархатную подушку, совершенно не имея сил и желания двинуть хоть одним суставом.

«Не хорошо, — повторял тихий назидательный голос внутреннего «Родителя», — не хорошо. И ты это знаешь. Лучше бы тебе встать прямо сейчас, милая. Что изменит этот лишний час? Подымайся, делай что-нибудь. Иначе потом весь день будешь как в похмелье».

«Ты что, не видишь, что происходит? — возмущался внутренний «Ребенок». — Не видишь, что ли?»

«А что такого происходит? — вопрошал «Родитель». — Что-то где-то упало, звякнуло — и ты поджала хвост?»

«Чего?! — не унимался «Ребенок». — А как же оторванный кабель? Этого не было?»

«Ну было. И что? Теперь валяйся тут?»

«А почему бы и нет, если мне так хочется?»

«Хочется. А потом будешь жалеть. День не заладится, вот и посмотрим...»

«День уже не заладился, не видишь, что ли?»

«Чушь! Полная, несусветная белиберда. Подымайся, говорю».

«Нет. Я буду продолжать лежать здесь, потому что мне это нужно. Я не сдвинусь с места...»

Наверняка этот пульсирующий внутренний диалог продолжался бы не меньше часа, пока, скорее всего, верх не одержал бы «Родитель». Но внезапно заревел телефон. Очень громко, просто под ухом.

Диана вскочила, сердце беспокойно забило. Однако метнув быстрый взгляд на экран, облегченно вздохнула. «Внутренний родитель» в ней, очевидно, занял победную позицию, она тут же пожурила себя за необоснованную тревогу и покачала головой.

Звонила куратор из Центра инвалидов. Сразу же извинилась за ранний звонок, хотя Диана, помнится, сама просила ее звонить пораньше. О всех важных мероприятиях или просто о встречах она всегда предпочитала знать заранее, если не с вечера, то хотя бы с утра. В конце концов, планирование дня не последнее для нее дело.

Спортивные и интеллектуальные соревнования для детей с физическими отклонениями переносили по неизвестным причинам вот уже раза три. Проведение планировалось еще в первые дни октября, на свежем воздухе, под открытым небом и благодатными лучами солнца. Затем решили перенести в конец месяца, но дотянули, как водится, до ноября, когда в пору к новогодним праздникам готовиться, а не к осеннему турниру.

— Наконец-то уже, сегодня, — с торжеством в голосе сообщала куратор. — Детям столько всего надо для обычной радости. Теперь, когда мы так долго готовились, откладывать еще хоть на день просто нечестно.

— Какая радостная весть, — выразила поздравления Диана, доставая из опрокинутой сумки ежедневник и делая большую жирную пометку в наступившей дате. — Я обязательно

прийду. Может чем-нибудь могу помочь?

— Одно ваше присутствие — уже помощь, — призналась женщина. — Волонтеры с одиннадцати займутся подготовкой спортзала при Художественном лицее, нам там выделили место. Если им вдруг понадобится помощь запасных рук...

— Можете на меня рассчитывать, — поддержала Диана. — С большой охотой задействую свою пару рук. Может приведу еще одну, очень на это рассчитываю.

— О, это было бы замечательно.

Они поговорили еще несколько минут и Диана осталась сидеть перед открытым ежедневником. На сегодня у нее назначено не так уж много встреч, в конце концов — суббота. Это ее порадовало. Ничего особо важного не придется отменять или переносить, только одного человека. Телефон в этот период просто по обыкновению отключит. Если будут звонить по вопросам консультаций, автоответчик направит их на личный сайт, именно там у нее происходили почти все предварительные записи. Просто великолепно.

Работать в этот день хотелось и не хотелось одновременно.

Нечто в ее квартире — что бы это ни было — вызвало приличный стресс, и было бы глупо его игнорировать. Работа — главный целитель, с этим не поспоришь, она займет ее на весь день, даже до поздней ночи. Но что дальше? Рефлексия? К тому же у Дианы не было стойкого убеждения, что вместо ожидаемого исцеления, не произойдет обратный эффект — истощение и упадок.

Она итак работала практически без выходных. Но даже усталость не смела запретить ей подниматься каждое утро ровно в семь. Привычка. Долг. Всегда есть кто-то, кто в ней нуждается. Она сама избрала этот путь и не смела отречься от него. Один выходной для нее мало что решал, но для ее пациентов каждая встреча важна, и не имело значения, какой это день недели.

Степа часто отругивал Диану за это. Слишком много на себя берешь, повторял он неустанно, никакой личной жизни. И сам при этом оставался «женат» на работе. Так что, кому еще понять, если не ему. Он вырывался иной раз на какие-то дальние курорты, моря, пляжи, лыжи, мир посмотреть, и Диана даже следовала его настойчивому примеру, но в последнее время уже не так активно.

Пациентов становилось все больше. Она никому не отказывала. Если рекомендовала других специалистов, своих коллег, мало кто шел к ним, предпочитая дожидаться, пока она освободится.

Диана любила людей. Очевидно поэтому они любили ее. Пациенты, пообщавшись с ней совсем немного, не желали идти к другому доктору. С каждым годом все больше людей записывалось на сеансы, интерес к психологии возрастал, давление жизни увеличивалось, психоэмоциональное напряжение становилось более выраженным, за следствиями не возможно было разглядеть причин, люди сгорали в работе и отношениях, не имея представления, как обрести полноценную жизнь в бесконечном водовороте проблем и стрессов.

Но все же Степа прав, если Диана сама не научится отдыхать и восстанавливаться, какой из нее тогда специалист?

Сегодня следовало позволить себе эту закономерную роскошь. Отказаться от всех встреч. Посвятить день исключительно отдыху. А еще турниру для детей инвалидов, развяться, оказывая им поддержку.

Открытый ежедневник с коварством смотрел на нее, красноречиво высказывая свое мнение. Совсем не загруженный день, смотри, всего пару записей. Имей совесть. Не перетрудишься. Перенеси только одну встречу — и делов то. Все эти люди рассчитывали сегодня на беседу с тобой.

Дина внезапно почувствовала непреодолимую усталость, голова размякла и она снова безвольно повалилась на диван.

Нет. Необходимо выспаться и привести себя в порядок. Срочно звонить пациентам, перенести все встречи. Это, пожалуй, самый разумный выход. Быть может и завтра она не сможет никого принимать, об этом тоже следует подумать... да-да, подумать уже сейчас.

Как жаль, что в справочнике нет телефона охотников за привидениями. Интересно, священник сумел бы помочь? Диана непроизвольно прыснула, представив живописную картину изгнания злого духа из ее квартиры.

Ну нет, решительно заявила себе психолог. Сегодня же вернусь домой. Наплевать, что там твориться! Я люблю этот офис, но мне нужен мой дом! И никаких больше сомнений. Пусть только посмеет кто-нибудь или что-нибудь выкинуть такое, из-за чего я снова сломя голову понесусь из дома. Не дождетесь!

Мне всего лишь нужно отдохнуть, постановила она для себя. Вот тут я со Степой согласна на все сто. Очевидно, критическая масса накоплена, пора и честь знать. Возможно на целую неделю дам отбой — совсем охрабрела в своих мыслях Диана. А там, глядишь, и шорохи прекратятся, и телефонные провода рваться перестанут. Мало ли что его могло повредить. Перетерся, перегорел, бракованный попался. Я просто невнимательна.

Зато сколько шума на пустом месте.

С ума сойти!

Все это Диана обдумала очень стремительно, чувствуя, что теплый мягкий диван снова стал завладевать ее вниманием. Блаженно выпрямив ноги, она одной рукой уже укутывала себя пледом, другой устанавливала на телефоне новое время для будильника. Через два часа она позвонит всем, кому нужно, чтобы отменить встречи, заодно тогда и свяжется с Оксаной, чтобы вырвать, наконец, девчонку из мира иллюзий в мир реальности. А пока она сама, с болезненно-сладкой дрожью во всем теле, не прочь погрузиться в мир иллюзий как можно глубже. Веки уже плотно закрылись, когда она опустила голову на подушку. Сладких снов.

Глава 13

Но разбудил ее отнюдь не будильник.

Она понимала только, что успела очень крепко уснуть, как вдруг с каким-то небывалым надрывом, непривычно свирепо и страшно прогремел звонок входной двери.

Женщина резко схватилась. В груди заныло от испуга.

Через несколько секунд она вспомнила, где находится. Стало странно, почему она спит здесь, почему не вернулась домой? Что бы там не напугало ее ночью, днем скорее всего призраки разошлись по своим склепам.

Нужно немедленно собираться домой.

Боже, у нее же пациенты сегодня! Какой еще выходной, что это она придумала? Чего развалилась тут? Шок прошел? Отлично, значит жизнь возвращается в привычное русло.

Входной звонок снова засвирепствовал, но в этот раз показалось — не так громко.

Диана поправила сбившиеся волосы, сонно поднимаясь с дивана. Кто бы это мог быть? Риэлторы? Им, кажется, незачем. Срок аренды еще не истек, обо всем уже договорились по телефону, она сдаст ключи через две недели.

Господи, почему она не догадалась отключить звонок? Наверняка какие-то торгаши со своими неликвидными товарами.

В таком случае лучше не открывать.

Звонок снова загремел.

Ладно, просто скажу, что меня ничего не интересует.

Догадка ее практически подтвердилась, когда в глазок она увидела молодую девушку в простеньком сером пальто, явно с чужого плеча. Темные волосы выбились из-под вязаной шапочки, подчеркивая неестественную бледность. Она напряженно смотрела вперед и выглядела растерянной.

Диана открыла дверь.

— Добрый день, — воскликнула девушка, едва завидя ее.

— Добрый день, — ответила Диана, высунув голову в проем двери. — Если вы хотите что-то продать, то мы ничего не покупаем.

Незнакомка внезапно стушевалась и кажется потеряла связку слов. Диана успела заметить, что при ней не было никаких увесистых сумок, неизменных атрибутов так называемых агентов по продажам. Она только сжимала в тонких пальцах небольшой глянцевый листок, который Диана сразу же узнала. Она задержала на нем взгляд.

— Нет, я ничего не предлагаю, — уже как-то тихо и неуверенно сказала девушка. — Я по объявлению...

Диана чуть подалась вперед, в парадную дома.

— Простите, — она взяла протянутый девушкой листок. — Я думала, это торговцы. Где вы взяли этот рекламный проспект? Ему уже... года три!

— Правда? — снова нерешительно заговорила девушка. — Мне этого никто не сказал. Я так надеялась...

— Пойдите. — Диана потерла лоб. Было неудобно стоять в таком сонном и помятом виде перед девушкой. Ей все казалось, что она туго соображает. — Кто сказал?

— Волонтеры. Волонтеры помогают мне все вспомнить... Кто-то нашел этот проспект, здесь написано, что проводятся сеансы гипноза и можно принять участие. Что можно вспомнить любое событие из жизни. И это бесплатно.

Девушка нервничала и запинаясь. Голос ее дрожал, интонация то вскакивала, то снова понижалась.

— Это вы, вы проводите гипноз? Здесь же правильный адрес? — в голосе звучала не просто надежда, казалось, вопрос стоял о жизни и смерти.

— Да, но... — Сухость во рту становилась просто несносной. Хотелось поскорее вернуться назад в помещение офиса и приготовить кофе. — Мы уже не проводим исследование.

И в то же время вид девушки совсем сбивал ее с толку.

Почему она трясется, как осиновый лист? Какое-то крайнее нервное возбуждение. Кажется вот-вот расплачется. Господи, выдохнула про себя Диана, увидев, что все так и есть. Лицо девушки резко исказилось и слезы, просто отчаянные слезы, рекой полились из глаз. Она больше не в силах была что-то сказать, поэтому быстро развернулась, чтобы уйти.

— Стойте, — крикнула Диана, выскочив босиком из двери. — Не уходите. Скажите, что

случилось? Пожалуйста, войдите и мы поговорим.

Девушка остановилась, тонкая спина изогнулась, как под ударом. Она нерешительно повернулась, вытирая все льющие и льющие слезы вязаной варежкой.

Диана не собиралась смотреть, как она мучается, обхватила ее за плечи и повела в офис.

— Я не представилась, — сказала она, помогая девушке снять пальто. — Мое имя есть на проспекте. Диана Красовская. Я психолог. Снимайте обувь, проходите сюда. Здесь где-то были салфетки...

Диана метнулась через всю комнату к стене со стеллажами, где у окна стоял большой дубовый стол. На нем давно уже пылилась огромная упаковка бумажных салфеток. Она поспешила к девушке, что обессилено опустилась в одно из кресел, и поставила салфетки перед ней на стеклянный столик.

— Вы грейтесь, успокаивайтесь, а я приготовлю кофе, — сказала Диана и побежала к кухонному уголку. Пока она занималась приготовлением, все не сводила взгляда со спины девушки.

Возраст трудно определить на глаз. Такая исхудавшая, измученная. Что-то сильно тяготило ее, выжимало последние соки. Исходя из этого, она могла быть и юной девушкой, и молодой женщиной около двадцати пяти. Но выглядела до того хрупкой, что издалека ее вообще можно было принять за школьницу.

Диана очень быстро приготовила кофе, принесла и поставила две чашки на столик, отодвинув ноутбук. Затем откинула плед с дивана и уселась напротив своей гостьи.

— Не волнуйтесь, что бы ни произошло, все решается, — сказала она. — Вдохните глубже. Вот так. Еще раз. — Девушка послушно следовала ее рекомендациям. — Не спешите. Еще раз. Следите, чтобы выдох длился дольше вдоха. Еще. Вот так. Хорошо. Вы умница. Выпейте кофе. А тогда расскажите мне, что случилось. И, поверьте, все будет хорошо.

— Спасибо, — тихо ответила девушка, потупив глаза в чашку.

В этот самый момент зазвенел будильник на телефоне, Диана быстро выключила его.

— Извините меня, у вас много дел, наверное, — сказала девушка, бросив взгляд на сжатый в руке Дианы смартфон.

— Не волнуйся, у меня есть время, — кивнула женщина, отпив кофе. — Как тебя зовут? Ничего, если я на ты?

— Так даже лучше. — Девушка тоже пригубила небольшую чашечку.

— Как тебя зовут? — повторила вопрос Диана.

Девушка отставила кофе и посмотрела в пол, неловко разминая пальцы и периодически убирая тонкие пряди со лба. Совсем бледная, заплаканная, испуганная.

— Не знаю, — проронила она наконец, после небольшой заминки.

Диана специально не перебивала ее, визуальнo подтверждая свою готовность слушать.

Девушка наконец заговорила:

— Волонтеры нарекли меня Дашей. Но как меня зовут на самом деле, я не знаю. Не помню...

Она снова задрожала и умоляюще посмотрела на Диану.

— Поэтому мне и нужен гипноз. Вы... вы можете мне помочь?

Диана задумчиво откинулась на спинку дивана.

— Ты не помнишь, кто ты и как тебя зовут? — поинтересовалась она.

Девушка медленно покачала головой.

— А хоть что-нибудь помнишь?

— Нет. Я пытаюсь, каждый день пытаюсь, напрягаю память. Мои новые друзья всячески пытаются мне помочь, но в одной статье я прочла, что утраченная память может вернуться как и очень скоро, так и вообще никогда не вернуться. Мне страшно. Мне кажется, со мной произошло что-то ужасное...

— Может тогда тебе не стоит это вспоминать? — предположила Диана. — Есть теория, что все, что опасно для психики, блокируется корой головного мозга. Если это вопрос не из медицины, а чисто психологический, тогда твое сознание вполне вероятно от чего-то оберегает тебя.

— Мне все равно, что случилось, я хочу это знать, — сказала девушка.

— Что с твоим здоровьем?

— Ничего. Меня проверяли. Было только переохлаждение. Это все.

— Переохлаждение?

— Около двух месяцев назад меня нашли в курятнике, в одной деревне за городом... Я смутно это помню. Но это, похоже, вообще единственное, что я хоть как-то помню. Я сама не знаю, как я оказалась в сене, видимо пряталась от холода. Это была жутко холодная ночь. На мне не было обуви, ноги настолько были сбиты, почти не остается сомнений, что я брела так очень долго. Платье порвано, испачкано... Я не понимала, где нахожусь и что происходит.

— Ты была в милиции? Тебя обследовали на предмет насилия?

— Обследование ничего не показало, — призналась девушка, — потому что никто не мог предположить, сколько дней я вот так бродила — голодная, холодная, грязная... Я много дней провела без воды и питья. Ела, скорее всего, что-нибудь из того, что попадалось попутно, вроде яиц из курятников... Состояние было ужасное, поэтому установить, имело ли место насилие, не удалось. Каких-то четких следов на теле вроде не было. Синяки там, царапины — все это могло быть следствием моего бродяжничества. Но я практически не сомневаюсь, что насилие было... — Ее губы задрожали. — Другой причины быть не может, понимаете? Как еще я могла дойти до такого?.. А так вообще... я сообразительная... хорошо считаю в уме, даже большие суммы — как на калькуляторе. Это девочки заметили из волонтерской группы. Я живу сейчас по неделе у каждой из них. Еще у меня нормальные реакции, я многое умею делать руками, вот даже помню, как вышивать. Уборка по дому получается отлично, готовлю неплохо. Я тоже не сижу без дела, всюду стараюсь помочь, работаю вместе с девочками в той же группе. Мы помогаем детям, особенно активно помогаем старикам и бездомным. Собираем для них еду, одежду, медикаменты, деньги. Я не знаю, что было бы со мной, если бы они не взяли надо мной опеку.

— Что предприняла милиция? — спросила Диана, которую глубоко тронула эта история.

Девушка пожала плечами:

— Говорят, моих данных у них нет. Они могут быть только если меня разыскивают... Например, родные. Но никто не заявлял о моей пропаже, понимаете. Не только в области. Вообще...

Ей было больно произносить сей печальный факт вслух. Она надломленно замолчала.

— Можно я буду называть тебя Дашей? — спросила Диана.

Девушка кивнула:

— Пока меня все так и называют. Кому-то из волонтеров я очень напоминала знакомую

с таким именем, она обращалась ко мне Даша, а остальные подхватили.

— Это как второе рождение, — заметила Диана. — Тебе самой нравится это имя?

— Конечно. Красивое. Может мое настоящее и не такое красивое. Но только я все равно хочу его знать. Вы ведь поможете? — ее большие голубые глаза светились надеждой. — Мне все говорят, что гипноз поможет. Я сама в это верю.

Диана печально вздохнула:

— Я не знаю, что ответить тебе, милая. Не все так просто в гипнозе, как принято думать. Слишком много мифов насеяла кино-индустрия. Тебе нужна очная консультация психотерапевта. И еще необходимо обследовать сосуды головного мозга, сделать энцефалограмму...

— Вам нужны деньги? — взволнованно спросила Даша. — У меня нет денег. Пока нет. Я потому и надеялась на это объявление. Но... если вы подождете, я соберу...

— Даша, — мягко прервала ее Диана, — деньги тут не при чем. Они не играют в этой ситуации никакой роли. Если бы ты пришла ко мне месяц назад, когда проект еще существовал, и рассказала свою историю, поверь, ни я, ни мой шеф, не взяли бы гипнотизировать тебя.

— Почему? — изумилась девушка.

Диана продолжала мотать головой:

— Мы не работаем с людьми, утратившими память. Этим занимаются специальные медицинские учреждения, центры по реабилитации. Если после полного обследования они посчитают нужным воздействовать на твое подсознание гипнозом...

— Меня продержали в больнице десять дней, больше вроде нельзя, — сказала девушка, брови ее трагично изогнулись. — Они не знают, что делать. Говорят, нужно набраться терпения и подождать, пока память вернется сама.

— Конечно. Это может произойти в любой момент, — согласилась Диана.

— Я так не думаю. Они мне, знаете, какой тест предложили? Посмотреть, узнаю ли я себя в зеркале. Разве это не смешно? Я сразу поняла, что в зеркале — я. Но кто я такая? Был лишь одно короткое воспоминание. В больнице моя палата находилась на пятом этаже, из этого я понимала, что жила раньше в пятиэтажном доме. Но это все. Не помню ни квартиру, ни людей, с которыми жила.

— Что насчет головных болей?

— Они меня не беспокоят. С тех пор, как я пришла в себя, я находилась в абсолютной физической норме. За исключением того, что постоянно мучаюсь вопросами своей биографии.

— Мучится точно не стоит, — сказала Диана. — Это только вызовет дополнительный стресс. Память может возвращаться не сразу, постепенно, фрагмент за фрагментом. К тому же, не исключено, как я уже и говорила, подсознание оберегает тебя от чего-то. Может, это к лучшему — ничего не помнить.

— Вы правда так считаете? — по щекам девушки снова заструились слезы. — Жить, не зная, кто ты, что с тобой произошло? Откуда ты, кто твои родители, есть ли у тебя семья? Ждать, быть может, всю жизнь, что однажды утром память вернется. А если нет? Никогда не знать своего родного имени?

В груди зажгло с такой силой, что Диана чуть не задохнулась. Она быстро пересилила эмоции и одним глотком допила кофе.

Но девушка права, вероятно нет ничего страшнее такой жизни.

Подобных случаев в психиатрии масса, однако Диана никогда не сталкивалась ни с чем подобным лично. Господи, как же она может помочь этой несчастной? Она не маг, что одурманит ее на счет три — и разбудит всю память. Как объяснить, что процент соотношения вреда и пользы от гипноза в ее случае просто неизмерим?

Она снова попросила девушку успокоиться и дышать глубоко и ровно. Принесла ей стакан воды, попутно раздумывая, к кому ее можно направить. Сразу захотелось позвонить Степе, что бы он на это сказал? Может, дал бы какие-то рекомендации, посоветовал кого? Но тут же отбросила эту мысль. Они со Степой больше не работают вместе, и это так не корректно — дергать его по каждому поводу. Странно, что она все никак не может отвыкнуть от него.

Конечно, она и так знает, куда ее направить. Предже всего к профессору, с которым работала когда-то при кафедре университета. Для него это будет интересный случай, он и определит, что делать с девушкой, какие методы применить и прочее.

Диана встала, чтобы пойти к стеллажам и найти его визитку, но девушка вдруг схватила ее за руку. Женщина едва не подскочила от неожиданности.

— Прошу... хоть попробовать... — умоляла девушка, глядя на нее влажными глазами. — Просто попробовать. Не бойтесь за меня. Я справлюсь, если что-то пойдет не так. Хуже все равно уже не будет.

— Хуже будет мне, если я дам тебе ложную надежду, — ответила Диана. — Но я могу предложить тебе лучший из вариантов — работу с самым мощным специалистом психиатрии из всех, кого я знаю. Я дам тебе его карточку и сама поговорю с ним, чтобы он тебя принял. Идет? — Она улыбнулась.

Девушка молча отпустила ее руку. Через несколько минут, одевая пальто у выхода, она сказала:

— Я не знаю почему, но с вами я чувствую себя спокойно, как будто мы знакомы уже давно. Я могу доверять вам, Диана. Спасибо за все. Возможно, этот профессор мне действительно поможет.

— Я даже не сомневаюсь, — уверила ее Диана. — Если понадобится моя помощь, или будет страшно, или просто захочется поговорить — звони.

Девушка кивнула и, попрощавшись, покинула офис, оставив после себя странную призрачную ауру отчаяния и боли.

Хрупкий образ девушки продолжал витать какое-то время в пространстве, Диана все никак не могла отделаться от него.

Словно и не девушка то была вовсе, а потерявшийся дух.

Глава 14

— Снегу бы, — сказала Диана, запрокидывая голову к холодному серому небу, когда приблизилась к поджидающей ее на остановке Оксане. Ветер дул с такой силой, что ей постоянно приходилось убирать с лица волосы. — Сколько бы сразу изменилось в восприятии. Какая привилегия для романтики. Особой зимней романтики. Как думаешь?

Девушка пожала плечами. Небрежно закутанная в объемный темный шарф, в черном пуховике и джинсах — вряд ли походившая на замерзающего.

Диана пританцовывала в пока еще осенних сапожках и легком пальто.

— Не хочется думать, что Новый год снова встретим без снега.

— У американцев всегда так, — заметила Оксана. — И ничего.

Диана засмеялась:

— Какой позитивный ход мыслей.

— Я хоть нормально оделась для сюрприза вашего? — спросила девушка, равнодушно окинув себя взглядом. — А то вы звоните с такой интригой, сообщаете, что нужно куда-то идти, как будто это какой-то праздник.

— Просто замечательно, — продолжала загадочно улыбаться психолог.

— Ну и куда вы меня вести собрались в такую погоду? И почему у вас в руках этот гигантский пакет с пряниками?

— Не волнуйся, погода нам не помеха. Пряники не для нас. Скоро все узнаешь. Скажи мне только, как ты относишься к волонтерству?

— Нормально отношусь. Только если вы меня потащите в больницу ставить клизмы и утки, я не пойду.

— Нет, в больницу я тебя не потащу. Что-то я не слышала, чтобы волонтеры клизмы ставили, — удивилась Диана. — Люди просто отдают немного своего времени и усилий тому, кто в этом нуждается. Это всегда приятно, мне кажется, и совсем не трудно. Ты за?

— Ну, если вы все решили, куда мне деваться?

* * *

В спортзале Художественного лица царил атмосфера настоящего праздника. Складывалось впечатление, что Новый год уже наступил. Отовсюду свешивались шары и гирлянды с флажками, половину зала занимали аккуратные ряды стульев, с боку разместились столы, покрытые белоснежными скатертями.

Объемные салатницы заполнялись фруктами, нарезались бутерброды, приносили еще какую-то еду, сладости, — весь спортзал пропах праздничными яствами. Диана даже забеспокоилась, не станет ли это помехой для участников соревнований, особенно интеллектуальных.

Она направилась напрямик к куратору, миловидной женщине средних лет в сиреновом костюме. Женщина, пребывающая в радостном волнении, обняла Диану, горячо поблагодарив за присутствие.

Затем их с Оксаной попросили помочь с бутербродами.

— Диана Александровна, — пошутила девушка. — А вдруг я на диете, а меня к еде приставили?

— Вот и хорошо, — ответила Диана, — протестируешь силу воли.

— Неужели эти дети столько съедят? — девушка обвела столы подозрительным взглядом.

— Дети всегда много едят, — усмехнулась Диана. — А если что-то и останется, заберут с собой.

— Вот за что я и не люблю детей. Много жрут и орут. И как они бегать после такой трапезы собираются?

— Видишь ли, — сказала Диана, беря нож и начиная резать помидор, — они не будут бегать. Эти дети в основном в инвалидных креслах.

Оксана замерла и странно посмотрела на нее, затем как-то по-новому взглянула на плакаты, шары, стулья, столы, суетящихся волонтеров.

— Инвалиды то есть? — спросила шепотом.

— Дети с физическими отклонениями.

— Но что же это за соревнования? Покидают друг другу мячик, как дельфины в дельфинарии?

— Зачем ты так говоришь? — строго спросила Диана. — Не стоит так думать о них. Я уже была на таких турнирах, и знаю, что говорю. Эти дети талантливы, активны и очень развиты. Среди них и художники, и математики. И в спорте есть достижения, просто это немного другой спорт. Ты все увидишь сама. В футбол они играют на компьютере, зато какой бывает баскетбол! И попробуй закинь мяч в сетку, как это делают они. Я когда увидела впервые, была поражена.

— Может и так, — неопределенно заметила девушка. — Я редко сталкиваюсь с ними. Знаю только, что им нужно уступать дорогу и все их жалеют...

— А их не нужно жалеть, — сказала Диана. — Кроме каких-то внешних отличий, они точно такие же, как все прочие.

— Но если ты толкнешь обычного прохожего, или не дашь ему пройти, — рассуждала девушка, — тебя никто не отругает, а не уступишь инвалиду, или толкнешь его, тебя заклеят. Разве нет?

— Знаешь, любого человека толкнуть — неприлично, — ответила Диана. — На самом деле, если ты кого-то толкнула и не извинилась, будь уверена, человек именно так и подумает про тебя — инвалид. Инвалид ума! И, к сожалению, инвалидов ума так просто не увидишь, пока они себя не проявят. При этом они могут свободно двигаться, бегать, играть в футбол. Но вот кого и стоит пожалеть — так это их.

Оксана апатично разрубила огурец, лежавший на доске для нарезки.

— Да уж, тут не поспоришь, — сказала она. — Но ведь есть такие, что вообще с трудом двигаются. Как им играть в баскетбол?

— Они и не играют. Зато у кого-то потрясающе идут шахматы, «брейн-ринги». Сама увидишь!

— И вы отзываетесь о них в таком... ну... восторге... не из жалости разве? — спросила Оксана. — Вам правда это все нравится?

— Конечно! И тебе, надеюсь, понравится. Потому что сталкиваться с такими людьми на улице, в торговом центре или еще где-то мельком — это одно. А общаться с ними — другое.

Она взглянула на часы.

— Уже почти два. Через час дети будут здесь. Сперва мы посмотрим спортивные соревнования, потом будет интеллектуальная часть. Ты же останешься со мной до конца?

Оксана пожалала плечами.

— Ну вы же придумали мне такое задание. Как я могу отказаться? Может, это и правда что-то не такое нудное, как все соревнования на свете...

Диана засмеялась.

— Давай я покажу тебе, как нужно резать огурец...

Глава 15

Соревнование длилось не больше двух часов. Первая часть была посвящена всяческим шахматам и армреслингам, вторую занимал «Брейн-ринг». Открытие, а так же перерыв между частями сопровождался чаепитием. Теперь наступило последнее, завершающее. Только что объявили победителей, раздали грамоты и медали.

Время от времени Диана с кем-то общалась, не выпуская из вида Оксану. Девушка предпочитала оставаться на своем месте в самом конце зрительских рядов, увлеченная своим телефоном.

Особое внимание Дианы занимала группа волонтеров. В отличительных красных жилетках они напоминали сказочную бригаду пожарных. Суетливые движения и добродушные лица молодых людей буквально приковывали к себе ее взгляд. Невольно вспоминалась и утренняя гостья Даша.

Просто поразительно, размышляла Диана, как устроена действительность. Эти люди, как маленькие волшебники, как божие коровки, занимающие собой практически невидимый пласт реальности, они словно отделены ширмой и находятся в тени происходящего. Как скрытые запчасти машины, что, кажется, едет сама по себе. Как невидимые клетки организма, заботящиеся о всех процессах. Они вроде есть — теоретически! — но практически о них мало что знаешь. Пока специально не обратишь внимание.

А в это время они делают великие дела!

Что было бы с той девушкой, Дашей, если бы не волонтеры?

Что было бы с этими детьми, лишенными и так слишком многого?

Она вдруг поняла, что несказанно рада быть знакомой с таким аспектом жизни. Более того, истинным счастьем казался ей сам факт существования этого движения.

Волонтеры настойчиво уговаривали всех присутствующих доедать десерты и бутерброды, чтобы ничего не пришлось выкидывать. Ее тоже подтолкнули к столу, норовя впихнуть в руки бумажную тарелку с угощением. Диана понимала, что нельзя отказывать, но поскольку они с Оксаной уже перекусили, и даже успели опробовать сливовый торт, максимум на что согласилась — два скромных сэндвича.

Она вернулась к Оксане. Девушка растеряно взглянула на тарелку и зарделась.

— Ты что, стесняешься? — спросила Диана, садясь рядом.

— Вы не понимаете... Все эти перекусы только дразнят и смущают меня... Это вам достаточно одного бутерброда... Но не мне... Хотя, конечно, на людях всегда проще терпеть. Боишься выглядеть обжорой. Это и без того ясно, глаза как у карася! — Девушка сардонически усмехнулась.

— Не переживай, я принесу тебе еще, если захочешь, — успокаивала Диана.

— Позволить себе объесть этих детей? — Оксана выпучила глаза, изображая ужас, лицо ее показалось еще круглее, а румянец на щеках еще выразительнее.

— Никого ты не объедаешь, еды предостаточно.

Девушка взяла предложенную тарелку, но при этом отчаянно мотала головой:

— Моя проблема — неумный, страшный аппетит! Как одержимость! Мой предыдущий психолог говорил, что я пытаюсь себя таким образом убить. Наесться до смерти... Еще один утверждал, что, наоборот, таково мое моральное утешение — заедаю горечь обид.

— Ну, культ еды — это не новость, — сказала Диана, осторожно откусив свой сэндвич и подавая тем самым пример для Оксаны. Девушка принялась отщипывать от своего крошечные частички, не больше ноготка и, ложа в рот, очень медленно жевала.

— Во-первых, инстинкт выживания, что само собой разумеется, однако доведенный до маниакальной зависимости, — продолжала Диана. — Все начинается в детстве. Чуть что не так, успокоение приходит сперва в виде соски, потом в виде мороженого, конфет и булок, дальше следует прямая зависимость от вкусов. Покой появляется только если рот наполнен, когда есть чувство насыщения, уверенности и контроля. Сюда же относится пристрастие к

спиртному и сигаретам — это грубая форма соски. Во-вторых, праздники. Чего стоят праздники! Непременно море еды. Плох тот хозяин, у которого не ломится стол. О чем говорят за теми же столами? Про еду! Даже здесь, посмотри, без угощений не обошлось. Блюдомания — не просто зависимость, это самая сильная из религий. Нет, пожалуй, это выше всех религий.

— А бабушки, вы забыли про бабушек, — подхватила Оксана. — С их пирогами, холодцами, котлетами!

— Калорий много не бывает? — смеялась Диана.

— Да они просто психопаты! — вскричала девушка. — Майонезные салаты, голубцы в сметане, тушенки и рулеты... И ты понимаешь, что эту дрянь ни за что на свете нельзя пускать внутрь, но как извращенец — давишься слюной при одном упоминании, гредишь, мучаешься, накидываешься! Все болезни на свете в той проклятой тарелке, в том куске, которому по праву встать поперек горла и не двигаться, — будь ты умнее дикой собаки. Но попробуй перебори внушение! Чертово внушение! Как можно не думать о лоснящихся жирных блинах, если они одновременно вызывают отвращение и голод? Я свирепею от этого! Свирепею! Меня убивают эти два противоречивых чувства! Это болезнь! Доктор, я неизлечимо больна! — с театральным пафосом восклицала девушка. — Меня нужно связать — и колоть антидепрессанты!

— И так же связать пол мира? — заключила Диана с прискорбием. — Не-а, антидепрессантов не хватит. Но это действительно болезнь — что есть, то есть. Ученые буквально недавно доказали, что тот же фактор, что отвечает за чувство кайфа у героинщика, отвечает и за удовольствие от еды.

— Правда? Я всегда это знала. Удовольствие, которое убивает...

— Но ты же говорила, что ешь мало, — заметила Диана.

Оксана со вздохом поглядела в тарелку, теребя ногтем выглядывающий из сэндвича листок салата с тонкой полоской сыра. Прядь волос небрежно свисала вниз, выпав из своего привычного места за ухом, и частично закрывала ее лицо. Но Диана и так прекрасно знала, с каким выражением отвечает ее пациентка.

— Я пытаюсь. Периодами не ем вообще. Но потом только хуже. Пускаюсь во все тяжкие... Ненавижу это все!

— Больного легче убить, чем лечить? — пошутила Диана в ее же манере.

— Да уж... только дело не в еде, сами знаете...

— Проснись ты завтра со внешностью Меган Фокс, ты снова нашла бы чем заморочиться, и как можно больше от этого страдать, я права? Подавай мужа-красавца, да не просто, а знатного принца! А потом детей, да таких, чтоб никаких хлопот.

— Вот-вот, — прыснула Оксана, — жизнь — боль!

— А как тебе эти дети? — Диана доела, поставила пустую тарелку на соседний стул и вытерла руки бумажной салфеткой. — Они разделяют твоё мнение, как ты думаешь?

— Я не могу думать за них, и тем более знать их мнение, — пробормотала Оксана, все так же кроша свой сэндвич, словно издеваясь над ним.

— Это был риторический вопрос.

— Просто им каждый день внушают, что нужно держаться. Только на этом внушении они и живут. Разве нет?

Диана откинулась на спинку стула.

— Вот поэтому я привела тебя сюда. Чтобы ты увидела, что это не так. Пообщайся с

кем-то из них. Ты сразу все поймешь. Они страдают, да. И уверены, что ты счастливейший человек, потому что можешь позволить себе любое движение. Они, к тому же, если ты еще не поняла, в большинстве своем сироты. А у тебя есть мать, которая души в тебе не чаёт. Ты для этих детей — образец счастья. Но они не презирают то, что имеют, вот что интересно. Просто знают, что их жизнь отличается от большинства. Все это — очевидные вещи, все ясно и так, без слов. Ты можешь похудеть, а они никогда не смогут бегать.

— Жизнь несправедлива, — тихо проронила девушка.

— Все относительно, справедливость тоже, — продолжала Диана. — Не плохо сразу родиться с золотой ложкой во рту, с идеальной внешностью, с массой талантов, быть при этом душкой и очаровашкой, чтобы все тебя любили и весь мир у твоих ног... Но о чем мы говорим? Не тема, а бесконечный тупик. Видишь этих ребят? — Женщина кивнула в угол спортзала, где собралось человек десять молодых людей, и казалось, каждый был занят важным делом, но в то же время они постоянно вели оживленные беседы то друг с другом, то с детьми, смеялись и шутили, накладывали для кого-то еду в тарелку, доставали висящие под потолком шары и дарили всем желающим. — Я не перестаю ими восхищаться! Их судьбы разнятся, среди них есть выходцы как из бедных семей, так из вполне обеспеченных. Они используют собственные средства, собственный транспорт. В волонтеры попадают разными дорогами, каждая отдельная история по-своему увлекательна. Но все они получают самое чистое удовольствие из всех существующих, и это вовсе не чувство превосходства над кем-то, уверяю тебя. Это понимание того, что собравшись вместе, люди могут что-то изменить в этом — как ты говоришь — несправедливом мире. Просто прийти и сделать так, чтобы кто-то сегодня не страдал.

— Я так не умею... — отозвалась Оксана. — Они святые.

— Нет, они такие же как ты и я. Мы сегодня занимались тем же, что и они. Ты разве не заметила?

Оксана положила в рот еще один маленький ломтик сэндвича и хмуро обвела взглядом ряды пустующих стульев впереди них.

— Почему так мало людей пришло? Ведь стульев не для красоты поставили, ясно, что располагали еще на кого-то. И что, это не откровенное пренебрежение, по-вашему? Скажете, что это не так?

— Даже если бы кроме нас с тобой больше никто не пришел, это уже не пренебрежение, — ответила психолог. — Само то, что турнир проводится — уже не пренебрежение. Я всего лишь пытаюсь объяснить тебе всеми этими скучными моралиями, что твоя проблема — не гнусный мир вокруг, с его ловушками, опасностями, несправедливостью, а твоя оценочная система! Когда ты это поймешь и признаешь, тебе не понадобятся никакие психологи.

— Вы советуете мне стать волонтером? — спросила девушка с осязаемой долей сомнения.

— Таким делом нужно заниматься только по собственной воле, — вздохнула Диана. — Откровенно говоря, я всем рекомендую волонтерство. Это отличная терапия, если хочешь. Но опять же — без принуждения... Знаешь, во множестве случаев, когда в больших катастрофах или стихийных бедствиях гибли люди, те из них, кто начинал спасать других, выживали, как правило, сами. Это уникальные случаи, доказывающие насколько человек силен по своей природе. Изувеченные, покалеченные, истекающие кровью, они вытаскивали из завалов детей, выносили из огня раненых, раздробленными пальцами держали кого-то на

краю пропасти, поднимали огромные металлические обломки, не зная, что у них отбиты почки... Они просто не понимали, что с ними что-то не так, мозг этого не осознавал. Но, представь себе, этот фактор «сверхчеловека» включался от одного лишь понимания, что кто-то нуждается в их помощи. Видишь ли, осознание того, что ты несешь ответственность за чью-то жизнь, творит невозможные вещи! Кто знает, может, в том и состоит смысл жизни.

— Это называется состоянием аффекта, кажется. Или инстинктом выживания. Я слышала про такое.

— Неважно, как это называется. Я думаю, ты меня поняла.

— Значит, ваша философия заключается в том, что спасая других, ты спасаешь себя?

— Это не философия. Просто ответственность.

— Вот только я безответственная, — хмыкнула Оксана.

— Дело, скорее всего, не в этом. Ты никого не любишь. Поэтому мир кажется тебе таким пустым. Ты влюблялась когда-нибудь?

— Ох, — девушка громко причмокнула, — будем прямо здесь и сейчас анализировать мои подростковые чувства? Расскажите лучше еще про какие-то феномены в героическом стиле. Это занятно.

— Неужели ты ни в кого не влюблялась? — поглядела на нее женщина. — Вообще? Ни разу?

— Боже, что это за вопросы?

— Нормальные вопросы. Так влюблялась, или нет?

— Да в кого тут влюбляться? — выпалила девушка. — В напыщенных модников, всех таких одинаковых, как под копирку! От гордости чуть не лопаются, представляют себя суперсамцами, а тронь — маменькины сынки — ни дать, ни взять!

Услышав это, Диана не смогла сдержать улыбку. Она с любопытством изучала реакцию своей пациентки.

— Не знала, что ты вот так смотришь на парней. И что, никто никогда не зацепил? Вообще? Такого быть не может.

— Почему не может? Мне все отвратительно. Глупые и разнеженные, с такой спесью, что принцесса на горошине нервно убивается об стенку!

— Вот это да, — протянула Диана и вдруг весело и от души рассмеялась. — Ты меня поражаешь. Влюбляться — это же так естественно.

— Если есть в кого, — прыснула Оксана. — Вы как будто не видите нынешних парней. Рожать не от кого! Хорошо, что вам это кажется смешным. Мне тоже. Здорово, что я еще способна вас удивить.

— Меня удивляет не твой цинизм, нет. Как раз это нормально. Как средство защиты. Ты не ждешь ответной реакции, поэтому боишься влюбляться. Но все равно у тебя должен быть хоть какой-то идеал. Я так понимаю, кто-то мужественный...

— Какое-то время мне нравился Крис Эванс, — призналась девушка, чуть подумав, — но потом я посмотрела его интервью... он такой же разнеженный, мягкотелый и самовлюбленный, как все остальные.

— И все? Откуда же ты черпаешь, так сказать, вдохновение? Кто твой герой? Может ты нашла его в каких-то книгах?

— Да в каких книгах? Мне советовали раньше психологи вместо интернета читать, типа это что-то изменило бы... Но у меня с этим как-то не вышло. Не определилась с жанром.

— Любовный не подходит?

— Нет.

— Но если у тебя есть идеал женщины, должен быть идеал мужчины. Все не могут быть мерзкими.

— Могут!

— Но антипод существует, так или иначе, — продолжала психолог. — Какие его качества? Пофантазируй, давай. Что получается?

— Не хочу.

— Еще как хочешь.

— Да отстаньте вы от меня с этой темой!

— Теперь точно не отстану!

— Такой бы на меня не взглянул! — отрезала Оксана — Ясно? Я Фиона — невеста для чудища!

— Ты забыла суть сказки, или попросту не вникала в нее? — напомнила женщина. — Фиона сама согласилась остаться чудищем. Ради любви.

— Я бы на ее месте забила.

— Ничего бы ты не забила, — пожурила ее Диана. — Побежала бы за своим Шреком на самый край света. Я думаю, в какого-то модника ты однажды и втрескалась, а теперь тебе все такими кажутся.

— Ничего такого не было. Не думайте, что все знаете, раз вы психолог. Смешной разговор... Расскажите лучше, от чего спасаетесь вы. Да-да, от чего спааетесь вы?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Диана.

— Ой, только не надо делать такой вид. Иначе зачем вам становиться психологом? Чтобы в себе разобраться, разве нет? Я это в кино слышала. И что, сколько у вас теперь ответственности? Вам удалось убежать от себя?

— Разве возможно убежать от себя? — Сложилось впечатление, что Диана растерялась под градом этих вопросов. Взгляд ее стал рассеянным и задумчивым.

— Теперь вы занимаетесь чужими проблемами, — не унималась девушка, — но свои то решили?

Женщина молчала. То ли ей нечего было сказать, то ли какая-то объемная фраза, тяжелый текст сковал ее губы. Казалось, она либо старается проглотить всю эту массу и больше не вспоминать о ней, либо набирается духу, чтобы высказать.

В этот момент кто-то приблизился к ним со спины и они обернулись.

— Здравствуйте, Диана Александровна!

Это был молодой человек в инвалидном кресле, худощавый, с темными вьющимися волосами, плавно спадающими на плечи, в черном шелковом костюме. Верхние пуговицы черной рубашки были расстегнуты, вытягивая и без того длинную шею. На привлекательном лице красовалась стильная бородка, темные глаза горели живым интересом.

Он приветствовал их широкой улыбкой и плавным кивком головы, что в его случае можно было расценивать не иначе, как поклон. Это выглядело чрезвычайно галантно и вместе с тем очень необычно. Диана заметила, с каким изумлением поглядела на парня Оксана, покраснела до корней волос, а затем отвернулась, пряча лицо за спадающей прядью, как за какой-нибудь паранджой.

— Ярослав, — с теплом отозвалась психолог. — Безжалостно сметаешь все медали?

— Да, — улыбался парень, поглядывая на Оксану. — Считаете, нужно с кем-то поделиться? Разве это моя вина, что я всех умнее?

— И в особенности, скромнее, — засмеялась Диана.

— Познакомьте меня со своей спутницей?

— О, конечно! Это Оксана. Оксана, это Ярослав. Он вундеркинд, так что ничему не удивляйся. Его даже хотели причислить к обществу детей-индиго.

— При том не из-за медалей, — ухмыльнулся Ярослав.

Он все смотрел на девушку, но она только зыркнула на него пару раз и полезла в карман за телефоном.

— Спасибо, что пришли, — снова обратился к психологу парень. — Всегда приятно вас видеть. Замечательно выглядите.

— Благодарю. Ты сам как настоящий принц, — ответила на комплимент Диана.

— Согласен, — не прекращал ухмыляться молодой человек. — Знаете, Оксана, — он чуть наклонился к сидящей перед ним вполоборота девушке, — а всего лишь год назад Диана Александровна была моим психоистязателем. Ровняла мне мозги, можно сказать, укладывала их назад в голову, как укладывают асфальт в выбоину, — всяческими разумными доводами. Потому что мой собственный разум в тот момент оказался настолько осрамлен и разбит, что однажды я залез в тумбочку к одной знакомой и нашел там целую упаковку Ношпы. Двадцать четыре таблетки. Я проглотил их все до одной!

Оксана бегло взглянула на него, потом посмотрела на психолога, будто хотела по выражению ее лица убедиться, не является ли все это комедией, и снова уставилась в телефон.

Парень продолжал, не меняя веселой интонации в голосе, словно рассказывал свежий анекдот:

— Открываю глаза, а ко мне что ангел снизошел, первое, что вижу — Диана Александровна.

— Не правда, — поправила его психолог. — Когда я к тебе пришла, ты уже давно был при сознании.

— Да, вы правы, от проведенных надо мной экзекуций, когда мне полоскали не только кишки, а всю душу иже с ними... я пришел в себя! И проклинал все на белом свете! Если до того момента мне просто хотелось откинуться по-тихому, — то от доставленных мне в больнице мук, я стал таким буйным, что был готов расквасить голову об кровать, и не только себе одному! Им еще повезло, что я не хожу. Господи! Я даже думал, что преставился — и воюю с демонами. Сколько не пытался за год подобрать нужные слова, чтобы описать этот кошмар, но ничего не нашел. А еще гигант айкью! Да просто слов таких нет! — Он изобразил искусную мину, демонстрируя пик потрясения, а Оксана покосилась на психолога с откровенным недоверием, все больше хмурия брови.

— Тут бы в пору крышей тронуться! Я открываю глаза, — продолжал парень сквозь смех, — а меня спрашивают: «Что такое твое Я?»

— Ох, Ярослав, — Диана покачала головой. — Ты что-то увлекся, байку сочинил. У нас с тобой прошла не одна беседа, пока я это спросила.

— Да какая по сути разница? Этот вопрос застрял у меня в голове, как кирпич. Именно этого вы тогда и добивались.

— Оксана, вам интересно, что было дальше? — он снова обратился к девушке. — Мне можно перейти на «ты»?

— Можно, — буркнула Оксана, на этот раз полностью отвернувшись.

Парня это нисколько не смутило, он просто объехал на своем кресле ряд, в котором они

находились, и пристроился сбоку, возле стула Дианы. Он не сводил пристального взгляда с Оксаны, теперь ему очень хорошо было ее видно, как бы она не отворачивалась, и какую бы позу ни принимала.

— Я надеюсь, я не сильно тебя шокировал. Тебе же известно, что Диана Александровна психолог?

Девушка не ответила.

— А ты когда-нибудь думала, что такое наше Я? — Он снова обращался к ней. Она все так же молчала, глядя в телефон. — Я тогда ответил, что это конечно же мозг, сознание. От него и все беды. Отчего же еще, хм! Но нет же. Диана Александровна привела мне массу доводов. Про подсознание, там, про такие вещи, как кома.

— Потеря памяти, — вставила женщина.

Молодой человек согласно кивнул:

— Ну да, еще потеря памяти... Так что же, это и есть то самое Я? Тогда, кто внутри нашей головы постоянно спорит друг с другом, что это за бесконечная ругань? Почему мозг старается нас провести, все сделать по-своему, выдать желаемое за действительное? И кто или что читает ему нотации? Это я сейчас не про шизофрению. И кстати Анну Фрейд с ее «Психологией Я» даже не думай открывать, мозгам тесно станет. По себе знаю. Вернемся к теме: может сознание и тело жить дальше, потеряв память и забыв весь свой предыдущий жизненный опыт? Конечно. Но это только еще раз подтверждает, что память — привязка к обстоятельствам. Без этих мелочей, без этих пазлов, разве наше Я прекращает свое существование? Как ты думаешь, Оксана? Я тебя еще не уморил?

Оксана молчала, но щеки ее оставались пунцовыми.

— Надеюсь, нет. Ну ладно, не стану томить. В общем, в такую пучину меня вовлекла Диана Александровна, что сам уже был не рад, — снова улыбался парень. — Сколько мы спорили! Ведь правда, я могу заявить, что Я — это мое тело. Хм... Но ведь я не знаю, что творится в моих почках, в селезенке, не загляну и в собственный мозг. Я не могу быть ни своей рукой, ни ногой. Не могу приказать телу подчиняться мне, если оно того не хочет. Значит, это не в полной мере Я. И моя почка мной не станет, мое сердце мной не станет без меня... Чтобы дознаться, что там творится в собственном организме, приходится идти к врачам на диагностику. Вывих мозга и разрыв извилин, да?! А ведь все до смешного просто. И об этом можно философствовать сколько угодно, но как не крути, а мы — это наши ощущения в текущем моменте. Представляешь? Другими словами: наблюдение себя в пространстве. Но кто ведет наблюдение?.. Ведь этот кто-то, этот наблюдатель, он то и спорит с мозгом... Невероятно! Это настолько просто, и сложно одновременно. Ты когда-нибудь думала о таком?

Оксана сидела полузакрыв глаза, на секунду могло показаться, что она дремлет. Но Диана знала, что девушка внимательно слушает. Понимая, что молодой человек говорит непривычно много, и это пугает ее пациентку, она все же не стала его прерывать. Озадачившись происходящим, женщина решила понаблюдать, что будет дальше.

— Наверное, я взял на себя слишком много философии за раз, — предположил Ярослав. — Это скучно. Согласен. Хотя обычно всем интересно послушать мои рассуждения по поводу неудавшегося самоубийства. Теперь это и правда смешно!

Диана заметила, как напряглась девушка при слове «самоубийство» и решила все таки вмешаться.

— Ярослав, — сказала она, — я ни секунды не сомневаюсь в твоём уме, не ставлю под

сомнения достижения и медали, но порой полезно быть чуточку сдержанней.

— Простите, я не корректно выразился, и тема скорее всего, мало интересна...

— Такое, значит, задание? — неожиданно выпалила Оксана. Она вскочила, прерывисто дыша и швырнула тарелку с раскрошенным сэндвичем в сторону. — Пришли бедолагам помочь?

— Оксана, ты что-то неправильно поняла... — начала психолог, но девушка ее резко перебила:

— Ой, что вы? У вас все так и совпадает само собой! И разговоры всякие тоже случайны. Мне не нравятся ваши методы!

Тяжело развернувшись, Оксана рванула свой пуховик со спинки стула, опрокинув его, и выскочила из ряда. Диана тоже быстро поднялась, позвала ее, но девушка уже мчалась к выходу.

Женщина растерялась и не знала, что делать, она повернулась к Ярославу, но увидела, что он потянулся за мячом к юноше, сидевшему неподалеку. Все произошло мгновенно. Диана едва успела проследить траекторию полета мяча и понять, что происходит, как услышала крик и увидела распластавшуюся посреди спортзала Оксану. Мяч угодил ей просто в голову.

Женщина испуганно прижала ладонь ко рту, но, опомнившись, побежала к девушке. Оксана приподнялась и медленно села на полу, кто-то из волонтеров предпринял попытку ей помочь, но она довольно резко увернулась.

Ярослав сумел опередить Диану и затормозил перед девушкой.

— Прости, — сказал он, протягивая ладонь и пытаясь заглянуть ей в глаза, но волосы соломой спадали вдоль ее лица, почти полностью закрывая его. — Я не могу бегать, и поэтому иногда использую не самые благородные приемы. Я не хотел тебя обидеть. — Она не ответила, даже не подняла головы, держась за затылок. Тогда он отвел руку назад, но добавил очень серьезно: — Правда не хотел.

Диана присела рядом и положила ладонь на предплечье девушки.

— Я бы никогда не сделала того, о чем ты подумала, — тихо произнесла она.

Оксана всхлипнула.

— Пойдем, — сказала Диана.

Девушка медленно поднялась.

— Диана Александровна, — обратился Ярослав, — вы же знаете, я не хотел...

— Все хорошо, — кивнула она.

Многие из присутствующих с удивлением наблюдали за ними.

— Все хорошо, — повторяла Диана, вежливо улыбаясь.

Они вышли в коридор, и, найдя зеркало, женщина помогла девушке привести себя в порядок и успокоиться.

* * *

— Еще один кретин, — проворчала Оксана, когда они миновали пешком несколько остановок. Прохладный вечерний воздух действовал умиротворяюще, в ее словах звучали остатки упрямства, но не обиды.

До этого Диана вкратце объяснила ей, что парень действительно ее бывший пациент, он несколько не стесняется этой темы, а вся ситуация на самом деле до нелепого смешна и безобидна.

— Он не кретин, поверь мне. А весьма интересный молодой человек, с нетипичным чувством юмора. И вовсе не кривляка, просто так он развлекается. И шутил исключительно над собой, не имея в виду никого другого...

Холод колот носоглотку, губы двигались неохотно, отдавая драгоценный пар, но она продолжала говорить, идя на пол шага позади от размашисто ступающей девушки.

— Что же вы, дети, так лично воспринимаете грубость этого мира? Ведь в том никто не виноват. Он не виноват, что мать бросила его совсем маленького на попечительство госучреждений. Зато он невероятно башковит. А юмор — его спасение. Нет, Ярослав не такой, как те модники, про которых ты говорила. Не спеши развешивать ярлыки. Это плохая привычка. — Она покачала головой. — Видеть мир в искаженном свете невыносимо. Если ты так со всеми общаешься, что ты можешь знать про людей, что они могут знать о тебе? Милая моя, ты так яростно отталкиваешь все, что с тобой происходит, и потом плачешь, что ничего нет. Как бы тебя не раздражали люди, Ярослав, или кто-то еще, это все равно краски жизни. Понимаешь? Всегда кто-то будет казаться тебе глупым, надоедливым, неуместным. Но зачем из-за этого страдать?

Диана коснулась плеча девушки, заставив ее остановиться, и повернула к себе.

— Оксана, я не только твой психолог, я твой друг! Я бы никогда не поставила тебя в дурацкое положение, ты должна мне хоть чуточку доверять. Я не хочу, чтобы ты совершила бесконечную глупость, не узнав на собственном опыте, как прекрасен мир, как превосходна и бесценна жизнь. Это все, что я хочу сказать. Больше ничто не имеет значение. И ты знаешь это сама — всегда знала. Но забыла. — Она крепко сжала ее плече. — Прошу тебя, просто вспомни...

Глава 16

В шесть часов вечера в ее кабинете женщина средних лет рыдала навзрыд из-за превратностей судьбы и каверзных проделок родственников...

Диана слушала ее, не перебивая, понимая то, чего, возможно, не понимают обычные люди. Они платят деньги специалистам, чтобы просто как следует выплакаться...

Самая ценная вещь в ее кабинете — большая коробка салфеток... Вот кто истинный спец по очищению душ и решению всех проблем!

Слезы исцеления... Слезы принятия... Слезы прозрения... Поистине гениальное изобретение природы. Очищающий душ... Дождь, после которого восходит радуга надежды.

Тот самый пар, который так важно выпустить.

Но одни скрывают боль за смехом, а потом проглатывают упаковку пилюль, другие откровенно презирают все вокруг, считая, что ничто не стоит и слезинки, поэтому не отступят ни перед какой жестокостью... Кто-то настолько боится выглядеть слабым, что однажды эта слабость загоняет его в петлю...

А иной раз достаточно просто хорошенько промыть свою оптику, и мир, глядишь, посветлел...

После сеанса она осталась одна и достала телефон, который отключила еще днем. Масса не принятых звонков от кого-угодно, переполненный автоответчик. Миллион

пропущенных вызовов от Степы. Несколько раз звонил Ярослав. Со Степой она решила связаться позже, когда доберется к ноуту. Сейчас, в своем офисе, она не планировала засиживаться, но нуждалась в небольшой передышке.

Набрала обратную связь с Ярославом.

— Хотел поблагодарить вас еще раз за присутствие на турнире, — отозвался молодой человек.

— Ты же знаешь, для меня это большое удовольствие, я никогда не пропущу его. К тому же ты меня уже благодарил, помнишь?

— Тут вы тоже правы. Я рад благодарить вас за что угодно... Девушка, что была с вами, это ваша пациентка? — спросил он с небольшой заминкой.

— Ты же знаешь, что да.

— Таблетки?

Диана вздохнула:

— Ярослав, я не имею права с тобой об этом говорить. Ты и так чересчур прозорлив. Я сегодня пальцы держала, чтобы ты не наболтал лишнего... Не помогло.

— Я понял... По ее виду все понял... От нее на километр веет депрессией. И что бы ей делать в компании психолога? Я не увидел следов на запястьях, и конечно предположил, что это таблетки. Выступил с речью. Идея показалась мне неплохой, разве ирония не заставляет посмотреть на вещи трезво? А она повела себя так, будто я на нее колесом наехал... Она в опасности, даже мне страшно стало. И, кстати, мяч я нарочно бросил.

— Зачем? Чтобы она считала тебя придурком?

— Нет. Чтобы запомнила.

— Зачем?

— Я вижу, как она смотрит на все... Я ее понимаю.

— Ваши ситуации очень разные...

— Что вы! Есть единственная ситуация... а причины уже не так важны.

— Ты хочешь посоветовать мне, как ее лечить?

— Я хотел попросить ее номер...

Диана вздохнула:

— Ты знаешь, это невозможно. Только она сама может дать его тебе...

— Я не успел попросить. Конечно, вы именно так и должны были ответить, но попробовать стоило.

Он несколько секунд молчал и Диана уже собралась попрощаться.

— Вы рассказывали ей про Сережу? — послышалось в трубке.

Она не ответила.

— Расскажите ей. Я понимаю, что для вас это слишком личное... но вы же знаете... это то, что помогло мне... Расскажите.

— Я подумаю над твоим предложением, — отозвалась она, чувствуя, что усталость еще сильнее накатывает на нее. — Всего доброго, Ярослав...

Глава 17

До чего длинный день.

На протяжении всего времени на закорках сознания, как 25 кадр, отчетливо брезжала мысль о доме.

Диана поужинала в одном из любимых кафе, но не смогла расслабиться. Вечер субботы. В переполненном помещении стоял гул бесед, лязг тарелок, смех и крики детей.

Хотелось прогуляться по городу, но тело требовало немедленного отдыха и тепла. Нужно ехать домой, повторяла она про себя, садясь в такси, но что-то тревожное, неопределенное снова царапало душу.

Ну, ладно, ладно, тебе нужен твой ноут. Дело ясное. Без него ты домой не вернешься. Вай-фай, Степа... все дела... в конце концов, ноут нужен, чтобы просто найти какую-то глупую комедию в сети, не про психологов, конечно... Заснуть на середине... А там хоть целые полчища духов и призраков, хоть Зомби-Апокалипсис... Да, офис...

Машина ехала не быстро, ее мягко потряхивало на брусчатке, такой гладкой и сверкающей в вечерних огнях города, словно кто-то вымостил все дороги центра драгоценными камнями.

Львовские водители знают, когда молчать, быть может, обладают внутренним чутьем на этот счет. В отдельных случаях они весело болтают, у них всегда есть запас анекдотов на какую-нибудь тему, искрометные замечания, потрясающие заметки с экскурсом в историю, и самые свежие мировые новости.

Но таинственным образом они умудряются уловить настроение своего пассажира, с тем, чтобы спокойно и тихо довезти его куда нужно.

Ее нынешний водитель очень кстати соблюдал это правило, взглянув всего пару раз на нее через зеркало.

Волшебство этого города усиливается при наступлении сумерок.

Воздух становится таким прозрачным, легким, подвижным. В любую пору года, вне зависимости от погоды. Словно переселяешься на ночное небо, густо усеянное блестками звездной пыли. Рождается понимание, что безмолвная ночь знает нечто большее, чем голосистый день.

Бесчисленные арки, дворики, фонтаны и площади словно шепчут, взывают, приглашая тебя в мир бесконечного торжества и тайн всего сущего. Фонари светят ярче, тени становятся глубже. Кажется, что из облака этого дрожащего тонкого света вот-вот появится фигура поэта, или скрипач выйдет сыграть проникновенную рапсодию, или сама Муза, в прозрачном летящем платье, мелькнет, поманит, засмеется...

Родина керосиновой лампы всегда укутана светом. Вечерние огни здесь всегда будут особенно восхитительны.

Диана расслабленно следила за игрой теней, быстро сменяющихся за окном машины, пробегающим по ее лицу и шее, — в блаженстве прикрыв веки, и с легкой улыбкой на губах почти уже растворилась в них, когда машина остановилась у знакомой арки.

Она вышла из теплого салона такси и снова почувствовала, как колючее дыхание ветра устремляется к ее щекам, вскидывает волосы на непокрытой голове. Сделала глубокий длинный вдох, окончательно сбросив остатки дня в парящую прохладу улицы.

Набрав специальный код на замке, женщина открыла дверь парадной, медленно преодолела несколько ступеней первого этажа и остановилась у двери офиса. Связка ключей запуталась в подкладке сумки, она с трудом достала ее, ключи казались невероятно тяжелыми. Пронеслась мысль о том, что на лестничной площадке снова кто-то курил, хотя во всех контрактах этот пункт оговаривался особо строго. Ни жители дома с верхних этажей, ни арендаторы офисов с нижних не имеют права нарушать этот пункт. Речь идет не только про неприятный запах, въедающийся в стены, но и про сохранность архитектурной

ценности. Однако время от времени кто-то делал это — плевал в лицо здравомыслию и всем тем, кого заботила судьба и атмосфера дома.

Замок победно щелкнул и Диана вошла, наконец, в хорошо прогретое, приятно пахнущее помещение, прошла внутрь, зажгла торшеры по обе стороны от дивана и рухнула на него, раскинув руки. Транс!

Ваши мышцы расслаблены... даже ступни ног и кончики пальцев ощущают тепло и комфорт... Тепло... и комфорт...

Вы сидите в кресле на берегу моря и ни о чем не думаете... теплый солнечный свет окружает вас, игриво касается щек, ласкает шею и спину... вы слышите размеренный шум волн... чувствуете на себе касание влажного соленого ветра... ваше тело впитывает в себя солнечное тепло...

В боку резко завибрировало и раздалось приглушенное пение под негромкий аккомпанемент гитары: «The House of the Rising Sun». Песня набирала ритм, собираясь выплеснуться в порыве благоговейной тоски.

Какая клевая... и так несвоевременно...

Диана с трудом разомкнула потяжелевшие веки и с невероятным усилием пошевелила рукой, чтобы влезть в карман пальто и извлечь оттуда захлебывающегося певца...

Голос едва подчинился ей, когда она ответила на звонок.

— Эй! — крикнул Степан и она невольно вздрогнула. — Не слышу! Что с голосом?

— Ничего... просто лежу тут...

— Где лежишь? А обмороке?

— Типа того...

— Отлично. Тогда выходи на связь. — И отключился.

Диана медленно поднялась, туповато огляделась по сторонам, будто вспоминая, где она находится, или проверяя, не сон ли это, затем провела рукой по волосам и стала расстегивать пуговицы пальто.

Степа свой человек, подумала она мельком, и ее сонному и быть может совсем непригодному виду не удивится. Хватать зеркало, прихорашиваться, как следовало поступить любой другой женщине, не имело смысла.

Диана просто открыла стоящий перед ней на стеклянном столике ноут, который даже не отключала. Быстро соединилась со Степиным аккаунтом, и вот его широкая потешная физиономия, с блуждающей на ней хитрой улыбочкой растянулась во весь экран.

Завидя ее, он крикнул и тряхнул слегка влажными волосами:

— Спишь, Белоснежка?

— Туплю, — протянула она.

— А я после контрастного душа, хоть батарейки от меня заряжай!

— То-то все искрит... Мне бы просто до душа доползти.

— Ты как? Все хорошо.

— В целом, да, — вяло моргнула Диана.

— Ну тогда больше не делай такой бяки своему другу, который, зная о твоих странных ночных похождениях, старается весь день дозвониться, а ему выносят мозг попсовой песенкой «абонент недоступен».

— Извини, я была на турнире для детей-инвалидов, его наконец провели... я просто не хотела, чтобы меня дергали...

— Странная закономерность: если кто-то не желает, чтобы его дергали, дергаться начинают, как правило, другие люди. Ладно, рассказывай, как день прошел, хотя я кажется и так вижу. — Он затрясся в беззвучном смехе. — Надеюсь, сеанс экзорцизма проводить не придется? А то я не умею.

— Да нет, обычный день, — расправила плечи Диана, — просто какой-то длинный и...

— Невыспанный, — закончил вместо нее Степан.

— Я наверное заслужила маленький выходной...

— Вашу бы скромность да разделить между всеми нуждающимися, — продолжал шутить Степа. — Дома не была, не пыталась предложить своим полтергейстам услуги психолога, поговорить по душам, высказать наболевшее?

— Я планировала, честно, — она села на пол, поджав под себя ноги, облокотилась на край стола и подперла ладонью щеку. — Но до этого пункта еще не дошла.

— Зато я отлично вижу, до какого пункта ты дошла, — покачал головой Степа. — Смотри, еще диванное привыкание начнется. И что, в офисе ничего нигде не копошится, не бьет чашки, не гремит цепями?

— Нет, — она на всякий случай осмотрелась, щуря глаза сквозь рассеянный свет. — Здесь спокойно.

— Ты кому-то говорила о том, что творится дома?

— Нет. А ты?

— Я же обещал с коллегами обсудить.

— И что же говорят по этому поводу твои коллеги? — поинтересовалась Диана.

— А знаешь, они верят, — он удивленно мотнул головой. — Ну, не то чтобы в призраков, но в некие энергии. Алексей, довольно серьезный молодой человек, например, утверждает, что жил одно время с родителями в старом доме, где творилось что-то невообразимое по ночам. На чердаке чудились посторонние звуки, шаги, беседы каких-то людей. А там не просто чердак, как в обычных домах, а мансарда, когда-то ее сдавали в наем. Дом к настоящему моменту снесли, а то бы я заставил его мне показать, не сомневайся! Сам говорит, что вряд ли переступил бы его порог. Он тогда лежал в своей кровати и сжимался в комок от ужаса, но не решался никому рассказывать об услышанном, чтобы его не сочли за двинутого.

— Да что ты? — выдохнула она.

— Ага. Ну а потом, годы спустя, они как-то заговорили про этот дом, и выяснилось, что таинственные ночные звуки слышала вся семья без исключения. Представляешь? И каждый боялся о том говорить. Вот и понимай, как хочешь. Массовый глюк? — Его лицо, до этого изображавшее почти комичное удивление, стало печальным. — И я тут еще кое-что вспомнил...

— Что? — Диана подалась вперед от нетерпения. Слишком хорошо она знала Степу, и сразу поняла, что речь идет про что-то очень личное.

Степан почесал затылок.

— Моя мама когда-то рассказывала крайне странную историю...

Его глаза какое-то время скользили по пространству где-то над компьютером и он не смотрел в монитор. Диана ждала, пока он соберется с мыслями.

— В общем... у моей матери брат в Афганистане погиб. И она по этому поводу имеет стремную семейную историю в загатнике. Не для чужих ушей, ясное дело, и не так уж часто она об этом вспоминает, но если напомнить, сразу за сердце хватается... Как-то поздно

вечером, когда она гостила у своей приболевшей матери, в доме, где она росла вместе с братом, когда время потянулось ближе к полуночи и она все никак не могла уснуть, ворочаясь от бессонницы в своей постели, внезапно услышала знакомый звук с улицы. Дело в том, что это частный дом, со своим двориком и все такое. А ее брат, еще с детства, когда приходил домой, имел привычку с размаху хлопнуть калиткой. Так никто не делал, только он. И вот среди ночи с улицы доносится отчетливый звук брякнувшей металлической калитки. Она вскочила, сердце ее так и оборвалось от секундной радости, что это брат вернулся. Что война, быть может, закончилась, или его комиссовали, или просто отпустили домой на пару дней... Она к окну — на него поглядеть, а там — никого. Пустой двор. И тут ей так страшно стало, говорит, волосы торчком встали. Она сразу же все и поняла в тот миг. Поняла, что брата убили... Побежала в комнату к матери, вскочила к ней в кровать... Комната моей бабули располагалась с другой стороны дома, она не слышала, как гремела калитка, но тоже не могла уснуть. И тут они обе стали прислушиваться. Сразу же зазвенела цепь, к которой был прикован сторожевой пес у дома, как если бы псина вышел из конуры к кому-то на встречу, к кому-то своему... Они обмерли и перестали дышать. Бабуля, бледная и почти уже немая от волнения, попросила мою мать еще раз выглянуть в окно, а вдруг он и правда там. Но мать была так напугана, что не смогла этого сделать. Не известно как и почему, но они обе понимали, что никого там нет, по крайней мере — живого. И в то же время слышали шаги. Неспешные шаги, как если бы кто-то обходил дом по кругу. Последней точкой накала послужил резкий звук, донесшийся с веранды через весь дом — кто-то дернул ручку входной двери, пробуя ее открыть. Они тогда вообще чуть замертво не упали, мать не прекращает креститься, если вспоминает ту ночь, удивляется, что не поседела. Они ревели белугой, прижавшись друг к другу, до утра так и не сомкнули глаз. А через сутки пришла телеграмма, что брат моей матери подорвался. Именно в ту ночь... Мать убеждена, как и бабка, что он тогда прощаться к ним приходил.

— Вот это да, — протянула Диана, потрясенно моргая.

— Не говори. Какая наука это объяснит? Непостижимо...

— А ты веришь, что так и было, что это дух... мм... прощался?

— Ну, — Степа дернул плечом, — от нервов и не такое примерещится? Так то.

— Для разных ушей, мозгов, психики — одни и те же звуки?

— Ну, ладно, — он задумался. — Предположим, забрался вор.

— И погромче стукнул калиткой? — спросила она.

— Хороший вопрос. А еще лучше — о чем я сам спросил бы на твоём месте — почему не залаяла собака, спокойно вылезла из своей ночлежки? А может все дело в том, что никакая калитка не хлопала? Показалось от бессонницы, или просто похожий звук: рядом с домом или на крыше что-то упало, антенна, например. А собака типа вышла глянуть, чего там как, ну или просто воды попить, нужду справить. Шаги вокруг дома — просто ветер, дождь.

— А ручка на двери? Они слышали, как ее кто-то дернул.

— Это тоже мог быть посторонний звук откуда-то с улицы. Если две перепуганные насмерть женщины буквально слышат шаги вокруг дома, естественно, они ждут, что кто-то попытается попасть и в сам дом. Все могло показаться очень правдоподобным.

— А как же телеграмма? — спросила Диана. — Он погиб именно в ту ночь.

— Совпадение.

— Значит, ты не веришь? Никогда не верил?

— В детстве верил. Ну, знаешь... У взросления сам по себе такой бонус — развенчивать мифы, браковать всяческие байки из склепа. — Степан крякнул и затрясся. Его улыбка снова растянулась на весь экран.

— А твой коллега, Алексей? Как он воспринял твою историю?

— Поверил, разумеется. Говорю тебе, австрийцы удивительно суеверны. Родина психоанализа — скажите только! — Он продолжал смеяться. — Хотя я мог все это выдумать — от начала до конца! — сказал он и подмигнул.

— Как и он, — Диана тоже засмеялась. — Вы оба могли здорово провести друг друга.

— Все правильно. Как такие вещи доказать? Только слова, детка, только слова. Если своими глазами не увидишь... И то, я буду рекомендовать обязательную проверку у психотерапевта.

— История твоей мамы так печальна. Я думаю, они обе интуитивно понимали, что он мог погибнуть... Он был далеко, их психика отказывалась признавать, что родной человек лежит мертвым где-то там... Они просто захотели услышать его. Им хотелось, чтобы он был дома. Но в то же время страх оказался таким сильным, что они побоялись впустить его в дом. Их собственное сознание разыграло именно такой сценарий... Подергал ручку, но не вошел. Если верить в легенды о духах, им ничто не мешает проходить сквозь стены. Но страх вообще не логичен. А с нас, психологов, что возьмешь? Нам нужна сухая выжимка, я права?

— Это значит, что ты возвращаешься домой? — спросил Степа.

— Сама удивляюсь, почему еще не сделала этого, — призналась Диана. — Но вещи собраны, я их не вынимала из сумки. Так что...

— Мы два психа, — вдруг выкрикнул Степа, не прекращая трястись от смеха. — Поднять кипишь из-за маньяка-призрака на кухне! Каспер с ножом! Караул! Это ж надо было так заскучать!

— Да уж. Тут ты прав, обое рябое. Какой стыд. Жалею, что ты коллегам признался.

— А я нет. Есть повод поржать. Вон сколько интересных историй выплыло. Новая тема для анализа. Что есть страх? Всего лишь еще один вид внушения!

— Нет уж, пожалуй, это самое сильное из всех внушений! — покачала головой Диана.

— Что ж, пожалуй, — согласился он.

— В последнее время я все чаще об этом думаю, — сказала она задумчиво. — О страхах. Но не так, как этому учит классическая психология, не только с точки зрения психоанализа... Понимаешь? Эта тема намного шире... Возможно ли вообще бороться со страхами? Возможно ли их искоренить навсегда? Мне кажется, страх — он как грязь. Очень сильно въедается. И даже если сможешь один или два раза отмыть его без следа, непременно будут другие... И знаешь, что я думаю? Что, на мой взгляд, самое грустное во всей этой картине? Что однажды мы просто теряем силы для борьбы, и просто свыкаемся, смиряемся с этой грязью, со своими бесконечным страхами.

— Когда вот так погружаешься в философию... — отозвался Степан и покачал головой. — Эта дорожка уже проторена. Зачем тебе печальный опыт Ницше?

— Эти вопросы будут возникать всегда, Степа. В особенности эти. Ты прекрасно понимаешь и сам. Наши страхи начинаются в тот момент, когда мы вдыхаем первый глоток кислорода, оказавшись снаружи материнской утробы, с той первой болью... Страхи обуревают человека на протяжении всей жизни, как и в последние минуты... Есть ли вообще что-то более реальное, чем страхи? Мы живем, повинуюсь страхам: выживаем, нападаем, защищаемся. Страдаем. Движемся вперед, или впадаем в отчаяние. Страх аккумулирует

суперспособности организма, и от страха теряют сознание. Теряют разум. Страх манипулирует, ведет, подчиняет. Мы пытаемся побороть его работой, отношениями, самоутверждением... Страх способен делать нас сильными, но он же лишает нас ясности. Мы становимся слепыми. И готовы на все, лишь бы отделаться от страхов... Мы могли бы жить вечно, наши тела не старели бы, если бы не жили в постоянном страхе. Иногда мне кажется, что наше Я — это и есть наши страхи. И это неизлечимо...

Он долго смотрел на нее, поглаживая пальцами гладко выбритый подбородок. Ей казалось, никогда она не видела его таким сосредоточенным и серьезным. Никогда еще его взгляд не пытался проникнуть в нее настолько глубоко, и никакой монитор не стал бы тому помехой. Словно все сказанное ею, все это внезапное озарение, оказалось чем-то таким, что было доступно лишь узкому кругу посвященных, им двоим, — однако не мог ничего сказать. А теперь и не нужно было.

Наконец он произнес:

— Ты права. Все именно так. Я рад, что ты выговоришься...

Глава 18

Все, что нужно было сделать — просто вызвать такси и запихнуть себя в него вместе с вещами. Как бы ни было уютно, тепло и комфортно в офисе, но в гостях — всего лишь в гостях.

Дома большая кровать, нежная постель. Ванна, пижама, и тапочки...

Но в то же время и офис-студия не послабляла своего магнетизма.

Приглушенный свет торшеров завораживал. Гладкие кирпичные стены, лакированный паркет, темные ролеты на окнах и шерстяной ковер под ногами приятно стимулировали психику. Пространство мягко окутывало, внушая беззаботность и защищенность.

Дом есть дом, снова думала она. Но там неизвестность. А здесь...

Нет, она не боится, что на нее выпрыгнет привидение из темноты, только она переступит порог своей квартиры. Но здесь она словно спряталась от всего мира. Странная ассоциация. Неужто она так сильно нуждалась в перемене декораций, что на это сгодился даже офис?

А что, если никаких звуков никогда не было? Ее мозг сам написал этот сценарий, как выразился Степа: «Это ж надо было так заскучать!» Разве не то же случилось с воображением его мамы?

Она всего лишь пытается сбежать от шепота своего страха?..

Диана усмехнулась, встряхивая плед на своем новом ложе, покачала головой и вздохнула.

Как трудно не искать во всем причин и следствий, если это твоя работа! Ох уж эти психологи! Даже муха у них не жужжит просто так.

Мозг круглосуточно анализирует. Близоруко изучает. Строит алгоритмы. Сортирует файлы. Склеивает и подшивает...

Вот почему человеку важно, чтобы его кормил тот вид деятельности, от которого он не сойдет с ума, барахтаясь в нем двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Скольким клиентам она советовала сменить работу, чтобы жизнь, наконец, обрела радость.

Но сама разве не обожает то, чем занимается? И все равно устает как папа Карло.

Ну все, хватит о клиентах... Хватит о страхах... Горячий душ. Горячий шоколад. Глупенькое кино из сети. И глубокий сон. Полный эскапизм — раз на то пошло.

Диана порылась в своей большой сумке с вещами, в кипе безобразно сваленного белья, и выудила оттуда примятый домашний халат дымчато-синего цвета, махровое полотенце и зубную щетку. Все остальное находилось в шкафчиках небольшой душевой комнаты. Она включила электрический бойлер и, дав ему время прогреться, отправилась к кухонному уголку готовить шоколад.

В буфетном ящике нашла ножницы, разрежала хрустящую упаковку и принялась засыпать ложкой воздушный коричневый порошок, источающий божественный аромат, в самую большую кружку, какая только нашлась. Наполнила водой из пластиковой бутылки электрочайник, и, когда он закипел, доверху залила чашку кипятком. Дала немного остыть и добавила в нее несколько ложек меда и щепотку корицы, после чего очень долго все размешивала.

Затем отправилась с кружкой к журнальному столику, посидела какое-то время на диване, изучая записи в ежедневнике, сделала несколько поправок, и еще пару минут поработала за ноутбуком, отвечая на вопросы, оставленные посетителями на ее сайте.

Завтра выходной. А правильнее сказать — законный выходной. Необходимый, как здоровый сон, здоровая еда, здоровая обстановка, или... просто здравый смысл.

Затем она долго и с наслаждением пила шоколад.

Без четверти одиннадцать.

Во всем доме, казалось, царила умиротворяющая тишина. Со второго этажа не доносилось ни звука. Там офис какой-то строительной компании, они и днем не сильно то шумят, только время от времени слышны какие-то негромкие беседы, скорее всего по телефону, кто-то заглядывает к ним мельком и снова исчезает. Типичное место для хранения документов и приема телефонных звонков, но никак не для переговоров, как и водится у компаний, работающих на выездах.

Что находилось справа, за соседней стеной примыкающего подъезда, она даже не догадывалась. Но там тоже всегда соблюдалась почти гробовая тишина.

Это место как отдельный оазис среди пустыни. Как дрейфующая шлюпка на тихих волнах большого океана. Пространство света во тьме неохватной вселенной. Не верится даже, что в этом доме есть еще квартиры, и там кто-то живет, ходит, занимается своими делами. Ни гомона, ни топота, ни звуков музыки. Только время от времени шуршит вода по скрытым в стенах трубам.

С улицы вообще почти ничего не слышно из-за фирменных окон, прекрасно имитирующих старинные рамы по проекту первичной архитектуры, и при этом обладающие замечательной звукоизоляцией. Она с нетерпением ждет, когда такие же окна поставят в ее доме.

Все же это очень достойное изобретение — звукоизоляция. В любой момент можно просто открыть окно, впустить свежий воздух, послушать шум улицы, пение птиц, а потом прикрыть плотнее створку, повернуть ручку — и полный покой.

Люди, загнанные ростом века, просто обязаны иметь этот маленький изолированный островок, дающий пристанище хоть ненадолго. В черте города это принципиально важно — иметь набор спасающих приемов, свою коробочку с разновесом, позволяющую сохранить баланс жизненных сил.

Кто-то использует медитацию, кто-то гипноз. Кто-то читает, кто-то слушает

отвлекающую музыку. Кто-то занимается рукоделием, или собирает из запчастей супер-мотоцикл. Кто-то приглашает гостей на чаепитие, а кто-то просто спит. Все подходы верны, если появляется вероятность нащупать что-то в калейдоскопе сменяющихся кадров. Сделать спокойный длинный вдох и почувствовать, как сквозь усталость, осадок слов, гул и рокот внешнего мира проступает то самое Я...

Посидев немного в этой чарующей тишине, понимая, что еще немного и она просто не найдет в себе сил подняться, Диана медленно встала и пошла наконец в душ.

Это был приятный момент: вода струилась вдоль позвоночника, повторяла изгибы тела, заботливо омывала и массажировала кожу, насыщала теплом. Диана предпочитала долгое лежание в ванне, но душ доставлял не меньшее удовольствие.

И все же слишком долгого купания ожидать не стоило, бойлер был слишком мал для этого. Вскоре вода из горячей начала становиться просто теплой, затем прохладной, и Диане пришлось закрутить кран, прежде, чем струйка стала ледяной.

В душевой стояло благоуханное облако пара, она буквально выплыла из него. Завернула волосы полотенцем и снова одела свой халат.

Хорошо, что в нижнем шкафике отыскалась пара домашних английских тапок, похоже Степиных, потому что они были мужские и гигантские. Она с удовольствием обула их, не удержав усмешки. Видел бы ее сейчас Степан. Устроила себе курорт. Только вместо поездки в другую страну переехала ночевать в офис.

Диана-Диана... Смотри, чтобы не пришлось идти на запись к профессору Кащенко.

Отсутствие постели — это минус. Но меньше шансов для формирования привычки — это плюс.

Пледа пока достаточно.

Диана снова открыла ноут. Вошла на сайт кино, выбрала рубрику «комедии», прекрасно понимая, что слово «комедия» — вряд ли подразумевает что-то смешное; как правило, речь идет про абсурд, а чаще — унылый бред с примесью насилия, так что на вечер смеха она не рассчитывала. Почитала несколько рецензий, в который раз отметив про себя, что создание кино требует колоссальных усилий, как же так выходит, что снимают целую лавину непосильной чепухи?

Сколько ни листала, ничего не подошло. Тогда она решила выбрать фильм по актеру и отыскала в списке Робина Уильямса. Она его просто обожала. Это плачущее-смеющееся выражение, добрые глаза и мягкая улыбка сказочника имели поистине волшебные свойства. Один из ее любимых фильмов — «Целитель Адамс», созданный на основе реальной биографии.

Диана включила его, придвинула ноут на край столика и устроилась как можно удобнее на диванных подушках.

Хорошо, что этот фильм она знает практически наизусть, потому что через десять минут будет крепко спать.

Полилась вступительная мелодия торжественного марша кинокомпании «Юниверсал», вспыхнула лучами и завертелась в полете планета Земля, — и наступил долгожданный момент эстетического удовольствия... Давай, доктор Адамс, я верю в тебя!

«Вся наша жизнь — это возвращение домой...», — слушала она знакомые слова вводной части, вглядываясь в зимний пейзаж на экране, на вьющуюся змейкой дорогу и бегущий по ней старый автобус...

На миг Диане показалось, что в привычных словах послышалось что-то странное, явно

чуждое... Какой-то посторонний звук... Затем он исчез.

А через секунду снова возник... Какой-то неясный шорох. Она прислушалась. Что-то не то... Может, врезалась реклама?

Но дальше все опять потекло как надо. Глубокие размышления Робина Уильямса продолжились, увлекая внимание, и она снова расслабилась, прислушиваясь к ним...

И вот опять этот звук!

Как если бы кто-то медленно чистил ковер щеткой... В этот час? В офисах?

Нет, скорее всего, что-то с записью, там, на сайте... Но все таки это нервирует. Если так будет и дальше, придется искать другой сайт.

«Дом. Словарь определяет его как место рождения, или место назначения...» — продолжал переводить приятный голос за кадром. Диана снова заслушалась.

«А буря? Буря существовала в моем воображении... Ибо как сказал поэт Данте: «Посреди своего жизненного пути я оказался в темном лесу, потому что потерял верную дорогу...»

Да, согласилась она. Все так и есть. Верная дорога... А буря в голове. Всего лишь в голове... Мы придумываем эти бури, теряем ориентир, терпим неудачи...

Снова этот звук. Очень отчетливый, протяжный. Шшшиирррхххх...

Она приподнялась и прислушалась. Ничего.

Но стоило лечь назад... Вот... опять! Диана поставила фильм на паузу.

Тишина. Она спустила ноги на пол и села. Огляделась. Комната слабо освещалась торшером, который она оставила гореть у себя в ногах. Ничего необычного, никакого движения. Все на своих местах. Все погружено в спокойный сон.

Буря только в твоей голове...

Она потянулась к ноуту, чтобы продолжить просмотр... но даже не успела стукнуть клавишу. В абсолютную тишину ворвался тот самый, посторонний звук... в этот раз ничто не могло обмануть ее слух. И так же отчетливо, как она его слышала, так же ясно поняла, откуда он доносится.

Диана почувствовала, как напряглись волосы на затылке. Повернулась и уставилась на темнеющую поодаль входную дверь.

Шшшиирррхххх...

Она медленно поднялась, поймав себя на мысли, что перестала дышать.

Неужели ей посчастливилось заночевать в офисе именно в тот момент, когда им заинтересовались взломщики? Кто-то терся о дверь... Вот уже царапался...

Голова пошла кругом, по лопаткам прошелся озноб, будто за шиворот ей бросили кусочек льда. Диана судорожно сглотнула.

Степка! Нужно набрать Степку!

Да оставь ты его в покое!

Ты находишься за бронированной дверью. Это раз. Сигнализация отключена, но ты можешь сейчас же пойти и включить ее. Это два. В любой момент ты можешь сама набрать номер охранной службы. Это три.

Ну, а четыре...

Припоминаешь? Весьма постыдный момент: ты — в своей собственной квартире, с вешалкой бросаешься на тень, убежденная, что это грабители.

Буря... буря в твоей голове...

Там никого нет. В подъезде не бывает никого постороннего, для того на большой

бронированной двери и установлен специальный код. Вломиться в офис не так то просто... так что даже сама вероятность равняется нулю...

Диана медленно подошла к двери и включила лампочку, освещающую вход. Она с замиранием сердца смотрела на дверь. Там никого и ничего нет. Ты ведь это знаешь. Ты слишком хорошо это знаешь.

Глаза зачесались от напряжения и она заморгала. Вот видишь... Просто дверь. Никто не ходит вокруг. Не пытается войти. В мире много чего случается, каких только не бывает чудес, но сейчас, в этот момент, за этой дверью никого нет.

Она тихо и очень медленно вздохнула.

И в эту самую секунду просто перед ней снова раздался знакомый шорох. Слишком явный, чтобы считать его галлюцинацией. Слишком определенный, чтобы засомневаться в его реальности.

Диана прижала пальцы ко рту, чтобы не закричать. Шшшшиииррхххх...

Она отступила на пару шагов. Но почти в ту же секунду передумала, яростно встряхнула мокрыми волосами, снова решительно приблизилась к двери — и заглянула в глазок.

Только пустое пространство подъезда, освещенное тусклой лампочкой.

Что-то болезненно кольнуло ее изнутри и она поняла, что из-за одолевающей ее слабости и страха совсем теряет контроль над происходящим, это напряжение вот-вот расколется, как орех, — еще немного и она попросту заорет, забарабанит в дверь кулаками.

Диана обхватила себя руками и попятилась, скользя босыми ногами по гладкому паркету.

— Сережа... — произнесла она на полувыдохе... и снова прижала пальцы ко рту... снова засомневалась в собственной адекватности... снова упрямо тряхнула головой... и быстро шагнула к двери...

— Прошло так много времени, — прошептала она отрешенно. — Я не могу ничего изменить...

Затем схватилась за голову руками. Мокрые волосы падали на лицо, но она продолжала смотреть на дверь.

— Это всего лишь буря, — вскричала она, наконец, не выдержав. — Буря в моей голове!

И сразу же послышался новый звук, более протяжный, более громкий... Как если бы кто-то провел чем-то шершавым по всей поверхности двери... А затем последовал стук!

Сердце ее мгновенно оборвалось.

И вот снова стук. Просто напротив ее лица.

Она продолжала стоять — парализованная, мокрая, босая, напряженная до боли.

«...последней точкой накала послужил резкий звук, донесшийся с веранды через весь дом — кто-то дернул ручку входной двери, пробуя ее открыть...»

Я бы вышла, думала она в тот миг, вышла бы навстречу звуку, чтобы убедиться, что там никого нет. Страх жесток. Он рисует самые безутешные и уродливые картины.

Она потянулась к двери холодными как лед руками. Они не дрожали, но она их едва ли ощущала, как если бы это были не ее руки.

Чего мне бояться? Что там может быть страшного? Если грабитель, тогда я его спугну. Если... что-то другое... Что ж, тогда я буду знать наверняка, что там...

Диана открыла замок и толкнула дверь. Образовался небольшой зазор, цепочка на замке не дала двери раскрыться полностью.

Из подъезда пахнуло сыростью и холодный воздух влетел под халат, обдул ее голые

ноги.

Но там было пусто. Совершенно пусто.

Никаких звуков она больше не слышала.

И вдруг! В проеме двери возникло лицо!

Не помня себя от ужаса женщина закричала и ринулась назад. Но ноги словно перестали слушать ее, она просто упала на пол и больше не двигалась. Дыхание стало сбивчивым, она громко хватала воздух ртом, и теперь уже по-настоящему дрожала всем телом.

Проходили несравнимо долгие минуты. Время остановилось в какой-то странной своей игре. Дверь оставалась приоткрытой, а она, полулежа на полу, почти совсем обнаженная в разметавшихся полах халата, старалась не смотреть на вертикальную полосу света, проникающую из подъезда.

Ударившая в голову кровь настолько оглушила ее, что она не сразу поняла, что слышит отдаленную, но очень настойчивую мелодию. Что-то очень знакомое... То возобновляется, то затихает... «The House of the Rising Sun»...

Раз за разом звонит ее телефон...

В первую секунду, когда она это осознала, Диана не была даже уверена, что ей хватит сил пошевелиться, встать и подойти к нему. Однако именно этот звонок, кажется, все таки вывел ее из шока.

Она кое-как поднялась и, пошатываясь, побрела к столику.

Звонивший номер она видела впервые, но какое-то странное внутреннее чутье — очевидно пробуждающийся голос разума — подсказывало, что стук в дверь и этот звонок как-то связаны.

Диана продолжала смотреть на дверь и проникающий вдоль нее желтый свет, инстинктивно избегая поворачиваться к неизвестности спиной. Пришлось призвать на помощь все свое самообладание.

Голос был сиплым, но все же подчинился ей, когда она ответила:

— Да...

Отозвалось только молчание.

— Алло, — резко выдохнула она, выходя из себя.

— Диана... — послышалось совсем тихо. Затем снова продолжительное молчание.

Это была девушка. Чувствовалось, что она крайне взволнована, едва не заикается.

— Кто это? — спросила Диана, все так же пристально глядя на дверь.

— Это я...

— Кто «я»?

— Девушка-призрак...

— Призрак? — повторила Диана сухими губами. — Призраки не звонят по телефону...

— Как видите, я из тех призраков, что звонят... Я приходила сегодня утром...

— Я не понимаю... Что вам нужно? Зачем вы... — Женщина так дрожала, ее зубы почти стучали, она глотала слова и ей приходилось их повторять. — Почему вы... называете себя призраком?

— Потому что так и есть... и вы это знаете не хуже меня...

— Нет, — возмутилась Диана. — Это полная чушь! Вы никакой не призрак. И хватит меня дурачить. Зачем вы пугаете меня?

— Я не нарочно...

— Это вы... вы за дверь? Это вас я видела там?

— Я напугала вас... Я этого не планировала... честно...

— Вы одна? — Диана уже приблизилась к двери и прислушалась к доносившимся из-за нее шорохам. Послышался вздох.

— Одна, — возник из подъезда приглушенный голос.

Диана быстро захлопнула дверь и откинула цепочку. Когда она распахнула дверь настежь, там действительно стояла девушка, держа возле уха старенький мобильник. Она растерянно смотрела на Диану.

— Простите меня, — произнесла она, опуская руку. Лицо ее было очень бледным, она и в правду походила на призрака. Хотя откуда мне знать, раздражено поправила себя Диана. Представляю, как сама сейчас выгляжу!

Как я вообще могла дойти до такого? У меня чуть сердце не остановилось!

Целый спектр мыслей отобразился у нее на лице за секунду: от ужаса до ярости. Брови психолога недовольно сомкнулись.

Девушка опустила глаза и снова извинилась.

— Хватит извиняться, — прервала ее Диана. — Объясни мне, что ты здесь делаешь? Практически ночью. И будь добра, войди наконец! Войди, или я за себя не ручаюсь!

Она пропустила девушку и только та вошла, с силой захлопнула дверь, пустив волну по всей стене, повернула все замки и снова накинула цепочку. Затем быстро повернулась.

— Я жду объяснений! И, ради Бога, что это был за звук? Что ты делала с дверью?

Девушка вздрагивала и, казалось, не решалась разомкнуть рта. Стояла ссутулившись, переминаясь с ноги на ногу. Та самая несчастная, что плакала утром у нее на руках, умоляя вернуть память. В том же сером пальто, висевшем на плечах, в той же синей шапочке. Черт, почему она называет себя призраком? Озноб пробежал по всему телу психолога, и она поспешила накинуть на плечи шерстяной жакет, висевший рядом на вешалке.

В руках у девушки была объемная черная сумка с множеством металлических замков и лямок. Она чуть приподняла ее и неловко кивнула:

— Это сумка... она терлась о вашу дверь... я просто не знала, что кто-то есть... я решила посидеть под дверью... а сумка... она терлась...

Диана теперь вообще ничего не понимала.

— Зачем ты сидела под дверью, — спросила она, — если не знала, что здесь кто-то есть?

Девушка до того смутилась, что стала еще блее.

— Я не знала, в каком часу вы приходите... и решила подождать.

— Ночью? — воскликнула Диана. — Ты должна сейчас спать! Ты говорила, что живешь у кого-то. Они знают, где ты?

Девушка пожала плечами.

— Сегодня как раз пересменка... то есть я должна была поехать к кому-то из новых девушек, мне дали их адреса. Но я решила этого не делать...

Диана покачала головой, словно не веря своим ушам.

— Боже мой, почему?

Девушка потупилась, теребя пальцами ручку сумки.

— Я решила попробовать один метод, прочла о нем в интернете... называется де... депривация...

— Депривация ночного сна? — поправила ее Диана. — Это применяют для лечения

депрессии, разве там не написано? — спросила Диана, пристально глядя на нее.

— Написано. Но я подумала... вдруг и мне поможет...

Диана громко вздохнула и откинула влажные волосы с лица.

— Ладно, — сказала она. — Нужно как-то успокоиться: и тебе, и мне. Ты меня действительно сильно напугала. Просто вышибла из колеи. Но я не получила еще и половины внятных объяснений. Выхода нет, ночь все равно насмарку. Раздевайся, а я приготовлю горячий шоколад. Это все, что у меня есть...

— Нет-нет, — запротестовала девушка, — этого совсем не нужно...

— Еще как нужно, — отрезала психолог и направилась в кухонному уголку.

Девушке пришлось подчиниться. Она повесила пальто на вешалку, оставив под ней свои сапоги и сумку. Просто школьница — в джинсах и большом темном свитере крупной вязки. Видно было, что она готова умереть на месте от стыда. И как бы ни была шокирована и рассержена Диана, но жалость к девушке смягчила ее гнев.

Сидела, как маленькая напуганная птичка, вжавшись в кресло, потирая пальцы и стараясь натянуть на них манжеты свитера. Теперь уже не спиной, как утром, а лицом к Диане, избрав для этого противоположное кресло. То, в котором она сидела прежде, и которое находилось чуть ближе к выходу, было занято сумкой с вещами Дианы. Женщина отметила это попутно, просто как еще одну деталь, невольно подтверждающую состояние гостыи. Она бы с удовольствием села ближе к выходу, чтобы иметь чуть больше уверенности. Однако путь к бегству перекрыт. И ей придется побороть этот инстинкт. Придется отдалиться происходящему, принять правила. Иначе мозг просто не выдержит. Мозг не любит таких накалов. Он придумает, как ему сбежать из ситуации, если деваться некуда.

И что-то подобное однажды уже случилось с беднягой, — собственная личность вырвана с корнем, как пагубный сорняк.

В точности как и утром, стоя у буфета и готовя напитки, Диана внимательно следила за девушкой, метавшую в нее короткие взгляды. В точности как и утром, незваная гостыя потревожила ее сон. Одно совпадение еще можно принять, но когда их уже два...

Спустя несколько минут Диана подошла к девушке, все так же пристально изучая ее, и протянула ей чашку горячего шоколада. Свою чашку она поставила на столик, затем разместила на диване, подобрала ноги и накинула на них плед.

— Итак, Даша, — обратилась она ровным голосом. — Объясни мне, пожалуйста, что ты делала под этой дверью.

— Я, — начала девушка, но тут же сбилась. Она молчала с минуту, словно набираясь храбрости. Из гладко зачесанного назад хвостика постоянно выбивались тонкие пряди, она то и дело поправляла их дрожащей ладонью. Диана отметила про себя, что у нее красивый высокий лоб, очерченный ровным полукругом, но глубокая полоска то и дело прорезала его по вертикали.

Наконец, Даша продолжила:

— Я не планировала входить... просто... меня какой-то парень пропустил, я стояла у двери подъезда... Я гуляла по городу, чтобы не спать. Просто не знала, чем себя занять, на улице холодно... При таких обстоятельствах точно не уснуть... Потом ноги как то сами меня понесли сюда. И когда дверь открылась и меня пропустили, решив, наверное, что я иду к себе домой... я подумала, что скорее всего дождусь вас здесь. Посижу под дверью до утра, никому не мешая. Заодно и сон скоротаю...

Диана пила свой шоколад и, казалось, ни о чем не думала. Но когда спустя какое-то

время глаза ее снова остановились на девушке, взгляд ее был строгим.

— А знаешь ли ты, что попытки коротать сон могут закончиться крайне трагично? — Она подалась вперед, скрестив запястья на коленях. — Разве кто-то из врачей, что обследовали тебя, предлагал тебе в качестве терапии ночное бдение?

Девушка покачала головой.

— Тогда как ты могла додуматься до этого, Даша? — спросила психолог. — Как, скажи мне?

Девушка вымученно смотрела на нее.

— Потому что я еще не на такое готова, — призналась она.

Диана покачала головой и выпрямилась.

— Советую тебе выпить шоколад, пока он теплый, — напомнила она, — до последней капли.

Девушка последовала ее совету, а Диана продолжала озабоченно качать головой.

— Разве ты не думала, сколько опасностей поджидают тебя ночью на улице? Ты могла замерзнуть, или попасть под колеса проезжающей машины. Бессонница искажает работу мозга. Возможно ты свалилась бы посреди тротуара и рано утром дворники нашли бы тело неизвестной на обочине. Фашисты применяли депривацию сна для пыток. Ты это знала? Чувство замешательства, потеря себя в реальности, обморочное состояние, неспособность контролировать мысли и речь, боль в мышцах, тошнота, паранойя. И это еще не полный список «радостей». Вот чего бы ты добилась.

— Со мной это и так происходит, — отозвалась Даша, сжимая кружку ладонями. — Потеря себя в реальности... — она кивнула, — это как раз обо мне. И так каждый день.

Она посмотрела на Диану.

— Я знаю, что без перезагрузки память ко мне не вернется. Я понимаю все риски, но готова пойти на любое испытание.

— Сознательно идя на риск и обрекая себя на мучения ты ничего не вспомнишь, — сказала Диана. — Только доконаешь свой разум. К тому же тебе предстоит работа с очень сильным специалистом, разве я не обещала тебе этого? С самим профессором! Зачем же ты все ломаешь? Лишила сна не только себя, но и меня в придачу.

— Простите еще раз, я этого не хотела... Вы правы, бессонница вряд ли поможет. Я все так же уповаю на гипноз... Но не беспокойтесь, сейчас допью этот божественный шоколад и уйду... В нем есть какой-то секрет? Честно, ничего вкуснее в жизни не пробовала. Даже если не помню об этом, — грустно улыбнулась Даша, рассматривая напиток в кружке.

— Мед и корица, — сказала Диана.

— Вы наверное сами придумали этот рецепт, — предположила девушка.

— Нет, это рецепт одной писательницы. Просто пришелся мне по душе.

— Мне тоже. Стоит запомнить про мед и корицу...

— И что мне с тобой делать? — спросила психолог. — Ты же не думаешь, что теперь я тебя так просто отпущу?

— Почему? Я ведь посторонний для вас человек. — В своем изумлении она выглядела еще беспомощнее.

Диана покачала головой.

— Вряд ли я смогу тебе это объяснить... Но ты пришла сюда сама, это не случайность, ты даже не знала, что я окажусь здесь в этот час... я и сама не знала. И если все сложилось именно так, а не иначе, значит, так надо. Здесь тепло, в отличие от улицы или подъезда.

Признаться честно, для меня самой все это странно, но я так устала, что даже думать не имею сил. Нужно хотя бы дождаться утра. Поэтому мы сдвинем для тебя кресла, я поищу чем тебя укрыть, а разговор мы продолжим утром.

Женщина смотрела на девушку, на то как отчаянно она пытается выглядеть непринужденной, на лицо с заостренными чертами, с почти отсутствующим румянцем, и вдруг осознала, что это истинное везение, что она пришла сюда среди ночи, и что теперь ей не угрожает опасность.

— Надеюсь, я тебя убедила? — спросила Диана.

Губы Даши дрогнули, но она не стала возражать. Она оставалась все такой же пристыженной за свой вероломный визит, но усталость и рассудок брали свое, и ей ничего не оставалось, как согласиться с психологом.

Глава 19

Она даже не сразу поняла, что это сон.

Диана сидела на кровати в своей спальне, когда до ее слуха донесся звук разбившейся тарелки. Она тут же вскочила и побежала на кухню.

Кухня наполнена ярким дневным светом. Первое, что она видит, и что полностью завладевает ее вниманием — Сергей. В строгом костюме он сидит за высоким столом у стены и не сводит с нее глаз. Такой юный, такой серьезный. Каштановые волосы зачесаны назад.

Она медленно садится напротив. Эти его глаза: темные, бездонные, пытливые. Они кажутся двумя дырами на белом лице, линзами бинокля, в которых отражаются непостижимые глубины вечного. Скважины души. Тайники неразгаданного подсознания.

Этот взгляд не кажется ей странным или опасным, не внушает волнения или страха. Но затягивает ее в себя. Она растворяется в нем, в его неподвижности.

И вдруг понимает, что теперь и сама не может пошевелиться.

Снова упала тарелка. Звук отчетливый, оглушающий. В метре от стола.

— Я подниму, — говорит Сергей, все так же не сводя с нее глаз, ни разу не моргнув.

— Нет, ты не можешь, — отвечает она. — Я сама.

Диана хочет повернуться, чтобы собрать осколки, но не способна сдвинуться с места. Ни один сустав не подчиняется ей.

— Что со мной? — спрашивает она, с охватывающей паникой.

Он ничего не говорит, просто смотрит, поглощает ее своим взглядом.

Это какая-то игра?

Диана собралась спросить его об этом, но в кухню, суется и что-то напевая, влетел Степан.

Краем глаза она видит его: в потертых джинсах, довольно плотно сидящих на нем, в светлой клетчатой рубашке с закатанными рукавами, с большими пакетами из супермаркета. Слышно как шелестят пакеты, когда он, насвистывая, разгружает их. Хлопнула дверца холодильника и она вздрогнула. Степан что-то рассказывал, не забывая при этом жестикулировать и смеяться, его голос приятно резал слух, разносясь по кухне.

Когда она поняла, что он опустил на одно колено, чтобы подобрать с кафеля куски тарелки, ей захотелось запротестовать. Но повернувшись, увидела, что Степа собрал все до последнего осколка.

— Что такое? — спросил он, на миг исчезнув за чем-то вроде барной стойки, — так у нее разделялась кухня. То была рабочая зона, а там где находились они с Сергеем — вроде маленькой столовой. Именно на той пристройке, поперек комнаты, что разделяла кухню на две зоны, стояла в сушилке посуда, загадочным образом падающая на пол. Степа исчез за этой стойкой, и какое-то время Диана вглядывалась в пространство над ней, с нетерпением ожидая его появления. Вот он перестал возиться внизу, где стояло мусорное ведро, вынырнула сперва его голова, плечи, затем он выпрямился, положил руки на столешницу и выразительно кивнул ей, мол, что случилось?

Она не ответила, отчего он нахмурился. И тогда она поняла, что рыдает. Рыдает так, что нет сил говорить.

Он обошел стойку, приблизился к столу и сел на место Сергея...

Сергея не было. Она ужаснулась, осознав это.

— Где он? — спросила Диана, спохватившись.

— Кто? — изумился Степа.

— Ты знаешь.

Степа смотрел на нее с теплотой и заботой.

— Дорогая, все в порядке?

— Нет, — запричитала она, неожиданно теряя над собой контроль. — Я не могу... я не могу пошевелиться!

Она опускает глаза и теперь замечает, что сидит в инвалидном кресле. Слезы становятся еще горячее, она уже не может сдерживать охвативший ее ужас и шок. Степан продолжает смотреть на нее, — полностью заняв место Сергея. Его глаза прозорливы и подвижны, он постоянно вскидывает брови, пытаясь предугадать ее слова.

— Разве? — спрашивает он.

— А ты не видишь? — воскликнула она срывающимся голосом.

Он мотнул головой.

— Разве не видишь? — вопрошала она, переходя на крик. — Не видишь?!!

Он все так же пытался понять, что она имеет в виду, его лицо выражало напряжение, и вместе с тем полное недоумение.

— Неужели ты не видишь?..

Ее плачь перерастал в истерику, а слова в вой. Она всем нутром старалась вскочить, но продолжала сидеть в кресле, словно придавленная...

Наконец ей удается прорваться сквозь что-то плотное и теплое, сделать резкое движение и разорвать оковы... И в тот же миг она поняла, что лежит на диване в офисе, и что рядом нет никого... А она сама, наконец, выпуталась из пледа...

Зрение очень быстро освоилось с резкой переменной кадром. Диана перестала моргать и взгляд ее остановился сперва на низком стеклянном столике, а затем на двух сдвинутых между собой креслах.

Девушка!

Даша!

Сделав над собой усилие, Диана поднялась, но еще до того, как оглядела студию и позвала ее, поняла, что Даши нет. С улицы сквозь ролеты пробивался свет. Внутреннее чутье подсказывало, что она спала очень долго. Диана заглянула в телефон и убедилась, что так и есть. Половина одиннадцатого! Боже милосердный, она не помнит, когда в последний раз столько спала!

Кажется организм не сразу способен усвоить такую роскошь. Диана встала, чувствуя небольшое головокружение, похожее на похмелье. Руки казались вялыми, когда она поправляла полы халата и собирала волосы в хвост. Нужно какое-то время на адаптацию. Возможно душ приведет ее в себя.

Она прошлепала в степиных тапках к душевой, полагая, что Даша могла находиться там. Постучала по тонкой двери и заглянула внутрь. Темно. Щелкнула выключателем. Пусто.

Девушка как сквозь землю провалилась! Уж не приснилась ли она ей?

Диана все еще чувствовала страх, пережитый во сне, он словно прилип к ней откуда-то с изнанки, все еще пожирал ее как паразит. Но она знала, что скоро это пройдет. Стоит только углубиться в какую-то работу и любой страх растворяется как дымка.

Вещей Даши, само собой, тоже нигде нет. Значит, она просто ушла, не известно куда и зачем, не пойми с какой целью и задачей. Возможно у нее была работа в волонтерской группе, а может она просто сбежала. Так или иначе, она могла хотя бы разбудить Диану и попрощаться.

К своему ужасу Диана обнаружила входную дверь не запертой. Конечно, Даша не имела ключей! Но оставить ее тут одну, спящую, с открытой дверью!?? В это просто не верится!

Диана стала собираться и пошла готовить себе кофе. Подняла полотняную ролету на кухонном окне, выглянула в сереющий полдень, в очередной раз отметив наступившее похолодание, и включила чайник, продолжая качать головой.

Почему Даша исчезла, ничего не сказав? Хоть бы просто предупредила. Как несерьезно.

Потом женщина снова переключилась на свой сон, с тем только, чтобы поскорее скинуть его остатки, стряхнуть с себя пережитый ужас.

Зато Степан в своих джинсах и клетчатой рубашке все не выходил у нее из головы. Каким близким он казался ей. Каким заботливым. Сон навеял к нему очень нежные чувства...

Как захотелось связаться с ним просто сейчас, увидеть это ироничное лицо, услышать смеющийся голос и получить очередной совет о том, как бы это не скинуть окончательно со всеми своими надуманными проблемами.

Она открыла ноут и уже приготовилась вызвать его по одному из адресов, но передумала.

Какое-то время Диана сидела, глядя в монитор.

Как так вышло, что она привыкла принимать решения вместе с ним? Неужели за три года они настолько срослись? И даже теперь не могут разорвать эту связь? А что было бы без технического чуда, без интернета, без вэб камеры? Они писали бы друг другу длинные письма в стиле Онегина?

Она закрыла крышку ноутбука. Нет, это все сон. Игры разума. Степан замечательный друг, коллега, опытный психолог и настоящий интеллеktуал. Ей приятно общение с ним, как быть может, ни с кем другим. И все же к ее личной жизни он не имеет никакого отношения.

Он работает теперь за границей, возможно, освоится там, останется жить, а их общение мало-помалу сведется к минимуму, а потом и вовсе прекратится. Так устроена жизнь.

А ей нужно во что бы то ни стало встретиться с профессором Кащенко...

Нужная квартира располагалась на четвертом этаже.

Ему показалось, он добирался до нее всю вечность. Уже на втором под ребром так запекло, что Олег задохнулся.

В пору было отдать Богу душу.

Пришлось остановиться, присесть на пыльную ступеньку и отдышаться.

Чертов пот заливал веки. Он снял фуражку — совсем уже мокрую. Затем вытер лоб и виски бумажным носовиком. Огонь в животе все не прекращался. Отрыжка отдавала чем-то едким и отвратительным.

Для подобных случаев он всегда имел при себе специальные таблетки, но сейчас их нечем было запить. Если в этот раз успех на его стороне и он застанет нужных ему людей дома, или если они хотя бы соизволят открыть, тогда он сможет попросить стакан воды.

Ничего не знает о боли тот, кто никогда не страдал кишками, подумал он раздраженно, медленно, со стоном поднимаясь, удерживаясь одной рукой за перила, а из второй стараясь не выронить папку с документами. Словно под прессом все туловище, вот-вот все взорвется внутри от этой боли. Врачи говорят, от панкреатита умирают жутко и мучительно. Черта-с-два. Он еще планирует попить на этом свете!

Не помешало бы, конечно, сбросить лишних килограммов двадцать. А то и все тридцать. А может и пятьдесят. Это все они, проклятые. Его словно в ковер замотали, да еще и гири повешали.

Как другим удастся проводить почти все время в конторах, ну как? Только и делают, что штаны просиживают, — это вам любая полоумная бабка скажет! Почему не бегают по участкам, как он? Или ему такой паршивый участок достался? А может он крайний, мальчик на побегушках?

Набегаешься тут.

Если бы он имел хоть малейшее представление о том, что его ждет, никогда бы не пошел в органы. Позарился на соц-пакет и приличное жалование. А ведь родители настаивали, чтобы шел на бухгалтера. Да, тогда, в девяностых, это была одна из выгоднейших профессий.

Но он всегда ленился учиться. Что есть, то есть. Это просто напрямую передалось двум его сыновьям, — никак не удастся приобщить к книжкам. А он то что? Друг подался в менты, забил и ему голову своей мечтой, даже в академии всячески тащил за компанию.

Вожделенные погоны.

Вот только погоны погонам — рознь!

Четвертый этаж. Почти дополз. Немного подождал, пока мозг свыкнется с приступом и хоть немного выровняется дыхание, затем выпрямил спину, продолжая держаться за солнечное сплетение.

Так работает инстинкт — руки тянутся к больному месту. Кто-то даже доказывал ему, что в ладонях сосредоточена какая-то там энергия, она способна снимать боль. Фиг его знает. Но скорее всего глупости это. Сильная таблетка — вот что снимает боль.

На лестничной площадке воняло жарящимися котлетами. Именно воняло! Он почувствовал прилив тошноты. Господи, свиные. Его любимые! Но в этот самый момент ничто не казалось ему более отвратительным, чем этот запах.

Он нажал на кнопку звонка, всем нутром уговаривая тошноту отступить. Зато хоть понятно, что люди дома. Не прись он иначе к ним в воскресенье с утра, да еще и с

приступом!

В прошлый раз пришлось общаться с соседями, потому что он никого не застал дома.

Женщина, мать пропавшей, работает дворником, и по всем правилам после обеда уже должна возвращаться домой, но, как доложила соседка, женщина имела привычку опрокинуть рюмочку другую где-нибудь в гостях, поэтому не известно, когда и на сколько она задержится. А муж этой женщины вообще сутками может не появляться, он работает в котельне, и не исключено, после смены весь день может спать, никому не открывая.

А Олегу только и хотелось, что бегать за кем-то по их рабочим местам. Вот уж спасибо!

За дверью почудилось что-то призрачное, практически неуловимое. Ни шорох, ни тень. Просто стало понятно, что на него пялятся в глазок. Он уже привык к этому, всегда знал, когда на него пялятся.

Олег выпрямился еще чуточку, чтобы его фуражку и погоны было хорошо видно.

Чего копаешься, открывай свою китайскую «бронированную» дверь, которую без проблем вскрыет любой штопор!

Но за дверью колебались. И тогда он еще раз решительно вдавил кнопку звонка. Мина на его лице при этом была что надо. Пусть видят насколько он раздражен. С сотрудником внутренних органов не шутят!

Треснул замок и дверь слегка приоткрылась. Запах жареного буквально вырвался из квартиры и ударил его под дых. Олега снова скрутило. Ну почему именно сейчас, нельзя хоть до дома дотерпеть?

Из узенькой щелочки выглянуло серое продолговатое лицо, крайне некрасивое, отметил мимолетно Олег. Выражение сонное, если не сказать равнодушное. Светлые, почти бесцветные глаза моргнули, напомнив ему куклу — была когда-то такая у сестры: если ее переворачивали, она отупело моргала. Эти пустые кукольные глаза молча уставились на него.

Он показал документ и представился. На ее лице не отобразилось ни удивления, ни вопроса.

— Мне нужны родители Мамаевой Яны.

Она снова моргнула, словно силясь проснуться.

— Я ее мать.

От удивления Олег даже позабыл про опоясывающую подреберную боль. Бывает же так!

Темненькая девушка на фото и морщинистый бледный гриб с выбеленными сухими волосами перед ним — не могли иметь ничего общего! Может, не родная?

Женщина все так же держала дверь слегка приоткрытой. Олегу пришлось втиснуться в проем.

— Тогда разрешите.

Она неохотно пропустила.

Запах жареного мяса — тяжелый, мерзкий — снова налетел на него плотной стеной, пришиб на месте. Тошнота едва не одолела его окончательно, казалось даже мозги замутило. В этот раз Олег согнулся, уперев руки в колени, иначе бы просто упал. Фуражка слетела с головы и покатила по половику прихожей.

— Идите выключите газ, — сказал сдавленно, — чтобы не сгорело. И принесите мне стакан воды... будьте добры.

Женщина побежала на кухню, мелькнув подолом длинной ночнушки. У него зарябило в глазах, но ее сорочка тут не при чем. Она у себя дома, может ходить в чем угодно. Но этот

запах!

На кухне работал телевизор, доносился закадровый смех. Очевидно, шел какой-то утренний сериал, один из тех глупых ситкомов, которые так любят все бездельники.

— И откройте окно! — крикнул вдогонку. — Просто нечем дышать!

Женщина вернулась с кружкой холодной воды... из-под крана! Черт! Спасибо! Гостеприимство на высшем уровне! Неужели нельзя было из чайника налить?

Но не тот случай, чтобы сетовать. Он расстегнул пуговицы куртки еще в подъезде, и теперь достал из нагрудного кармана упаковку таблеток, трясущимися руками жадно запрокинул несколько в рот и запил хлорированной водой.

— Прихватило, — прокомментировал он. — Поджелудочная железа! Знаете, что это?

Он поднял на нее слезящиеся глаза, женщина покачала головой.

— Ясно... повезло.

Спрятав таблетки обратно в карман и отдав женщине кружку, Олег снова выпрямился. Все. Сейчас отпустит. Пятнадцать минут — и никаких проблем.

— А ваш муж дома? — спросил он.

На лице женщины впервые промелькнула какая-то эмоция. Что это было? Опасение?

— А он вам зачем? Чего это вы спрашиваете?

Не за маньяка ли переодетого она его приняла? Фу ты черт!

— Вы знаете, где ваша дочь? — сразу перешел он к делу.

Она непонимающе моргнула.

— Янка? Нет... А что?

— Это вы мне скажите, — произнес он, преодолевая горечь во рту и все еще продолжая машинально потирать солнечное сплетение. — Тут вот заявление написала одна пожилая женщина, у которой ваша дочь снимала комнату. Она утверждает, что Яна пропала без вести.

Женщина продолжала смотреть на него как на прозрачного.

— В смысле?

Он чуть не свалился от того, как она это спросила. Как будто он ей шарады загадывает. Она под мухой, что ли?

— Так ваша дочь пропала, или нет? — его голос стал резким.

Она пожала плечами, рассеянно водя глазами по стенам.

— Да не знаю я...

— А ваш муж?

— Муж? Ну тоже наверное не знает. Мы ее когда последний раз видели?.. Где-то год назад...

— Вы не общаетесь? У вас плохие отношения?

— Ну... как сказать, — промямлила женщина, словно речь шла про пропавшую соседскую кошку, а не про ее дочь. — Выходит, что так...

Он достал листок с отксереной копией паспорта на нем и показал ей:

— Это ваша дочь?

Женщина посмотрела на черно-белое изображение и кивнула.

— Почему вы не общаетесь?

— Ну, — протянула она, — так получилось... Не знаю... Она не захотела с нами жить... Как то так вышло.

— А может у нее долги, и вы ее прикрываете? — спросил он. — Потому что иначе вам тоже нужно написать заявление об ее исчезновении. Понимаете меня?

Женщина вяло повела плечами:

— Если надо, напишу.

Он задержал на ней взгляд. Она показалась мелкой и затравленной. Полная апатичность во всем облике. Такие люди иногда попадались ему в жизни, и всегда вызывали одно и то же инстинктивное желание: ударить, встряхнуть, хорошенько шмякнуть об стенку, чтобы привести в чувство и оживить. Как если бы что-то важное не работало у них внутри, не нарушая при этом стандартных биологических функций, таких как ходить, говорить, рожать детей. Как механические роботы, способные исполнять любую работу, но напрочь лишённые души.

Как такое происходит в природе? Может, психологи об этом знают? Ведь это же ненормально. Ненормально, черт возьми!

У него в животе взорвался целый Везувий, образовав там огненные врата ада, но даже в таком состоянии он не послал к чертям собачьим весь мир, и предельно точно знает, где его дети и чем они заняты.

Прихожую освещала блеклая лампочка над входной дверью, пространство было сжатым, большую часть перекрывал уголок для верхней одежды, весь увешанный куртками и пальто. Но, на сколько он понимал, квартира трехкомнатная. Неужели не нашлось места для дочери?

Олег спросил, где они могут присесть, чтобы заняться документами, и женщина повела его на кухню. Он надеялся, что она проведет его куда-то дальше в квартиру, проявив хоть толику гостеприимства, но нет. Размечтался. Нюхай эту мутоту, ты ведь так этого не хочешь, но именно это получишь!

Кухня показалась просторной, оттого, вероятно, что на ней практически отсутствовала мебель. Кроме газовой плиты и холодильника, на котором стоял старый немецкий телик, был еще небольшой уголок со столиком и одинокая буфетная полка на выкрашенной эмалью стене.

Он попросил женщину выключить телевизор и пошире приоткрыть створку окна. Она явно была не в восторге ни от его визита, ни от его просьб, но молча повиновалась.

— Как вас зовут? — поинтересовался он, снимая пуховик и кладя его себе на колени. Свитер был таким влажным, что просто бери и выкручивай. Он снова вынужден был промокнуть голову носовым платком и спросить у нее воды. — Только если можно, налейте мне кипяченой, ничего если теплая.

Она налила ему кипятка и села напротив.

— Тоня меня зовут. Антонина.

— Вы родные родители Яны? — он выпил все, что было в кружке и попросил еще.

— Ну да, — ответила женщина, доливая ему воды из чайника. — А что?

В этот момент Олег Михаленко понял, что ошибки быть не может, девушка действительно пропала. В самом худшем смысле. Возможно тлеет где-нибудь под землей, изнасилованная и убитая, либо находится в плену у какого-нибудь сутенера. А родители ни сном, ни духом не подозревают, что с ней. Мать преспокойно жарит на завтрак котлеты, уставившись в телевизор, а отец очевидно дрыхнет, ни то со смены, ни то с похмелья.

— Вы когда-нибудь били вашу дочь, Антонина? — спросил он прямо. — Вы или ваш муж?

Она скосила глаза на подол своей ночнушки.

— Ну получала пару раз... Чего уж тут... Все дети такие.

— А еще дети у вас есть?

— Нет. Как-то так вышло... только Янка...

— Вы не догадываетесь, где она может быть? У родственников, у друзей?

— Понятия не имею...

— Может, ваш муж с ней виделся?

— Ну это вряд ли, — протянула она. — Витька ее из дома и выгнал.

— То есть выгнал?

Женщина пожала плечами.

— Ну... она постоянно с ним препиралась, вот и выгнал...

— А вы что?

— Что я? Она и меня никогда не слушала. Хочет жить своей жизнью, пускай живет...

— А вы понимаете, что большинство пропавших без вести людей не находят никогда, либо находят убитыми?

Она испуганно моргнула.

— Ну а что я могу сделать?

Ему внезапно расхотелось задавать ей все эти вопросы. Раздражение было слишком сильным.

Пусть пишет свою заявку, и дело с концом.

От таблеток должно становится лучше, но ему с каждой минутой делалось только хуже. Нужно поскорее справиться с этим всем и ехать домой. Еще чего доброго, придется вызывать неотложку на дом, а это так и знай, что от жены влетит — мало не покажется.

А он тут, понимаешь, разводит родительскую мораль.

Нет, это уже не его заботы. Он всего лишь должен был убедиться, что девушка прописанная по его участку, действительно исчезла. Теперь все эти бумажки перекачуют в специальный отдел.

Когда дело было завершено, он покинул душную квартиру, поспешно спустился вниз и, оказавшись на свежем воздухе, вдруг почувствовал ни с чем несравнимую дурноту, такую сильную, что не смог с ней бороться.

Олега вывернуло просто у дверей подъезда. Бетонные ступени окрасились во что-то бурое...

Он задрожал всем телом, чувствуя, как его ноги лишаются сил...

Глава 21

В кафе толпилось столько народу, что даже пространство между столиками все время было заполнено.

Каждую минуту кто-то цеплялся глазами за пустой стул напротив нее, и несколько человек, пристраиваясь по соседству, уже пытались его утащить.

Профессор не имел привычки опаздывать, но его можно понять. Воскресенье — это пунктик, железное правило, выстроенное за многие годы. Никаких встреч, переговоров, пациентов и клиентов в этот день недели, никаких звонков и ЧП. Если кто-то надумает лезть в петлю, предупреждал он со всей серьезностью, будьте добры — делайте это в понедельник.

Диана знала это правило, однако вынуждена была его нарушить. Близким знакомым в случае крайней необходимости это, конечно, сходило с рук. Как давняя ученица,

боготворящая своего наставника, и как заслуженная коллега, она имела право потревожить профессора в случае острой надобности, разумно аргументируя причину и полностью перекладывая на себя ответственность за причиненное беспокойство.

Ее аргумент состоял в безотлагательной помощи пациенту. Разумеется.

Правда в том, что Даша ей не пациент. Но пока она не решит свалившуюся на нее задачу, чувство невыполненного профессионального долга не даст покоя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Именно этим она оправдывалась за то, что все еще не собрала разбросанные по офису вещи и не вернулась домой.

Чтобы выяснить, куда подевалась девушка и предположительно, что ждать от нее в дальнейшем, Диане пришлось два часа висеть на телефоне. Даша работала с утра в волонтерской группе, услышав голос психолога, она возбужденно заговорила о том, что нашла в интернете адрес некоего экстрасенса.

— На сайте пишут, он даже по фото может сообщить, что случилось с человеком. Услуги дорогие, но мне обещали дать в долг...

— Ты что, уже записалась на прием? — опешила Диана.

— Да, сказали, что мне повезло, обычно он очень занят, но именно сегодня сможет меня принять. Вы наверное не верите экстрасенсам?

— Я не сильна в этой области, не имела возможности изучать. А если не сработает, и помимо долга ты обретишь еще одну проблему? — предположила она. — Такую версию ты рассматривала?

Даша немного помедлила с ответом, но в голосе ее звучало знакомое упрямство:

— Я уже говорила, мне нечего терять. Я должна как можно скорее выяснить, кто я и что со мной произошло.

У Дианы не осталось ни одного сомнения в этом. И не осталось слов, которые она могла бы произнести, дабы заставить девушку думать иначе.

Чувство невыполненного долга? Хорошо, что она не сказала этого вслух, когда позвонила профессору...

Диана стерла пальцем стекающую по чашке темную капельку. Чашка почти пуста, нужно заказать еще кофе, но следовало дождаться профессора.

Половина второго. Не смотря на такую заполненность, воздух в помещении стоял приятный и свежий — кондиционеры достойно выполняли свою миссию.

Естественно, о месте у окна не стоило и мечтать, чудом достался этот крошечный столик в самом центре, в противном случае положение ее оказалось бы совсем тупиковым.

Заведение выбрано не случайно, — в двух остановках от дома Кащенко, с необычайно вкусным кофе и выпечкой. Аромат выпечки заполнял всю улицу близ кафе.

Еще здесь подавали свежевыжатые соки, что также являлось одним из пунктиков для профессора. Иначе его не заманишь.

Вряд ли ей хотелось вешать на него эту проблему уже сегодня, но она не видела другого решения. Диана не уверена, можно ли расценивать поведение Даши как адекватное. Возможно ей уже сейчас необходимо повторное обследование. Подумать только — экстрасенс!

И да. Хотелось как можно скорее снять с себя эту обузу.

Краем глаза она уловила невысокую гибкую фигуру, приближающуюся к ней со стороны входа и быстро повернула голову в том направлении. Профессор уже сбрасывал с плеч

классическое темное пальто и пристраивал его на локте. В хорошо скроенном твидовом костюме, с шелковым шарфом на шее он напоминал английского лорда; абсолютно белая седина, покрывавшая его голову, такие же белые усы и бородка лишь подчеркивали это сходство. Множество любопытных взглядов устремились к нему, когда он сел за столик.

— Я почти не надеялся, что ты найдешь для нас место, — улыбнулся он и жестом позвал официантку. — Но предупреждаю, у меня от силы минут двадцать, чтобы это ни было.

Диане не нужно было ничего объяснять. Вряд ли семье профессора достается больше его внимания. Более пятидесяти лет в психиатрии: университет, клиника, семь авторских книг, обширная клиентская картотека. И только один день в неделю, чтобы попытаться вжиться в роль простого человека. Но, сменяя костюм на пижаму, он, скорее всего, садится дописывать неоконченные труды, либо изучает новую информацию, с коротким перерывом на семейный обед и беглое общение с внуками. Трудно представить его смотрящим телевизор, выпивающим с друзьями, либо проводящим досуг на рыбалке.

Разумеется, она не стала тратить время, и к тому моменту как им принесли кофе, уже изложила суть вопроса.

— Павел Николаевич, мы же с вами прекрасно понимаем, что это не удар кирпичом по голове.

— И все же мы ничего об этом не знаем. — Он взглянул на нее поверх чашки. Карие глаза профессора выглядели живыми и подвижными, возраст не лишил их блеска и не сумел высветлить. Они обладали приятной шелковой глубиной, теплой и надежной, в которой мудрость соседствовала с опытом и позволяла довериться их обладателю целиком и полностью. Как если бы он был волшебником, знающим именно те заклинания, что тебе нужны. Казалось, с каким бы вопросом ты не обратился к этому человеку, решение уже есть, оно готово наперед, и тебе больше не о чем волноваться. Сетка морщинок, обрамлявших веки, и густые брови придавали особую выразительность его взгляду. — Если отменяем эти факторы, отбрасываем вирусы и психические отклонения, и рассматриваем ситуацию, как следствие истерики, такие реакции вполне допустимы. Но как только активная фаза истерики исчезает, память возвращается в норму. При истерии наблюдается бегство в болезнь, человек говорит, что ничего не помнит. Как те же истерические глухота, немота, слепота...

— Я думала об этом. У нее активное желание вернуть забытое. Она требует гипноз. За тем и пришла ко мне.

— Ты навела о ней справки? Какой ей поставили диагноз?

— Тотальная ретроградная амнезия неясного генеза.

— О, Боже... — профессор покачал головой, затем снова позвал официантку, спросив у нее стакан свежевыжатого грейпфрутового сока и девушка отправилась исполнять его заказ. Он поглядывал на наручные часы. — Судя по всему это диссоциативная fuga, а не просто амнезия... Я думаю, она права, нужно провести гипноз.

— Гипноз не проблема, — возразила Диана. — Что потом с этим делать? Мы же не знаем, что окажется снаружи...

— Сделай это. Сделай, — спокойно настаивал профессор.

Диана задумчиво кивнула.

— Хорошо. Предположим. Даже если все пройдет успешно, что будет, когда она вернется из fugи?

— То же состояние, что предшествовало ей.

— Новая истерия?

— Само собой. Этого лучше не исключать. Меж тем есть шанс вытащить эту занозу из того места, в котором она застряла. Ты меня понимаешь? Что еще о ней известно? Ее проверяли на предмет сбежавших пациентов?

— Ее по всем базам, если не ошибаюсь, проверяли, по крайней мере, обязаны были сделать это. Она настойчиво утверждает, что имело место насилие. Но тем не менее ничего о нем не помнит.

— Кто знает, кто знает, — заметил профессор, допивая кофе. — Может, она участвовала в каком-то тайном эксперименте. Методы, позволяющие проникнуть в сознание человека, стереть из его мозга часть информации, даже изменить его личность, действительно существуют, мы слышали об этом, и достаточно давно. Стереть память — реально, используя как психотропные средства, так и современные электронные методы доступа в подсознание. Жертву эксперимента, не исключено, просто бросают где-нибудь.

— Мне кажется, здесь были бы последствия с головными болями и атаками неясного страха, — предположила Диана. — Она жутко растеряна, да, но ничего при этом не боится. То, что она пережила, высвободило ее страхи. Страх один — не вспомнить прошлого. Это напоминает сильный стресс. Такова моя версия. Мозг защищается от информации, которая едва не убила ее.

— Что ж, вернуть память можно, используя современные научные знания, хотя стопроцентной гарантии никто не даст. Иногда память сама восстанавливается, и часто трудно определить: благодаря помощи медиков, или мозг сам постепенно пришел в норму. Такая вот наглядная иллюстрация проблемы, над которой вот уже больше ста лет бьются нейробиологи и психологи всего мира.

Официантка принесла высокий стакан, наполненный густой темно-розовой жидкостью. Профессор удовлетворенно кивнул и сразу же стал пить.

— Я, кстати, сам собирался тебе звонить, дорогая моя, — признался он, промокнув салфеткой светлую пенку на усах. — Вот каким должно быть настоящее молоко, — не удержался он, чтобы не поделиться впечатлением. — А вовсе не тот яд несвойственного нам чужеродного белка.

С этим Диана была согласна полностью, еще в студенческие годы, благодаря его детальной лекции на счет потребления молока взрослым индивидом, сама перестала его пить.

— Почему вы хотели мне звонить? — поинтересовалась она.

— У меня есть для тебя пациентка.

Вывался невольный вздох:

— Павел Николаевич, у меня такой плотный график приемов...

— Нет-нет, погоди, я не сбегиваю ее тебе, напротив. Она пришла ко мне только потому что я — профессор. Только подумай! Решила, что ей, как Мари Бонапарт, так по статусу годится, искала своего личного Фрейда. — Он снова с удовольствием отпил сок. — Но я не могу консультировать ее, мне не разорваться между кафедрой, больницей и исследованиями, с которыми желательно не затягивать, ибо я уже не молод. Словом, я пообещал ей найти подходящего специалиста.

— Вы думаете, это я?

— Ни минуты не сомневаюсь. И, милочка, я понимаю твою занятость, уж поверь мне,

но это действительно особый пациент. Нет — никаких психозов и клиник! Однако, если ею не заняться — тем и кончится. Поэтому я предлагаю обмен. Я проконсультирую твою девочку, посмотрю, что с ней, направлю на лечение. А ты возьмешь мою мадам. Что скажешь? Я очень надеюсь на твое согласие.

— И у меня всего минута на ответ? — спросила Диана.

— Боюсь, меньше, — повел густой бровью профессор, снова поглядев на запястье.

— И в чем особенность вашей мадам?

— Эта мадам — миллионерша. — Профессор сделал паузу, задержав на Диане многозначительный взгляд. — Это единственная особенность. Много лет жила за границей, а тут решила вернуться на родину.

— У нее возникли психические трудности?

— В какой-то степени да. Я направлю тебе ее карту. Ну что, договорились? — он уже допил сок, достал бумажник и вынул из него купюру среднего номинала. Этого было больше, чем нужно за все обслуживание, но мужчина положил купюру на стол и поднялся. Диана слишком хорошо знала профессора, чтобы пытаться самой оплатить счет. Женщина не должна вынимать кошелек, если она пришла с мужчиной. А щедрые чаевые — это как почерк.

— Милая моя, что скажешь? — поторапливал он ее с решением.

— Давайте хотя бы попробуем, — улыбнулась Диана.

— Вот и хорошо, — кивнул профессор, поправил усы и подхватил пальто, висевшее на краю кресла. — Моя умная девочка, главное правило доктора помнишь? — спросил он неожиданно, на секунду задержавшись у столика.

Диане показалось, она покраснела с ног до головы.

— Конечно, — ответила она.

— Оперировать только с ясным разумом, с холодным сердцем и твердой рукой, — заключил профессор, подтверждая слова жестами: приложил пальцы сначала к виску, затем к груди и, наконец, сжал ладонь в кулак. — Что ж, созвонимся. Рад был свидеться. — Он снова кивнул — в этот раз на прощание — и поторопился к выходу.

Диана оставалась какое-то время на месте, прислушиваясь к собственным чувствам. В животе щекотало от волнения. Руки, лежавшие на столе, почему-то дрожали.

Она постаралась переключиться на людей в кафе. Но вдоволь насмотревшись на них до этого, успела потерять интерес. Нет, это не избавит ее от сомнений.

Она только теряет время. Занимает столик, который не терпится занять какой-нибудь молодой паре, в мыслях и представлениях которых никогда не возникнет даже подозрения, что в этом мире, где-то, быть может, совсем близко, есть люди, единственная цель которых — вспомнить собственное имя. Такое бывает лишь в кино.

Все эти люди вокруг выглядят такими расслабленными — по крайней мере на первый взгляд. Жизнь идет своим чередом, все замечательно. Так и должно быть, это естественно.

И никто не знает, когда и откуда могут нагрянуть проблемы. Никто никогда их не ждет. Никогда не готовится к ним. Это тоже естественно.

Но в какой-то момент все переворачивается — и мир уже не кажется прежним. Словно стекло, загораживающее человека от бед, оказывается всего лишь хлипкой и тонкой пленкой, поволокой, голограммой или паутинкой, рвущейся от малейшего дуновения ветра. Как если бы мир бед находился в телевизоре и они взирали на страдания сквозь него, зная точно, что экран защитит их от того, что находится где-то очень далеко, за границами

допустимого риска, и все это вполне даже не настоящее. Но вдруг экран пропадает, растворяется, и какая-нибудь неправдоподобная вещь врывается в дом, в жизнь, в реальность — как ураган, все сметающий на своем пути.

Человек ощущает панику и полную незащищенность, он словно проваливается куда-то — в яму, о существовании которой не подозревал, ее не должно было существовать по определению. Откуда она взялась, как образовалась, почему именно на его пути? Как события и обстоятельства переплетаются так, что судьбы людей кардинально меняются, преобразовывая их самих до неузнаваемости? Что влияет на это, их собственный выбор, шаг за шагом ведущий в пропасть, или все предрешено?

Как неоднозначна реальность каждого человека, находящегося в одном кафе. И как все далеки от понимания того, что происходит за соседним столиком. Как мало мы знаем друг о друге. Как мало мы знаем себя.

И что должно произойти, чтобы мы этого захотели?

* * *

— Я сделаю это.

— Вы имеете в виду...

— Да... гипноз...

— О, Боже, вы вернете меня к жизни!..

— Не факт...

— Значит, экстрасенс мне не нужен? Диана, вы... вы моя главная надежда...

— Что ж, приходи. Ты знаешь адрес...

— Глава 22

Вечерние тени сгустились за окном. Ролеты опущены.

В помещении полумрак.

Включен один единственный торшер — сразу за головой девушки, лежащей на диване.

Они уже поговорили о всех возможных рисках и вероятных последствиях, с которыми могут столкнуться. Любая информация может оказаться трудной для восприятия, сильно напугать или ранить.

Процедура привычна для психолога. Она владеет многими техниками гипноза, но всегда старается использовать индивидуальный подход для налаживания связи с пациентом.

Сейчас под шеей девушки было несколько подушек, чтобы она находилась в позиции между сидя и лежа. Диана села рядом и попросила девушку слушать ее голос. Ничего, кроме ее голоса.

Она достала из черного бархатного мешочка серебряную цепочку, на которой висел небольшой конусообразный маятник из хрусталя. Приподняла его над лицом девушки.

— Смотри на маятник, он подскажет тебе дорогу назад, в прошлое, — произнесла Диана ровным голосом. — Ты отправишься в путешествие во времени... Ты чувствуешь абсолютное спокойствие, тебе комфортно, веки тяжелеют и глаза понемногу закрываются... Ты стоишь на поляне... и продолжаешь слышать мой голос... Здесь красиво и светло, много цветов... Впереди есть река, ты слышишь плеск воды, иди в ее направлении... Это чистая быстротечная река, ты подходишь и приседаешь над ней, чтобы спустить на воду белый бумажный кораблик. Вот ты его пускаешь и он начинает быстро удаляться вдоль берега...

Ты встаешь и начинаешь следовать за ним... Вода плавно уносит кораблик вниз по течению... вот он уже превращается в белую точку на мерцающей глади воды, удаляется, удаляется... и вдруг ты понимаешь, что ты и есть этот кораблик... Куда ты держишь путь?

— Домой... я хотела бы попасть домой...

— Это возможно?

— Нет... я не могу попасть домой... это невозможно... нельзя... мне так одиноко... я совсем одна...

— Я прошу тебя попасть домой в тот момент, когда это было возможно... что там?.. там кто-то есть?

— Там... мне кажется там немного темно... в комнате... окно зятянуто шторами... зеленые полупрозрачные шторы... такие унылые... они мне не нравятся... и душно... вот стул возле окна... он пуст... но я знаю, что... что там должен кто-то быть...

— Кто это?

— Это... это мужчина...

— Ты его знаешь?

— Да... я вижу его... он сидит на стуле... в комнате темно... его одежда темная... он... он так смотрит... мне нехорошо...

— Он опасен для тебя?

— Да... я его боюсь... он смотрит на меня в упор...

— Ты с ним знакома?

Девушка тяжело дышит, но не отвечает.

— Кто этот мужчина? — повторяет вопрос Диана.

— Это мой папа...

— Что он делает?

— Он... у него ремень... он бьет меня... — девушка морщится, ее голос начинает дрожать. — Я его боюсь... я его ненавижу... я не виновата... ты... ты сгоняешь на мне злость!.. почему ты так ненавидишь меня?... я же ничего не сделала...

— Сколько тебе лет сейчас?

— Тринадцать...

— А раньше он бил тебя?

— Да... раньше был только ремень... теперь он бьет руками... бьет по лицу... хватает за волосы, вырывает... это так больно... так обидно... последний раз ударил в грудь, так сильно, что появился отек... я сказала, что пойду в милицию, а он... он ответил, что тогда сдерет с меня шкуру... и выкинет на улицу в чем мать родила, потому что даже одежду я сама себе не покупаю, все они с матерью... говорит, что я неблагодарная... иждивенка...

— Мать слышит его слова?

— Да... это так обидно... обидно, что она не вступает за меня... никогда... я не знаю, до чего он способен дойти... а она молчит... как ни в чем ни бывало... молчит... я ее ненавижу... ненавижу их обоих... очень сильно...

— У тебя есть брат или сестра?

— Нет... я одна... у меня нет друзей... я никому не нужна... никому!.. Не хочу приходить домой... стараюсь приходить поздно... из-за этого снова скандалы...

— За что тебя наказывает отец?

— Не знаю... за все... за плохие оценки... за то, что плохо посуду помыла... Ему все не нравится, что я делаю... а маме все равно... я постоянно плачу в комнате... пусть бы они

взорвались... я желаю им зла, но ничего не могу сделать... не хватает смелости, чтобы отомстить... я только мечтаю уйти от них как можно скорее... уйти навсегда...

— Сколько тебе лет, когда ты уходишь?

— Двадцать три... Я хотела уйти раньше, но негде было жить... я уже имею свои деньги, я пошла работать сразу после школы... в магазин... много магазинов уже сменила... отец перестал меня бить, но постоянно обзывает... заставляет покупать продукты, чтобы холодильник всегда был забит... это все, что его интересует — полный холодильник еды... я еще больше ненавижу его...

— Почему ты уходишь?

— Это непереносимо... непереносимо... я не могу больше... невозможно их терпеть...

— Куда ты уходишь?

— С девушкой одной... снимаем комнату у пожилой женщины... так выгоднее, снимать комнату у пенсионеров... но денег все равно очень мало на жизнь... девушка оставила меня там одну, стало трудно... трудно все самой оплачивать... очень хочется красивой жизни... очень... мне нравится смотреть кино про богатых... но я потом горько плачу... не могу смириться с тем, что у меня все не так... все вокруг ненавидят меня... используют... я думала в любви хотя бы повезет... но меня все предают и бросают... все... мой парень напивается и... становится похож на отца... ненавижу его тоже... себя ненавижу... ненавижу все это... нет сил больше... просто нет сил...

— Что ты делаешь? Пытаешься себя убить?

— Нет... Я думаю об этом постоянно, но не хватает духу... Я не понимаю, почему из-за кого-то я должна себя убивать? Почему моя жизнь такая?... Все против меня...

— Ты живешь во Львове?

— Нет... Нет... Львов... в ста километрах...

— Как тебя зовут?

— Яна...

— Яна, где ты сейчас? Ты спряталась?

— Яна только призрак... тень человека... ее никто не замечает... ее нет... она просто продавец...

— Яна хотела бы вернуться к жизни?

— Лучше, когда ее нет... ее не должно быть... чтобы не рвать на себе волосы... сердце разрывается, когда ты никому не нужен... как все красиво у остальных... только не у нее... не у Яны... ей не нужно быть... не нужно...

— Яна, я обращаюсь сейчас к тебе! Ты хотела бы вернуться? Снова помнить себя? Но в новом качестве. В новой жизни. Где ты нужна другим, а другие нужны тебе...

Девушка всхлипывает.

— Яна, вернутся в новую жизнь, — снова говорит психолог. — Где все возможно. Так, как ты хочешь.

— Да... в новой жизни... да... быть нужной кому-то... чтобы было кому дарить подарки... проводить вместе время... сидеть у камина... как это красиво — сидеть у камина...

— Ты простила бы тогда всех обидчиков?

— Нет...

— Но посмотри на них... вот они все перед тобой, выстроились в ряд... вот... все до одного... Они всего лишь люди, которые сами сильно страдают... Они не ведают, что

творяют, из-за собственной боли и бессилия... Прости их, Яна... Они раскаиваются... посмотри в их глаза... они сожалеют... если бы они могли, то сказали бы Яне «прости»... и Яна простила бы их... чтобы быть свободной и счастливой...

— Да... Яна простила бы их... я простила бы их...

— Тогда прости их... просто сейчас...

— Я прощаю... да... я прощаю... я вижу как они плачут... и прощаю... прощаю всех до одного...

Слезы двумя тонкими линиями стекали вдоль бледного, измученного лица девушки. Синева под глазами стала еще заметнее.

— Что случилось с Яной? — продолжала психолог. — Сейчас ты в том моменте, где Яна исчезла... Расскажи, что происходит. Где ты, Яна?

— Это какой-то большой праздник... весь день... весь город гулял весь день... да... это праздник города... а я... работала... до поздней ночи... как всегда... очень много пьяных хамов... покупают много алкоголя... девушки, с которыми я работаю... я слышу от них одни сплетни и упреки... мне плохо от этого... и еще... они постоянно делают гадости... воруют деньги из кассы... это невыносимо... какой большой праздник... все люди гуляют... а я... так сильно устаю... совсем выдохлась... денег так мало... парень меня бросил... они все меня бросают... у меня ничего нет... нет денег для одежды... отдыха... а у кого-то есть все... и любящая семья... и дом... и приличная работа... я вижу этих людей, они приходят и уходят, красивые, нарядные, счастливые... покупают все, что им хочется... я не могу так больше... не могу жить в этой зависти и обреченности... нет больше сил... работа заканчивается очень поздно... почти что ночью... и всегда страшно идти одной домой... как же это все невыносимо... просто невыносимо... праздник уже закончился, люди разошлись по домам... а у меня нет дома... я нигде... никто... некуда идти... я иду не знаю куда... холодно... Господи, как же холодно... начался дождь, я промокла уже до нитки... мне так плохо... вокруг сплошные огни, они слепят меня... я продолжаю идти... просто иду... иду... все равно, что будет дальше... я хочу уйти в никуда... испариться... не умирать, это страшно... но уснуть, просто исчезнуть... чтобы даже тела не осталось... ничего не осталось...

— Но сейчас, Яна, ты можешь вернуться из своего путешествия, — обратилась психолог. — Ты хочешь? Ты готова?

— Не знаю...

— Ты теперь не одна... все изменилось, Яна. Ты всех простила?

— Да...

— Теперь ты можешь вернуться... Тебя ждут новые друзья. Они есть у тебя. Теперь уже есть. Это замечательные люди, они любят тебя, они заботятся о тебе. Это твоя новая семья. Слушай мой голос, Яна. Я сосчитаю до пяти и ты проснешься... просто откроешь глаза и вернешься, хорошо? Итак... — Диана стала говорить медленно и вкрадчиво. — Один... твои страхи и опасения позади... Два... твоя жизнь имеет большую ценность и наполнена смыслом... Три... ты медленно, но уверенно возвращаешься в сознание... Четыре... когда ты откроешь глаза, ты будешь спокойна и расслаблена, и будешь помнить, кто ты... Пять! Наступило состояние бодрствования и полного осознания происходящего! Яна, теперь ты можешь открыть глаза!

Девушка открыла глаза и медленно моргнула. Мокрое от слез лицо выглядело рассеянным, сонным... и удивленным.

— Осторожно пошевелили суставами, — попросила ее Диана. — Не спеши вставать, полежи. Если не можешь разговаривать, тоже не торопись. Тебе кажется, прошло пару минут... но прошло больше часа... Здравствуй, Яна! — громко обратилась психолог и улыбнулась. — Узнаешь меня?

Девушка вяло улыбнулась в ответ:

— Здравствуйте, Диана... узнаю... я сплю?

— Нисколько.

— Почему я не могла... вспомнить... этого всего... это же оказалось так просто... то есть... меня зовут Яна... почему я забыла?

— Ты сильно страдала... вот почему. В чрезвычайных ситуациях человек наиболее уязвим, потому что организм производит увеличенное количество стрессовых гормонов. А долго длящиеся или постоянно повторяющиеся чрезвычайные ситуации могут повредить мозг. Стрессовые гормоны блокируют его нервные клетки, не давая проходить к ним необходимым сигналам, определяющим их нормальную работу. Так что в конце концов гормоны действуют разрушительно, как яд. И фатальные разрушения происходят как раз в тех областях, где сосредоточена автобиографическая память. Ладно, прости, что нагружаю докторскими подробностями. Если говорить проще, то так вот сложно и странно устроен мозг. Но хорошая новость в том, что сеанс прошел успешно, нам очень повезло. Мозг отдал то, что прятал. Скорее всего не все и не сразу. Но так даже лучше. Главное, заложник на свободе. Яна на свободе.

— Как все трудно и... страшно, — устало произнесла девушка. — И такое чувство, что меня по голове ударили... Только голова не болит, а все такое странное... мутное какое-то... И не понятно, что приснилось, а что настоящее...

— Ничего. Это пройдет. Тебе нужна адаптация, но ты со всем разберешься.

— И... что теперь?

— А теперь ты здесь, у тебя есть друзья, которые порадуются за тебя.

— А мой прежний дом?

— Дом там, где твое сердце. Слышала такое? С этим трудно не согласиться. Ты в праве решать сама, вернуться туда, откуда ты пришла, либо остаться здесь, если уж судьба привела тебя именно сюда.

— Как же мне повезло, что я встретила вас... — шепотом призналась девушка.

— Не стану отрицать, — улыбнулась Диана.

— Спасибо...

— На здоровье, Яна.

— Яна... Яна... — повторяла девушка вслух. — Я узнаю это имя, и в то же время — нет... как странно сознать себя двумя разными людьми... и Дашей, и Яной... У меня раздвоение личности?

— Не думаю. Но тебе предстоит лечение у профессора психиатрии. Он и поставит диагноз.

— Лечение?

— Да, вероятнее всего он пожелает поместить тебя в клинику ненадолго.

— Это потому, что я снова могу... сойти с ума?

— Нет. Ты не сходила с ума. Видишь ли, тебе казалось, что ты живешь не своей жизнью. Психика позаботилась о том, чтобы это прекратилось. Рано или поздно ты бы все вспомнила сама, но мог пройти целый год, а то и больше, кто знает. Какая-нибудь мелочь вернула бы

прежнюю боль, например, пьяные хамы в магазине, или человек, внешне похожий на твоего отца. Но это воспоминание было бы очень тяжелым, спровоцировав новый эмоциональный шок, не такой как сейчас, под моим контролем, а намного сильнее, тебе пришлось бы все равно искать психотерапевта, и, кто знает, какие страдания ты бы перенесла снова. Обследовать тебя в клинике необходимо так или иначе, я уже договорилась об этом.

— Я не возражаю... я доверяю вам.

— Вот и хорошо.

— Вы совершили чудо... вы это знаете? — По лицу девушки снова заструились слезы. — Я сразу почувствовала, что вы именно тот человек. Я больше никому не смогла бы доверять...

— Никто не знает, как могло пойти дело, — призналась Диана. — Сеанс мог сложиться по другому сценарию. Я тоже очень рада, что у нас получилось.

— Но вы сделали это, вы разбудили меня, вырвали из очень крепкого сна... ведь я же... помешалась? Это так называется?

— Неважно, — успокоила ее Диана, — не думай об этом, оставь лучше специалистам. Тебе было очень трудно, Яна, но теперь все на своих местах. Нужно только проверить общее состояние, как я уже говорила. И жить дальше.

— Я очень этого хочу! Мне больно, вы правы, больно понимать все то, что случилось... даже просто вспоминать это страшно... Как будто это не со мной происходило, а скем-то знакомым... Но еще страшнее, когда ты ничего не знаешь о себе! Потому что... да... жизнь продолжается! И я хочу жить!

Диана протянула ей салфетки.

— Нет ничего более сильного в этом мире, чем желание жить. У тебя все получится.

Глава 23

Холодно.

На крыше восьмиэтажного дома дует так, что можно слететь вниз, не успев одуматься.

Особенно когда поднимаешь голову вверх, к распростертому над головой небу, чтобы увидеть звезды. Голову сносит. В животе начинает щекотать. Уже не чувствуешь своих ног, никакой твердыни под ними... как если ты уже падаешь... падаешь... очень медленно... Как же сильно кружится голова... до тошноты...

Здесь не так уж высоко, как казалось. Даже сейчас, когда совсем стемнело.

Внизу город. Все усеяно огнями, как гирляндами, словно кто-то задался целью выиграть у звезд состязание по яркости, отвоевать пространство ночи у законных обладателей.

Чтобы люди все меньше поднимали головы вверх.

Ездят машины, ходят пешеходы. Ветер доносит откуда-то обрывки слов, смеха, музыки...

У каждого своя реальность.

Эти люди по-настоящему счастливы? Их правда все устраивает, или они просто позволяют втягивать себя во всю эту бесполезную возню, называемую жизнью?

Как бы ей хотелось спросить их сейчас об этом.

Что у вас есть на самом деле?

Оголтелый смех ни о чем. Селфи-апокалипсис.

Меня от вас тошнит!

Пустая бутылка из-под коктейля полетела вниз. До чего же быстро она нашла свою смерть... Две секунды прошло, три? Короткий глухой звук — и конец!

Даже здесь она не смела рассчитывать на драматически вычурное, медленное парение. Откуда-то она знает, что так не будет. Не будет, черт возьми!

В этой милости ей тоже отказано!

Ты! Кто все это создавал, о чем ты думал? Посмотри на это невежество! Ты доволен тем, что происходит?

В глазах все расплывалось от слез, — что небо, что горизонт. Все огни перемешались, слились в одно пятно, как при пожаре. Кажется Большая медведица тоже рухнула о землю... Гори! Гори, неблагодарное человечество...

Алкоголь не согрел и не взбодрил, — все они врут со своими разноцветными ядами! Стало только хуже. Еще больше тошноты и раздражения.

Ветер свистит в ушах, швыряет волосы, словно пытается их вырвать, застилает глаза... кажется она уже ничего не видит. Плывет в тумане. Холодно. Слезы на щеках замерзают. Еще немного и ветер сам ее столкнет...

Она любила ветер. В детстве у нее был велик, она разгонялась на нем изо всех сил, летела ветру навстречу, широко открыв глаза, пока они не начинали слезиться. Это был такой кайф!

Потом она часто делала это стоя под порывами ветров, гоняющим по улицам города, таранилась им навстречу, пока совсем не заливалась слезами, глаза тогда сильно воспалялись, становились красными. Да, здесь те еще ветра! Настоящие сорвиголовы, хладнокровные бандиты!

И вот ветер уже лупит ее по лицу, вырывает кусками мысли из головы, несет дальше по крышам ее стон, ее хрип, ее рык.

Дак и что с того? Даже если она сейчас завопит со всей дури! За своим весельем люди не замечают чужой боли. Никогда.

Она всего лишь еще одна идиотка. Подумаешь!

Чем ближе край, тем сильнее тянет вниз. Такова задумка, очевидно. Не гоже человеку отрывать от земли.

Ее вот-вот либо вырвет, либо она потеряет сознание.

В литературе часто используют аллегории с пропастью, она все удивлялась этому неуместному древнему сравнению. А теперь понимает, что пропасти действительно существуют, при том на каждом шаге. Как в переносном смысле, так вот и в буквальном. И сейчас она стоит просто перед одной из них, перед обрывом, посреди большого города... Как будто и правда на высокой скале...

Один шаг — и все это недоразумение, зовущееся жизнью, прекратиться...

И никакой больше боли... Никаких попыток внять, вразумить, объяснить, забыть, свыкнуться... Фиг вам!

Две секунды, три. Короткие прощальные объятия ветра — и конец!

— Глава 24

Когда такси остановилось у ее дома, внутри все запрыгало от радостного волнения.

В брызгах света от фонарей собственное восприятие казалось Диане еще более

драматичным.

Господи, она словно сто лет здесь не была. Ноги путались и дрожали, каблук зацепился о бордюр и она чуть не упала на тротуар.

Земля обетованная!

И все же нет другого такого чувства, как трепет перед родным порогом. Она готова была упасть на колени, каким бы смешным это ни казалось. Целовать эту полированную брусчатку.

Вид домашних окон пронзил сердце иглами. Все такие же темные и неподвижные прямоугольники квартирных глаз, прикрытые кованными прутьями ресниц, — такие же в точности, как в тот позорный вечер, когда она бежала отсюда перепуганной кошкой. Хранят уют, который так беззаветно бросили.

Я иду! Иду! Я готова принять любые факты! Нет такой силы, что заставит меня уступить место страхам.

Она ринулась в парадную, затем взбежала на второй этаж и принялась открывать замки.

Когда Диана распахнула дверь, быстрый поток воздуха промчался по ногам, едва не опрокинув ее, она невольно вздрогнула и отшатнулась. Но тут же стиснула зубы, вошла в квартиру и включила свет.

— Ну и где ты, вредитель? Покажись!

Она швырнула сумку с вещами на пол прихожей и стала яростно снимать с себя пальто и сапоги.

— Я покажу тебе, кто тут главный!

Сплитер, как и следовало ожидать, лежал на полу рядом с обувным шкафчиком. Она подобрала его и бросила возле телефона.

— Завтра же утром вызову наладчиков, — проговорила она с победным триумфом. — Будет новенький и здоровенький! Вот так то!

Словно в ответ на ее высказывание — в кухне скрипнул буфетный шкафчик, а затем задрожала посуда на сушке.

И снова в первую долю секунды Диана опешила, но быстро опомнилась, сжала кулаки и пошла на кухню.

— Вот и прекрасно! — заявила она громко. — Теперь увижу своими глазами, что происходит.

Она щелкнула выключателем и лампочки вспыхнули, осветив все пространство целиком: разделенные островки рабочей и столовой зоны. Пусто.

Глупо было бы надеяться на что-то другое. Ну конечно же пусто.

За выгнутой полумесяцем столешницей, в самом низу, очевидно в мусорном ведре, что-то громко зашелестело.

Диана снова вздрогнула, но вместо того, чтобы бежать, выхватила из вазы с кухонными принадлежностями деревянную ложку на длинной ручке и замахнулась.

— Ну все, — прошипела она в бешенстве, — сейчас ты получишь! Не вешалкой, так ложкой отгребешь! Так что лучше бы ты и правда было призраком!

И прыгнула вперед, обогнув угол столешницы, но не успели ее ноги коснуться пола, как по ним снова промчался стремительный поток воздуха, с таким напором, что лишь чудом не сбил ее с ног.

Вот только теперь она все увидела.

Женщина завопила так, что едва не оглохла сама, отскочила назад и уронила ложку на

пол. Нечто лохматое и рыжее на большой скорости скрылось в коридоре.

Пришибленный мозг, прибывающий в панике намного сильнее, чем того хотелось, отреагировал не сразу, понадобилось несколько долгих секунд, чтобы связать увиденное. Ладонь невольно прижалась к груди, будто сердце на полном серьезе могло выскочить вон. Диана поняла, что вся трясется и поспешила налить себе воды из ковша с фильтром. Жадно осушила стакан, затем присела на стул под стеной и чуть не разрыдалась.

Еще сегодня поутру ей снился Сергей, сидящий просто на этом месте...

А теперь она поймала своего демона.

Диана поставила локоть на край стола и тихо засмеялась в ладошку. Поймала! Потому как теперь он от нее никуда не денется. Боже, что мешало ей сделать это раньше?

Ты знаешь что! Как это смешно и грустно.

Степа ей это по век не забудет, вряд ли она уговорит его никому не рассказывать. Какой стыд!

Она снова засмеялась, дождалась, пока сердце начнет нормально биться, а затем медленно поднялась и пошла обследовать свою квартиру.

— Кис-кис-кис, — позвала она негромко. — Где вы, пан Коцкий? Кажется, нам с вами нужно кое-что прояснить...

Глава 25

Дорогой парфюм, гордая осанка, особый лоск во всем облике.

Под красным дизайнерским пальто безупречное зеленое платье из шифона.

Каблуки, браслеты, сверкающее ожерелье с камнями. Рыжие как медь волосы до плеч уложены в блестящие крупные локоны.

Удачная пластика. Лицо практически идеально. Фарфоровое.

Голубые глаза буквально пронизывают холодным стальным блеском.

На мгновение могло показаться, что эта леди просто ошиблась адресом, либо в офисе должна состояться тайная встреча финансовых воротил. Либо это теле-звезда, и здесь снимают шоу, а может, фото-сессию для элитного журнала.

Но это всего лишь еще одна пациентка.

Хрипловатый голос, низкий тембр... Диана заметила, что у влиятельных женщин всегда этот низкий тембр, по крайней мере других вариантов она не встречала.

Этой леди уже пятьдесят, но это никоим образом не проявляется внешне. Невероятный магнетизм, на нее хочется смотреть еще и еще. Наверняка на фотографиях она выглядит как молодая девушка.

И все же в движении зрелость едва уловимо, но угадывается: жесты неспешные, до того скупые, словно она бережет энергию, которая на них затрачивается. При этом выражение ее лица остается строгим, той строгостью, что всегда появляется с течением времени. И глаза — узревшие жизнь глаза! — непременно выдают возраст, сколь бы молодо не выглядело тело.

Богатство — это свобода, но свобода от чего? Какая невыносимая скука запечатлелась на лице этой женщины. Усталость. Опустошенность. Страшно, если жизнь приносит такую скуку.

Дорогая красивая чаша, которой принято любоваться, но только не наполнять...

Диана периодически консультировала детей из очень богатых семей. Для кого-то из них

в двадцать пять жизнь уже окончена. Это погрязшие в депрессии люди в затасканных джинсах, напоминающие с виду бомжей, с хронической апатией ко всему, что происходит вокруг, перепробовавшие все виды плотских развлечений и наркотиков, какие только способна предложить современность. Дошедшие до нуля, но упавшие еще ниже.

Словно не они питались роскошью много лет, а роскошь выпивала их до последнего глотка. И теперь это опустошенные сосуды, утратившее все содержимое, у которых к тому же разбито дно. Попробуй наполни их...

Все мы сосуды, размышляла не раз Диана. Сосуды в странном оркестре, который исполняет жизнь. У каждого свое наполнение внутри, с отдельной нотой, вибрацией, создающей неповторимый звук. Но не всегда приносимую радость и восторг.

Женщина конечно же опоздала. Встреча была назначена на десять часов утра, но она приехала почти в одиннадцать.

Конечно же она не извинилась. Хотя Диана посмотрела при ней на часы, и к этому обязывали приличия.

Что ж, для начала важно наладить контакт, заключила про себя психолог, перевоспитанием, если что, займемся позже.

— Римма, — коротко представилась женщина, остановив изучающий взгляд на лице Дианы.

Диана предложила ей располагаться в кресле или на диване — где ей будет удобно. Римма, небрежно сбросившая дорогое пальто едва ли не на пол, успела оглядеть интерьер студии и даже проронила комплимент: «У вас здесь мило». Затем, сверкнув камнями на перстнях, подала Диане небольшой бумажный пакетик.

— Это самое лучшее итальянское кофе, что я знаю. Другого я просто не пью. На случай, если вы захотите предложить мне чашечку. Вам, я уверена, он тоже придется по вкусу.

Диана взяла пакетик, улыбнулась, и отнесла его к кухонному уголку.

Ее не удивляли эти манеры. Нечто подобное она ожидала, поэтому мало что могло показаться ей странным. Не было необходимости обсуждать это с профессором Кащенко, все и так ясно. Работать с такими людьми сложно, но это необходимо.

Как и договаривались, они совершили этот докторский обмен. Теперь Диана оставалась спокойна за Дашу-Яну, девушка уже находилась в клинике, она пройдет повторный медицинский осмотр и ей помогут как можно легче и быстрее вернуться в жизнь.

Ее новая пациентка конечно же клиническому лечению не подлежит, и если в этом не возникнет необходимости в дальнейшем, они просто обойдутся консультированием.

Римма оставила сумочку и перчатки на диване, а сама расположилась в кресле, догадавшись, что психолог сядет напротив. Их разделяло пространство в полутора метра, куда вписался край стеклянного столика — условная дистанция для первой встречи.

— Если хотите, я могу приготовить кофе, — предложила Диана. — Но если вы готовы, можем приступить.

Женщина кивнула и сделала короткий жест, призывая Диану начинать.

При этом она выглядела сконцентрированной и собранной, как на интервью. Осанка сохранена, нога закинута на ногу, руки изящно сложены: правый локоть небрежно откинут на ручку кресла, левая рука мирно покоится на бедре. Шея вытянута и подбородок чуть приподнят. Прямой взгляд призван внимать и анализировать, и точно так же — требует внимания к себе.

Диана села напротив, положила рядом на столик большой блокнот для записей, но не

стала его открывать. И все же это не интервью. Даже если ее пациентка пока не понимала разницы.

Представившись еще раз, Диана сделала небольшое резюме по своей деятельности. Женщина должна понимать, что перед ней действительно профессионал.

— Мне показалось, вы немного молоды для этой профессии, — заметила Римма. — Без рекомендации я бы к вам не пришла.

Диана улыбнулась и задала свой первый вопрос:

— Римма, что послужило поводом искать психолога?

Женщина серьезно задумалась, ее взгляд скользнул в сторону, устремившись сквозь пространство, словно ответ скрывался где-то там: за ролетой на окне, например, или за спинкой кресла. Затем протяжно вздохнула.

— Мне трудно это постичь, — призналась она мгновение спустя, все так же изучая пространство. — Вряд ли я верю, что это что-то изменит. Но попробовать стоило. Я не из тех особ, что чуть что бегут к пастырю, гуру или психотерапевту. Но я запуталась. Вот что я отвечу на ваш вопрос... Мне нужна чья-то разумная, основанная на опыте и доводах, подсказка. Хотя я очень сомневаюсь, что кто-то способен дать мне совет, каков бы ни был вопрос... Когда твой жизненный опыт так огромен, что уже граничит с чем-то запредельным, и он ничем не может тебе помочь, чего еще ожидать?

Диана понимающе кивнула:

— Но именно так, как правило, и происходит. Когда заканчиваются ожидания, приходит пора забыть весь свой опыт, и начать учиться новому.

— Вы философ, — без энтузиазма заметила Римма.

— Порой без философии трудно смотреть на некоторые вещи, теряется нить, из которой ткуются идеалы. Появляется вероятность стать эмоциональным параликом, либо наоборот, эмоции сокрушают. Это мое наблюдение. У вас, разумеется, есть собственные наблюдения. Я не призываю вас мыслить философски.

Римма пожала плечами:

— Кто знает, может и зря.

— Вы жили в Италии? — спросила Диана.

— Где я только не жила, — пространно заметила женщина. — В Италии, Франции, Германии, Америке, Канаде, Японии... Нет наверное островов, где бы я не побывала... Психологов я посещала дважды: на Крите и в Лондоне. На Крите, потому что мне показалось, будто срочно в том нуждаюсь. Но мне не понравилось это общение. Поэтому я решила, что в другом месте мне понравится больше, эта идея настигла меня в Лондоне. Но и в том случае меня ждало разочарование. Уже когда я приехала сюда, решила дать этой профессии последний, третий шанс, — она усмехнулась. — И обратилась к профессору. Странно, но он не захотел заниматься мной. За те деньги, что я ему готова предложить, он мог бы найти время. Третий шанс, считай, провалился. Я не планировала идти к вам. Но в последнюю минуту передумала. Кто знает, почему. Может просто надоело топтаться на месте, а может стало интересно.

— Вы правильно сделали, что пришли, — сказала Диана. — И если я вам по какой-то причине не подойду, вы вправе искать другого психолога. Это практикуется, и это нормально. Пусть вас это не разочаровывает. Не останавливайтесь, пока не найдете подходящего специалиста. Что до профессора, психиатрия заботит его больше, чем деньги, поймите его, он посвятил этому жизнь.

— Что ж, надеюсь, он рекомендовал мне вас с той же профессиональной позиции, — кивнула женщина.

— Римма, — предложила Диана, — давайте забудем о профессорах, о философии, давайте просто поговорим. Я знаю, что вы слышали этот вопрос от других психологов, но все же, расскажите, что вас тревожит. Начните с чего-угодно. С любого конца, с любого начала, если хотите, начните с середины. Скажите прямо, где болит.

— Я не знаю, — ответила женщина. — Вы думаете, знай я это, то сидела бы здесь?

— Я думаю, у вас есть серьезный повод находиться здесь. Озвучьте его, если можете.

— Нет, мне не нужны ваши анализы, они меня не интересуют, — женщина резко мотнула головой. — Я знаю, что могу признаться вам в чем угодно, и этого никто не узнает. Поэтому мне нужны ваши уши, милая. Я собираюсь насилловать их долго и настойчиво. Что вы на это скажете?

Диана подумала несколько секунд.

— Римма, когда вы шли сюда, вы должны были понимать, что идете к врачу. Признаете вы это или нет, но составление анализов входит в мою обязанность. И время от времени вам придется их слышать. Но что я вам точно гарантирую, говорить в основном будете вы.

— Спасибо за прямоту, — сказала Римма. — Очень ценное качество. Кажется, вы и правда хорошо знаете свое дело. Сколько у нас времени?

— Сегодня — час. Если понадобится — два.

— На тот случай, если я все же продержусь здесь час, а то и два, — предположила женщина, — обещайте, что не станете меня прерывать.

— Хорошо, — кивнула Диана.

— Я доплачу вам за любое время... Или вы как ваш профессор?

Диана не ответила, но ее улыбка говорила сама за себя.

— Что ж, ясно, — вздохнула Римма. — Посмотрим. Хотя мне не понятно, почему люди отказываются от денег. Ведь это же...

Она какое-то время сидела молча, раздумывая. Диана отметила для себя, что сеанс таким образом начался.

Наконец женщина снова заговорила, очевидно, поймав мысль, на которой остановилась:

— А вот вы скажите, Диана, вы знаете, почему в действительности люди так гонятся за богатством? Вы психолог, возможно догадываетесь... А я поняла лишь недавно... Мне понадобилось просто поскользнуться. Представьте себе. На самой обычной ступеньке в аэропорту, которой плевать богат ты или беден, когда разбиваешь об нее коленку — да так, что приходится брать на скобы.

Женщина откинула край платья, прикрывающее колено.

— Так не видно, через колготки, но, поверьте, он здесь, этот жуткий шрам, я постоянно чувствую его присутствие... И хоть пластический хирург уверяет меня, что следа почти не видно, а после лазера и вовсе ничего не останется... Мне кажется я всегда буду чувствовать его здесь... Это случилось примерно полгода назад. Как раз в тот момент меня осенило сходить к психологу в Лондоне... Но, как вы уже знаете, безрезультатно. Я показывала ему еще свежий на тот момент шрам, и это было так глупо. Белесый сорокалетний импотент только сдвинул очки, скосил свои бесцветные глазки и ничего не сказал. Я прекрасно понимаю роль психолога, мне не нужны были его фальшивые сожаления и цоканье языком. Я исключительно владею английским... Но в тот момент мне почему-то трудно было формулировать речь, как заклинило... Мне не хотелось выговариваться в этого

неподвижного гуся, который, казалось, спит с открытыми глазами... Я не понимала, что я делаю там, в его монохромном кабинете, отбеленном как сама хлорка, таком холодном и пустом, как и его взгляд... Мне захотелось сюда, на землю, где я родилась... Я сама этого еще не осознала. Однако я здесь... А та проклятая ступенька... Она запала в душу так, что наверное вечно будет сниться...

Римма чуть откинулась назад, расслабив плечи и посмотрела в потолок. Лицо ее выражало недоумение вперемежку с раздражением.

— Было не настолько больно, как злостно! Как осмелилась эта ступенька... разбивать колени мне?! Какой-то Люсе уборщице — ладно... но не мне! И тут до меня дошло страшное... Поверьте, Диана, самое страшное за всю мою жизнь!.. Я чуть не свихнулась от этого понимания, хотя не удивлюсь, если все таки свихнулась... Люди стремятся к богатству, чтобы стать бессмертными! Да, да, это именно так! И чем больше денег... Все время кажется, что их нужно еще больше, еще больше... Вот ты уже и миллионер, но этого недостаточно. Тебя должны обслуживать не люди, а ангелы. Знать твои мысли и капризы еще за секунду до того, как ты подумал. Ты захотел кофе, а оно уже на столе. Не слишком горячее, но не остывшее. И ты им не обожжешься, оно не прольется на одежду. А эта капелька на столе знаете как нервирует? — женщина мрачно усмехнулась. — С каждым годом требуешь все лучшую обслугу, все дороже машины, дома, мебель. Одежда для бессмертного, для Бога, должна быть самой лучшей... Как хорошо играют в эту игру ведущие дизайнеры, продавая богатым всю ту же синтетику, что и бедным... Тебя обслуживает каждый день толпа народа: стилисты, визажисты, доктора и любовники... Но твой грим все равно потечет в конце дня, лак на ногтях так или иначе потрескается, одежде повезет, если ты оденешь ее хоть раз... Здоровье с годами все равно не крепнет, любовники напоминают механических кукол... И самая лучшая армия слуг все равно ошибется, сделает не то, что тебе нужно... они всего лишь люди! Пляжи с солнцем, убивающим твою кожу... пляжи без солнца, сырые и промозглые, навевающие тоску... Тонна химии, которую в тебя втирают и впрыскивают... Чем больше золота вокруг, тем больше его должно быть внутри!.. Ты сама уже из золота!.. А потом ты падаешь и разбиваешь коленку... И понимаешь, что всю жизнь тебе казалось, что просто нужно еще больше денег... И вот тогда, вот уже наконец...

Она несколько минут молчала, созерцая хрустальную поверхность журнального столика, на краю которого расплывалось длинное солнечное пятно. Могло показаться, что она видит там хронику кинолент о собственной жизни, воскрешая в памяти позабытые детали.

— Как я ненавидела всех этих людей, — призналась женщина дрожащим голосом, — что вырывают какую-нибудь горящую путевку, или выигрывают лотерею, чтобы на один день попасть на остров, или куда-то на экскурсию, которая простому человеку и не снилась. И вот они уже визжат от восторга, как недорезанные поросята... — Она тревожно взглянула на психолога. — Грязь — вот чем они являлись для меня, эти люди... Только чуточку соприкоснулись с моей жизнью — и уже визжат! Да уж, большего им и не светит, лучшего момента уже не будет... Поэтому визжат. В гадкой гостинице, с гадким кофе... — Она усмехнулась. — Что ж, свое кофе я тоже часто называю гадким! Я всегда презирала людей, это правда... Носятся со своими радостями, как слепые... Чему радоваться? У них же ничего нет... Ничего! А у меня самые люксовые номера. Я была повсюду. Я покорила этот мир! Я могу купить что угодно! Я даже купила дом на острове... в котором была только один раз...

Казалось, собственные откровения поражали ее.

— Но знаете что? — Римма сардонически усмехнулась. — В люксовых номерах тоже всегда есть к чему прикопаться. Сквозит. Не нравится запах белья. Белье не должно пахнуть вообще ничем, к чему мне их ароматы цветов и океанского бриза?.. Слишком долго доставляют завтрак. Горничные раздражают, копошатся... Значит, нужно еще больше денег. Еще лучшие апартаменты. Лучшие на острове, на всем континенте! Все, что можно купить за деньги! И главное, подальше, подальше от этих ущербных, визжащих от восторга блох... — Она резко запнулась и замолчала, преодолевая вспышку гнева.

— А потом ты падаешь на эту чертову ступеньку в аэропорту... Кровь хлещет так, что никакие медики не могут ее остановить. И эта боль!... И эти шрамы... их залечивать теперь долго, и ты это понимаешь... А все твои миллионы... Если завтра ты снова упадешь и в этот раз вместо коленки свернешь шею...

Она прикрыла глаза и какое-то время снова молчала.

— Мне уже немало лет... — продолжила она затем. — Половину жизни я потратила на приобретение богатства, и попытки получить то, для чего оно мне нужно было... Но у меня этого нет... Я по-прежнему уязвима... Удовольствия меркнут очень быстро, гаснут, как новогодние свечи, когда наступает рассвет нового дня — холодного, сурового дня, в котором больше нет ни намека на праздник... Я думала, с деньгами праздник остается навсегда... Это же миллион возможностей! Но все не так, все не так, как ждалось, хотелось и мечталось. Все не так... И никогда ты не узнаешь, как это — бежать с голой задницей по пляжу, со щенячей радостью, визжать поросычим визгом от восторга... Что в том такого — шлепать босыми ногами по накатывающим на берег волнам?.. Жить в палатке, путешествовать с рюкзаком. И знать, что у тебя ничего нет за душой... ничего... Вот кто бессмертен, скажу я вам! И да, похоже, я сошла с ума... Но что мне терять? Так много лет я потратила на ожидание чуда. А чудо случилось в аэропорту, залило моей кровью пол, по которому ходят смертные... И вот я не знаю, как вам объяснить, Диана, что я делаю здесь... Не в вашем кабинете, именно это просто. — Она трагично улыбнулась. — Я не понимаю, зачем я вообще здесь... Кто я, Диана?

Диана слушала, не перебивая. Вопрос не требовал ответа.

— Мне кажется, что я забыла, как ходить, говорить, дышать... — снова заговорила Римма. — Я словно только что вышла из коматоза, в котором пробыла больше двадцати лет... Я ничего не знаю об окружающем мире. Я не училась жить в нем, я училась грамотно вкладывать деньги. Понимаете... Деньги требуют большого ума, мастерства и таланта... Мужья-миллионеры — это только старт, за этим нужно еще и самой хорошо соображать, учиться у них, много учиться... Учиться быть Богом! Быть над всем этим... Я даже не могу теперь вспомнить, о чем еще я когда-либо думала, кроме денег. Чему еще училась, к чему еще стремилась? У меня смутное чувство, что я никогда не была маленькой девочкой, не бегала по двору, не сбивала ноги о брусчатку. Ведь так должно было быть... Ведь я же имела какое-то представления про счастье, красоту, любовь... Еще про что-то. А сейчас... Я значу только денежный эквивалент, не только для себя, но и для остального мира... Денежный мешок... Я все равно умру, мои деньги достанутся моему сыну, еще какой-то родне, которой все равно кто я, главное, что до того как окочурилась, не забыла вписать их имена в завещание... Я определенно сошла с ума... Мне хотелось пойти на улицу и всем говорить, чтобы они не меняли свою щенячью радость от безделушки на обладание несметным состоянием, равному нулю. Чтобы перестали мечтать о богатстве. Чтобы молоденькие девочки не продавались... Чтобы мужчины любили своих женщин, как только могут, но не

стремились их купить... Купить, купить... — простонала она. — Нет... ты ничего не можешь купить — вот какой итог! С каким бы азартом ты ни погружался в игру, чтобы доказать обратное, итог все равно один... Ты не становишься Богом! А золото наполняет душу металлическим холодом, а не солнечным теплом... Запишите все это, Диана, запишите непременно. Быть может, вам больше никто такого не скажет... Это страшно признавать. Особенно вслух. Поверьте, очень-очень страшно...

Она задумалась на миг, но вдруг с изумлением воскликнула:

— Я двадцать семь лет не была на родине! И вряд ли планировала когда-нибудь возвращаться. Люди, что стараются забыть свое нищенское детство, редко ностальгируют по родине. Но когда на тебя накатывает с такой силой... даже не знаю, каким словом описать это состояние... Ужас? Истерика?.. Честное слово, не знаю. Когда хочется вернуться на улицы детства, в те места, понимаете, в те моменты, где ты приняла некогда решение непременно покинуть бедный дом и сделать все возможное для богатства и счастья... Как будто я смогу увидеть себя здесь, стоящую посреди запыленного двора... Увидеть и спросить, о том ли я мечтала в те годы? Того ли хотела, что имею сейчас?.. Если богатство должно было явить счастье, то почему этого не случилось? А может, окажется, что я ошиблась? Может, просто не то желание загадала, когда смотрела на падающую звезду?.. Нет, не спрашивайте меня про детство, дорогая. Я не хочу анализов. Нет! Поздно. Понимаете, почему я их не хочу? Они не помогут. Вы наверняка уже догадались, что я не терплю шаблонов. Я здесь, в этом кабинете, просто, чтобы говорить. Быть может, плакать — горько, безутешно и долго... Мне нужна ваша добрая улыбка, понимающий взгляд... Вот как сейчас, как в эти минуты... Да, это именно то, что нужно... Вы определенно устраиваете меня... И замечательная атмосфера вашего офиса. Это более, чем подходит... Это все, что мне нужно...

Она взглянула на свои холеные руки:

— Знаете, что забавно? Всю жизнь носила этот звериный маникюр. Кстати, это правда про ногти? Женщины с длинными острыми ногтями — хищницы?

Диана кивнула.

— Охотницы.

— Ну вот... я была хищницей и охотницей. Кровожадной стервой, проще говоря. Да, это правда. Охотилась на мужчин и деньги, желаемое готова была содрать со шкуркой. Ничто не могло встать у меня на дороге. А получив всего вдоволь, сошла с ума... Видите, и ногти обрезала. Посмотрела на них тогда в скорой и до того омерзительными показались. Никогда мне не нравились острые ногти, но не приходило в голову обрезать... Хищница нуждается в них на скрытом уровне, так ведь? Хищница... охотница... Как это вульгарно. А теперь... кто я теперь?.. Вы, кстати, в духов верите, доктор?

Диана удивилась:

— Что, простите?

— В духов. В меня может какой дух вселился... Люди же не сходят с ума ни с того, ни с сего?

— Нет, — успокоила ее Диана. — Это точно не дух. И вы не сошли с ума. Думаю, вы сами это знаете. Сумасшедшие ведут себя иначе. У вас переоценка жизненных ценностей. Это хорошо, хотя и мучительно.

— То есть... у меня какой-то банальный случай? — поморщилась женщина. — Какое-нибудь пресыщение? Вы это хотите сказать? Как у зажавшейся мажорки, которая не знает,

что еще ей хотеть?

— Я хочу сказать, что не происходит ничего сверхъестественного, — объяснила Диана. — Вы все имеете, гонка завершилась. Теперь вам нужно придумать, как расслабиться, научиться тратить деньги так, чтобы действительно получать от этого удовольствие. Вы много лет наблюдали, как цифры превращаются в цифры, как становятся гостиницами, машинами, ресторанами... Теперь вам важно видеть, как цифры даруют жизнь. Я имею в виду не просто благотворительность, я знаю, вы принимаете участие во многих фондах.

— Да, это так, — сказала Римма. — Таков закон денег. Я не знаю, куда уходят эти деньги, но это тот процент, который необходимо куда-то отдавать.

— А вы когда-нибудь видели, как работают ваши деньги попадая, к примеру, в Центр инвалидов? — спросила Диана.

— Нет. — Женщина задумалась. — Зачем? Это что-то меняет?

— В корне.

— Вы говорите с таким знанием. Что ж, просветите.

— Я говорю о том, чтобы участвовать в жизни этих ребят, — уточнила психолог. — Все и так знают, что больницы всего мира переполнены малышами, ждущих очереди на дорогую операцию. Но что, если не просто безотчетно бросать деньги как милостыню, а похлопотать о их благополучии лично?

— Участвовать лично? — переспросила Римма с удивлением. — Господи... Я даже не представляю... Это же... страшно!

— Вы боитесь детей?

— Детей... больных... инвалидов... Да!

— Почему?

— Они такие... беспомощные...

— Вот почему им нужна поддержка сильных людей, — настаивала Диана. — А вам нужно о ком-то заботиться. Это и есть баланс. Вы уже поняли, что деньги не принесут вам личного бессмертия, не избавят вас от боли. Но вы так же знаете, что они способны спасти жизни. Этот шрам на вашей коленке — напоминание о реальном мире, о который вы споткнулись. А точнее, ваше Эго. Оно, если выразаться фигурально, потерпело поражение, когда упало. Упало с тех высот, в которых находилось до этого. Что позволило вам увидеть вещи по-другому. При близком расстоянии, без призмы величия. Вот почему это не дает вам покоя. И в этом мире очень много боли. И как вам показалось, очень мало смысла. Именно поэтому вы здесь. Но говорить, что это банально — все равно, что сказать, что родиться на свет — банально, понимаете? Если назвать боль шаблоном, она от этого не прекратится. Не отступит. И не потеряет своего значения, увы.

— Вот значит как, — задумчиво протянула Римма, и выглядела она теперь совсем растеряно, как будто вся тяжесть собственных испытаний свалилась на нее огромной горой в ту минуту, и она смогла не просто почувствовать, но и увидеть ее. — Я у вас в кабинете тридцать минут, а вы уже указали мне на то, что я всю жизнь боялась больше всего... Боль... Да, любое страдание угнетает меня... Но этого всего можно избежать, если у тебя есть деньги. Ты как за каменной стеной за своими миллионами, спросите любого, именно это он вам и скажет. Я бы тоже хотела это сказать... Споткнулась о реальность, говорите... Какая точная формулировка. Разбилось Эго... Все же философия вас не портит... Интересно послушать вашу мысль. Вы хотите мне посоветовать что-то новое в благотворительности? Но

учтите, я не пойду кормить этих несчастных из ложечки. Понимаю, от убитого Эго до сестры милосердия один шаг, но не в этой ситуации. Говорю вам, слабость и страдания слишком угнетают меня... Посоветуйте что-то другое.

— Посмотрите в глаза родителям, чей ребенок выжил благодаря вашим деньгам, — сказала Диана.

Женщина остановила на ней взгляд, полный смятения и удивления. Смотрела не моргая несколько минут, явно шокированная таким предложением, и очевидно пыталась представить эту картину в полной мере. И неожиданно ее глаза наполнились слезами.

— Нет, — она замотала головой.

— Почему? — спросила Диана.

— А вы не понимаете? — Голос Риммы, до этого звучавший уверенно и грустно, задрожал и стал прерываться короткими горловыми спазмами. — Да, это принесло бы радость и гордость... Да, это даже сделало бы меня счастливой, почему нет... На миг! Один недолгий миг! А потом... я сошла бы с ума... Это такой провал! Потому что у меня нет столько денег, чтобы помочь им всем! Или что вы думаете?.. Эта помощь переросла бы в крах, вы разве не понимаете? Вы утверждаете, что в том сила? Нет, — резко возразила она. — Нет! В том вся слабость, вся, какая может быть. Беспомощность! Как я ненавижу беспомощность!

— Никто и никогда не сумел помочь всем, — успокоила ее Диана. — Ни Христос, ни Будда. Ни врач, ни спасатель, ни философ, ни меценат. Вы никогда не сможете спасти всех. Но те несколько жизней, поверьте, стоят того.

Женщина слабо улыбнулась сквозь слезы, протянула руку с длинными пальцами к стоящим на столике салфеткам, достала одну из них, зазвенев браслетами, и промокнула потекшую тушь.

— Диана, да вы промоутер. Вам бы в кабинеты чиновников...

— Пробовала. Это другой случай, — тихо засмеялась Диана. — Я просто пользуюсь вашим состоянием.

Женщина тоже засмеялась.

— Вам повезло, состояние что надо, я вам даже позволю им пользоваться. Ведь вам тоже теперь достанется, дорогуша. — Римма прищурилась. — Много-много часов моих стонов и плачей. Следует еще закупиться салфетками.

— Я готова.

— Что ж, тогда продолжим...

— Глава 26

Время ланча.

Солнце прорывается в окна острыми пиками, пронзая помещение, оживляя пылинки, танцующие в воздухе. Ей тоже хотелось двигаться, глядя на них. Двигаться, действовать, спешить.

Контакт с новой пациенткой налажен. Сеанс завершен.

Кажется все прошло замечательно!

Да, двигаться. Двигаться дальше!

Диана покинула все еще пахнущий дорогими духами офис, чтобы успеть где-то перекусить по дороге к другому. Очевидно она и правда успешный психолог, если

приходится плясать сразу между двух офисов!

Диана невольно улыбнулась, прыгнув через ступеньки подъезда, покидая здание.

Полуденный шум города мгновенно оглушил, а волосы взмыли вверх от дуновения ветра.

Диана привычно зажмурилась, поправила волосы и огляделась.

Лучики солнца, разрывая гигантскую парусину туч, скрещивались между собой в дуэли и искрили в воздухе настоящими фонтанами света. Это не давало ощутимого тепла коже, однако грело и радовало душу.

Она обратила взор к небу, продолжая улыбаться совершенно очарованной, детской улыбкой, как если бы впервые в жизни видела парящее в небе золото, рассыпающее слепящие солнечные зайчики, которые отскакивали от зданий и витрин, играя с прохожими.

Если бы люди умели быть такими же беззаботными и игривыми. Если бы кто-то учил нас этому с детства, или пусть бы даже не мешал сохранить в себе это озорство, эту способность радоваться всему происходящему, отскакивать от проблем с ловкостью мячика.

В детстве нужно уметь хулиганить. Чтобы из нас не выросла закостенелый взрослый.

Чтобы позже, когда похулиганить захочется самой жизни, мы знали правила игры.

Диана решила не сокращать путь, а прогуляться по улицам центра, которые убегали вперед и разветвлялись реками мощеных тротуаров. Грешно отказывать себе в таком удовольствии, когда идешь пешком.

Город как на ладони, ветер все настойчивее сбивает с ног. Но как она любит эти соборы и площади, эти подъемы и спуски. Эти широкие эспланады с аллеями, вечно запруженные людьми.

Ради них стоило пожертвовать теплым обедом и задержаться на холодном воздухе.

Можно прихватить что-то с собой по дороге, но лучше — ни на что не отвлекаться. А уж после, нагуляв аппетит, заказать что-то прямо в офис. В конце концов, столько ресторанов работают на вывоз. У нее есть визитка компании здорового питания, буквально кто-то оставил на днях.

Диана рассматривала идущие навстречу лица. До чего красивые девушки, такие стильные, соблазнительные, энергичные. А юноши крепкие, мужественные, деловые. Старички на прогулке, туристы с камерами. Никто никому не мешает, не путается под ногами, все плавно смешалось и слилось в одну картину.

Под тентами кафешек и сувенирных лавок собираются группками экскурсии — голосят и смеются, обнимаются, щелкают телефонами.

Ветра продолжают носиться как шальные, разнося запахи духов и этих невероятных ресторанных кухонь. А с наступлением сумерок волшебство, как водится, удвоится, и никакие синоптики не смогут препятствовать поклонникам города утонуть в его загадочных тенях.

Диана прошла к проспекту Свободы, к самому сердцу Львова — Оперному театру.

При виде величественного здания у нее пробежали мурашки по всему телу.

Скульптуры высокого фасада заставили ее остановиться, и в миллионный раз поразиться этой говорящей красоте. Этим прекрасным обнаженным богиням с атрибутами ремесла в руках — символами комедии и трагедии, на коих основано все театральное искусство, и точно так же — человеческая жизнь.

В самом верху, на фронтоне здания — изумительная сцена, в застывших позах изображающая дуальность мира. В центре ее мудрец, к ногам которого припал ученик. И вот

учитель открывает юноше ту единственную истину, что состоит из двух равноправных граней бытия: счастья и горя. По одну сторону от них льется вино и веселье кажется непрерывным, по другую — похищают молодую женщину и мать оплакивает погибшего на войне сына.

Неизменное родство радости и печали, смеха и слез.

А еще выше, над всем этим — крылатое существо: статуя Славы с золотой пальмовой ветвью в руках. Ее поза выражает бескомпромиссность. Высота, к которой стремится искусство всех времен, и любой человек в этом мире, часто непреодолима, и достичь ее дано единицам. Как и сама Фортуна — Слава крайне избирательна в своих идеалах и предпочтениях. И кто знает, чем расплачивается простой смертный, становясь ее фаворитом. По обе стороны от нее находятся гении: один с лирой, второй в образе трагикомедии. Счастливы ли они, эти одиночки, на фоне самого неба, что чувствуют, взирая вниз с такой высоты?

Диана уже совсем дрожала, но трудно было сказать от чего: от приближающегося мало-помалу циклона, или увиденной красоты. Она все дергала воротник пальто и прятала коченеющие пальцы в карманы, но это не помогало. Ветер устремлялся ей прямоком в спину, как если бы хотел приобнять, но вместо этого только причинял неудобство.

Меж тем Диана стояла еще какое-то время, любуясь театром. Ведь там, внутри, еще более поглощающая красота. Вот куда ей нужно, кивнула она, словно обращаясь при этом к Степе. Он бы одобрил. Она вдруг затосковала по атмосфере этого ни с чем не сравнимого чуда, по пышному внутреннему убранству театра, которое бессильны описать любые прилагательные.

Словно заглянув сквозь здание, она увидела эти невероятные стены и потолки, усеянные золотыми барельефами и фресками, гигантскими люстрами и бра, резьбой и лепкой, достойных Лувра. Вспомнила волны восхищения, отдающие дрожью во всем теле от присутствия в этом посвящении, на равне с сотнями других людей, находящихся с тобой в одном пространстве.

Этот неповторимый запах бархатных лож, сопряжение звука и света, льющихся просто в душу.

«Жемчужины оперного и балетного искусства. Гала концерт» — гласила трехметровая реклама на фасаде, приглашая на феерию. Диана взволнованно сглотнула, стараясь запомнить дату и время. Вечерняя премьера. Как же это будет прекрасно. Светящийся театр — золотой слиток на фоне густой синевы вечера — негаснущий огонь Прометея.

Колдовство, самое что ни есть колдовство, которому никогда не будет равных!

Господи, пусть как не меняются века и привычки, куда бы ни привел нас технический прогресс, благослови навеки оперу и театр!

Она взглянула на часы и с изумлением обнаружила, что простояла так около получаса.

Куда девается время, прикасаясь к прекрасному?

Транс, милочка, ответил бы ей профессор, это все транс!

Но у нее оставалось все меньше времени до нового сеанса, а работы на сегодня еще предостаточно. Нужно как можно скорее добраться до офиса и успеть заказать поесть.

Диана не без сожаления повернулась к театру спиной и поторопилась в нужном направлении.

Премьера уже на днях. Не забыть забронировать билет. Кого пригласить с собой? Такое удовольствие нужно непременно с кем-то делить. В последний раз она была там со

Степой... Ох, в Вене наверняка есть великолепная Опера! Господи, как же хочется туда попасть! Может, устроить себе такой подарок на Новый год? Это было бы замечательно...

Солнечные зайчики снова выпрыгнули из-за туч, ослепив собою пол тротуара.

Диана поняла, что увлеклась грезами, когда просто перед ней из внезапного столпа света возник трамвай и покатился мимо, издавая ни с чем не сравнимый грохот.

Она замедлила шаг, пропуская его.

И все же этот город поразительным образом умеет изменять ход времени, и, стоит только поддаться его влиянию, неумолимо погружаешься в мечты...

* * *

В офисе было тепло и тихо. Диана подняла ролеты и небольшая комната наполнилась светом.

Она села за свой стол и долго растирала руки, пока они не стали горячими, затем нашла в столе визитку с доставкой обедов и стала набирать номер. Но не успела закончить набор, как телефон в ее руке зазвонил.

Она удивилась, когда поняла, что звонит Оксана.

Неужели хочет перенести назначенный на завтра прием?

— Алло, — ответила Диана, отложив визитку.

— А как же «Титаник»? — услышала она неожиданный вопрос.

— Что? — Женщина оказалась сбита с толку. — Какой «Титаник»?

— Вы говорили, что люди в критической ситуации стремятся спасти другого... что-то там активизируется... какой-то супер-человек... Но это не так! Вспомните «Титаник». Там стреляли по людям, чтобы они не лезли в лодки. Эти же лодки оставались пустыми... Я не знаю, что такое на самом деле мое Я. Может все то, что тогда наговорил ваш Ярослав. Может, он то и разобрался... А мне это ничего не объясняет. Я думаю, мое Я не стало бы бросаться кому-то на помощь. Вы тогда сказали, что это исключительные ситуации. Да, они исключительные. Так могут только единицы... И в волонтеры я не пойду, хоть понимаю, как это важно и все такое... Видите? Я пустая и циничная. Как и все вокруг. Я часть безразличной толпы. Это называется малодушием, Диана Александровна. Слышали такое слово? И даже с идеальной внешностью я была бы такой же уродиной внутри... Вы только попусту время со мной теряете, вместо того, чтобы помогать тому, кому это надо... Видите ли, моя мать очень хотела поставить галочку перед обществом. И вот что из этого получилось. Пустое существо, которое ничего не ценит...

— Так не бывает, — перебила ее Диана, чей пульс заметно участился, уловив недвусмысленное настроение в интонации девушки. — Не только твоя мать чего-то страстно жаждала в жизни. У тебя тоже есть это желание. Есть. И я знаю его. Не во внешности дело. Это не самая страшная из проблем. И ты это понимаешь. Оксана, ты нуждаешься в том, чтобы любить кого-то. И чтобы этот кто-то также любил тебя. Оксана, это и есть основа жизни. Это и есть вся тебе психология. На «Титанике» не все погибли. И кто-то стрелял по живым людям, а кто-то потом доставал людей из ледяной воды. В любой трагедии есть надежда. Прошу тебя, просто дай себе этот шанс! Шанс дождаться звездного часа. Ты будешь счастлива!

— Правда? — обреченно засмеялась девушка, и этот смех судорогой пробежался по телу психолога. — Долго? Даже если все так и случится, как вы говорите, и этот звездный час наступит... он все равно закончится. Мне разобьют сердце, меня бросят, унижат, оскорбят,

наплюют на мои чувства. Зачем мне знать эту боль? Зачем жить в ожидании ее?..

— Оксана, твоя мама не виновата, что ошиблась в выборе мужчины, — снова заговорила Диана. — Но она не ошиблась с тобой. Пусть ей не досталось женское счастье, восхищенные взгляды, но у нее есть ты. И ты не пустое место. Как и она. Оглянись же! Влюбись! Пусть это будет ошибка, пусть это будет боль, но боль и есть часть жизни! Сколько прекрасных романов, фильмов о трагичной любви, и именно эти истории ценятся выше всего. А знаешь почему? Потому, что только так познается собственное Я. Оно реагирует на боль... В действительности, ты не знала этой боли, поэтому тебе кажется, что ты не имеешь вообще никаких чувств, что пуста и малодушна... Сделай любовь причастной к своей жизни,пусти ее в свое сердце. Разреши ей быть! Позволь себе разочаровываться, болеть, страдать, возмущаться и плакать. Позволь себе просто жить!

— Как же вы красиво умеете говорить, Диана... — печально проронила девушка. — Так поэтично, возвышенно... Я даже пыталась вам подражать... В вас гибнет драматург, знаете? Вас приятно слушать... Но все это не про меня. Кого любить? На кого оглянуться?.. Я раб масмедиа, без целей и стремлений, с пустыми мечтами, выгодными кому угодно, только не мне. Раб, эксперимент, карикатура общества. Вот что такое мое Я. Вы точно сказали, проснись я завтра Меган Фокс в телевизоре, я бы себя и за это ненавидела. Нет, я бессердечна и эгоистична, мне плевать на чувства других, хотя сама я страшно боюсь быть уязвленной...

— Оксана, дай себе шанс. Просто дай... И маме, и мне... Прошу тебя, — прошептала Диана.

— Простите, но мне нужно идти...

— Нет! — Диана вскочила, беспомощно зашагав по кабинету. — Скажи, где ты? — От волнения ее голос начал срываться. — Скажи, я сейчас же приеду. Нам нужно поговорить.

— Мы уже говорили, много говорили, целыми часами... Спасибо вам за все, Диана Александровна... Вы мне нравитесь, правда... И вы тут ни при чем...

— Нет, послушай! Оксана, прошу тебя... Алло? Алло?!!

Связь прервалась. Сердце женщины пронзило острой спицей, отчего ноги подкосились. Она упала в кресло, задрожала всем телом и застонала, буквально переходя на хрип:

— Что же ты делаешь, глупая! Что ты делаешь?..

Руки неудержимо тряслись, пока она набирала обратный вызов. Безрезультатно. Абонент не отвечал, телефон успели отключить.

В это невозможно было поверить. Просто невозможно!

Радость и легкость, наполнявшие ее до этого момента, превратились в удушающий газ.

Комната показалась слишком тесной. Нужно открыть окно. Открыть чертово окно!.. Лучше выйти на улицу... Но Диана не могла пошевелиться... Что теперь? Она прижала к лицу сжатый в руке мобильник, продолжая трястись от неумолимого ужаса.

Девчонка убьет себя! Господи! Она сделает это!

— Зачем она попала ко мне? — запричитала Диана, не в силах преодолеть нарастающую панику. — Что за чушь я молочила все это время? Что я делала?.. А как же оценка суицидального риска?.. Почему я ее не гипнотизировала?.. Ей нужен был совсем другой подход! Я дрянной специалист! Боже мой, совсем дрянной!.. Что я возомнила о себе? Зачем взяла на себя такой грех... зачем пошла в психологи?.. Лучше бы стихи писала, уж если во мне погибает драматург... — Она болезненно всхлипнула, закрывая лицо ладонями. — Несчастный ребенок... Что я скажу ее матери?... Боже, пусть эта маленькая

дурочка ничего не делает!.. Боже, спаси этого ребенка! Прошу тебя, хотя бы этого спаси!..

Глава 27

Возможно, имей Ярослав выбор, он бы никогда не помыслил о другой стране.

Но кто упускает такую возможность?

Это та редкая ситуация, когда изъян сыграл роль в его пользу. Собственно, главную роль играли все таки его извилины, но даже их могло оказаться недостаточно. Сам факт предлагаемых ему шансов все же опирался на программу помощи инвалидам.

Конечно, тогда, год назад, он здорово психанул, напившись таблеток. Сейчас хотелось бы скрыть эту тему как можно дальше, в какую-нибудь темень подсознания. Но Диана убедила его не делать этого. Уж лучше смех сквозь слезы, чем отрицание.

Очень горько сознавать свою слабость. Да и кому? Тому, кого всегда ставили в пример. Тот момент настолько отчетливо сохранился в памяти, что мороз пробегает по коже. Это не то, что люди называют «накатило», это совсем другое. Он отлично понимал, зачем он это делает — вот что страшно. У него не было ни сомнений, ни опасений. Как будто все только к тому и шло.

И то, как наступила его «секунда слабости». Это было не затмение, а холодящее кровь прозрение. Как некая идея, содержание которой несет собой сакральный смысл, ранее недоступный, а тут — бац! — и все стало на свои места.

При этом ты ничем не меняешься внешне. Никто и подумать не может, какой целью ты теперь охвачен.

Сейчас он шутит, что в голове у него тогда просто что-то сломалось. Он же постоянно в поиске новых решений, мозги чем только не заняты, вы что не знаете, как это бывает? Глюк системы. Эти глюки — они такие — вечно за них расплачивайся!

Только правда в том, что глюков случайных не бывает... У глюка есть целая цепочка развития...

Бомбу проектируют и собирают еще задолго до того, как она пригодится. Иногда она долго стоит где-то в лаборатории, а потом где-нибудь в ангаре в глухой провинции. И она, конечно, может простоять там целый век, о ней могут забыть, либо просто не использовать по назначению. Но может наступить та самая секунда, когда она сработает. Всего секунда, чтобы нажать кнопку пуска.

Никакая ни минута, ни две, ни получас!

Его бомба зрела незаметно, самым изощренным образом подбираясь к сознанию.

Так зреют опухоли. Люди узнают о них внезапно. В тот момент их жизнь меняется полностью. Но иногда у них есть надежда, шанс на борьбу.

В его случае ни о каких шансах даже речи не шло.

Когда они беседовали с Дианой, она пытался заглянуть в эту тьму, вытащить из нее ту нить, по которой идея выбралась наружу.

Злость на судьбу? Да нет. Он свыкся со своими обстоятельствами, нашел пути для реализации, этого вполне достаточно. Жалел себя? Опять же нет. Пусть жалеют себя те здоровые, пышущие люди, которые носятся по свету и все не могут обрести долгожданного счастья. Родители? Да что о них думать, он справлялся и без них, и вряд ли ему было бы с ними лучше. Скорее, наоборот, привык бы ныть и жаловаться, но судьба предоставила ему шанс научиться быть сильным и уметь выживать. Так что, если бы предоставился случай, он

бы их даже поблагодарил...

Нет же, он не чувствовал себя неполноценным. Просто... Все стало бессмысленным...

Столько усилий для жизни. Зачем? Человек только отстрачивает неизбежное.

Это как ребус. Юмор Создателя. Вот кто его разгадает, тот и посмеется.

Нет, ему было тогда не до смеха. Напротив, он был собран, непоколебим...

А сейчас...

Смерть прошла слишком близко, чтобы понять, для чего нужно жить!

Именно для чего — для чего! — а не зачем!

Для всего, черт побери! Для всего!

Из этого даже не составишь список! Слишком много всего, что он мог потерять одним махом! Одной бесповоротной секундой.

Он дрожал мелкой дрожью, вспоминая то злосчастное мгновение, и не осталось более ничего, как только сделать из этого приличную юморину. Понимаете, да? Горе от ума. Если будете умничать так же много как Ярик, дойдете «до ручки».

Диана оказалась рядом как нельзя кстати. Оказывается, она сама вызвалась ему помочь. Их общение всегда было очень родственным, дружеским. Она относилась очень трепетно к людям с физическими изъянами. Эта удивительная женщина умела понимать такие тонкости, которые обходят стороной большинство людей.

Ярослав многое обдумал. Благодаря их общению и этим выводам, он наконец перестал бояться, что однажды тьма в его голове снова обретет видимость ясности. И поражающе внятный голос шепнет что-то такое, от чего невозможно будет убежать.

В его схронах не осталось больше бомб, которых стоит опасаться. А если и припряталась одна, он знает, как ее обезвредить.

Потом, выйдя из реабилитации, первое что сделал — разослал свое подробное резюме буквально по всему свету. Наверное, чтобы как можно скорее оправдать свой поступок. Чем ответит ему мир за то, что он отверг его? Не смог полюбить? Не сумел понять. Разве это проблема мира, что ты не смог его принять и полюбить?

Ты ставил цели, старался и рос, радовался, добивался. И мир шел тебе на встречу. А потом ты просто решил все «слить» как что-то непотребное.

Решение казалось логичным, но ты ошибся.

Все что ты можешь — поблагодарить судьбу за второй шанс, и двигаться дальше еще упорнее!

Поэтому он и разослал свое резюме самым смелым, если не сказать — наглым образом. Куда уж ему теперь после всего пасовать перед работодателями, пусть и самого непостижимого уровня, пусть даже мирового потолка! Пусть все теперь узнают про него.

И словно сама Вселенная услышала его, улыбнулась ему, компенсировав его чувство вины и страха расплаты. Электронная почта вовсе не разразилась ответами, и вакансии не посыпались на него градом, конечно нет. И он не сидел и не раздумывал о том, что выбор просто ужасающ, как же правильно поступить, куда ехать, придется бросать жребий или просто ткнуть в глобус наугад. Но то, что он получил превзошло любые надежды.

Среди отказов и кое-каких весьма сомнительных предложений, оказалось нечто особенное. И работодатели не просто восхищались его резюме, они приветствовали возможность взять в компанию именно такого человека. Ему пришло письмо с четким разъяснением по устройству на корпорацию людей с ограниченными возможностями, их режиме, системе работы, с дополнительными льготами и жильем. Работать при таких

условиях, без конкурса на вакансию и прочее — настоящая сказка! Ему ясно дали понять, что он нужен миру.

И это не просто какая-нибудь развивающаяся отрасль, а глобальная сеть. Не просто интернет, не просто компьютерные технологии — а будущее! Господи. Его берут самые что ни есть Монстры! Киты технологий!

Вселенная, за что ты так щедра?!!

Место локации — Калифорния. Ему предложили контракт на год. По существу, формальность. Если обе стороны останутся довольны, год выльется в два, а два в три, а там видно будет. Главное, чтобы его талантам нашли применение, и тогда он, скорее всего, сможет работать из любой точки мира.

Ему оставалось только собрать все необходимые для выезда документы. Виза уже почти на руках. Возможно Новый год он будет встречать на другом континенте, в кругу новых знакомых.

Это почти что казалось сном. Ярослав не знал до конца, что он чувствует: радость или волнение. Очень смешанные чувства. Странно было срывать куда-то с привычного места, он и в другой город не часто выезжал, а тут все сразу переменится, придется приспособливаться к новому месту, к новым условиям.

Но останавливаться он точно не собирался. Что теперь послужит помехой? Коляска была помехой для его родителей, сбавивших его в трехлетнем возрасте в детдом, поняв, что «нормальным» он уже не будет. Да, он ненормальный. Он чертов вундеркинд! Он пишет компьютерные программы с девяти лет. По представлению своих родителей, он не должен был уметь написать даже собственное имя.

Ярослав мог бы работать дистанционно. Но такой вариант казался скучным, каким-то неполноценным. Да и где эти ваши перспективы роста? Ему нужен весь мир! Весь этот гигантский шарик!

Он не будет сидеть на месте, что бы там про него ни думали. Никогда. Колеса, приросшие к заднице, остановили бы кого-угодно, но уж точно не его — лучшего игрока в турнирах по баскетболу среди инвалидов, многократного победителя шахматных и математических соревнований, и обладателя мешка грамот и наград по чему-угодно: от столярного мастерства до создания алгоритмов.

Мир просто обязан познакомиться с ним!

Несмотря на такие большие амбиции, в быту Ярослав сохранял простые привычки, и пока что его устраивало такое положение дел. Например, в обеде он предпочитал всему прочему гречневую кашу, и запивал ее обильными порциями томатного сока.

Сейчас он находился практически на финишной прямой, тарелка была почти пуста, он снова наполнил только что опустевший стакан из пакета и отпил, вытирая излишки на губах салфеткой. Сидел за столом просто у монитора, развлекаясь короткими смешными видео из интернета. Так он отдыхал от запуска сайта, — обычная подработка.

И в этот самый момент ему позвонила Диана Александровна.

Он не узнал ее голос. Она говорила сдавленно и в то же время кричала от ужаса.

— Я дам тебе ее номер... Ты можешь найти ее?.. Вычислить по телефону!.. Я знаю, ты такое умеешь... Запилинговать... кажется это так называется... Господи, она убивает себя просто сейчас, в эту самую минуту... Ярослав, мы должны найти ее!..

Он быстро сообразил, что к чему и принялся действовать. Проблема была в том, что девчонка отключила мобильный. Через какое-то время ему удалось установить, где она

находилась в момент последнего соединения. А позже телефон снова подал сигнал.

Это была городская Ратуша. Он просто глазам своим не поверил, увидев маячок на веб-карте.

Он бы никогда до такого не додумался.

Ты точно двинутая! Просто на всю голову!

Что она будет делать? Ярослав вытер вспотевший лоб и поглядел на часы. До закрытия Ратуши часа три как минимум. Станет ли девчонка дожидаться закрытия, или сиганет просто сейчас?.. Он напряженно вглядывался в монитор. Думай, думай, Ярослав... Ярослав Мудрый! Мудрый лоб, как говорят друзья! Давай, мудрый лоб, дробь, терзай, решай эту задачу. Как бы ты поступил на ее месте? Да, на ее месте, приятель!

От напряжения он стал грызть заусенец на пальце и качать головой, как китайская болванка. Так лучше думалось. Привычка с детства. Его даже называли аутистом из-за этого. Они почти отгадали. Аутисты, насколько ему известно, включают сразу сто процентов внимания на каком-нибудь действии или предмете, поэтому для них является нормой подсчитать, сколько зубочисток в упавшей на пол коробке, лишь мельком поглядев на нее. Обычные люди так не могут. Вот и он делал все возможное, чтобы как можно сильнее сконцентрироваться на нужном вопросе, абстрагировался до того умело и настойчиво, что доходил временами до изнурения, однако добивался своего. Там где есть задача, всегда есть ее решение. Главное настроиться на это решение. Оно придет.

Работали бы ноги, он наверняка был бы из тех, кто вечно дрыгает ступней под столом. Скорее всего, этот моторчик не выключался бы. А так в его распоряжении только руки. Но сейчас у него, к сожалению, не было времени для длительных раздумий. Ситуация не просто щекотливая, — за ней стоит жизнь!

Тогда он стал трещать суставами, но это страшно раздражало его самого.

Девчонка уже позвонила Диане. Попрощались. Значит, все решено.

Но неужели она посмеет сделать это публично? Просто на глазах у туристов?

Уж войдет в историю так войдет! Врежется в нее со всей дури. Там какая высота? Этажей двенадцать?

Поступить так со Львовом? Ну ты и гадина!

Решила не оставлять себе шансов. Прыгнуть легко, а падение уже не отменить... Самый верный способ, без вариантов! Всего одно движение. Одна секунда... Никаких капельниц и психологов...

Но может есть время? Что, если она спрячется, дождетя ночи?.. Зачем ей ждать ночи? Ты бы ждал ночи?.. Там такой дубарь сейчас, свистит как на Говерле. Она скорее замерзнет насмерть в таком случае. Нет, все к сожалению именно так, как сказала Диана, девчонка сделает это сейчас!

Слишком поздно.

Ярославу ничего не оставалось, как просто позвонить в милицию. Разумеется, не просто рядовому участковому на приеме, а знакомому человеку. К его услугам прибегали не только заказчики сайтов. Если поспешить... кто знает... шансов почти ноль... Нужно очень, очень поспешить...

Ярослав слишком хорошо помнил ее взгляд...

Как жаль Диану. Она такого не заслужила. Сожрет себя этим!

Парень с яростью ударил по столу, от чего тарелка с гречкой перевернулась, а сок расплескался. Вечно из-за поступков одних страдаю другие!

И девчонку тоже жаль.

Но кто знает, может мольбы Дианы Александровны все таки будут услышаны?

* * *

В этот раз все будет красиво.

Красиво для нее.

Но там, внизу... это будет выглядеть... Зачем думать об этом?

Чего еще достойно ее омерзительное тело? С чего она вообще решила, что должна умирать, как героиня немого кино — в гриме и в роскошном платье, на кружевной постели, с пузырьком в руке?

Что дала ей восхваленная всеми природа?

Вот то пусть и получает!

Вчера она выдержалась на крышу многоэтажки, банально использовав пожарную лестницу — такую, что торчит крючками из кирпичной стены, и ничего хорошего не сулит. Человек в здравом уме, тем более с ее весом, ни за что бы туда не полез. Но у нее не было страха. Она даже ни разу не поскользнулась. Пальцы цеплялись за эти холодные, тонкий, почти острые прутья — и ничего... Вообще ничего.

Обычно она не употребляла алкоголь, но теперь — почему бы и нет? Сколько нужно, чтобы напиться? Комплекция имеет значение? Она ничего об этом не знает. На вечеринки ее не особо приглашали.

Вырвет ли ее от непривычки?

Ко всему в жизни нужна привычка?

Даже привычка к самой жизни!

Девушка ухмыльнулась, губы лишь слегка дрогнули при этом.

Надо же, она размышляет почти как Диана Александровна...

Чтож, извини меня, Диана... Ты пыталась. Видит Бог, пыталась. Из шкуры лезла. Никто бы не сделал и половину того, что сделала ты. Жаль только с пациентом тебе не повезло...

Оксана потому и позвонила ей сегодня. И даже письмо написала, оно лежит у нее в рюкзаке. Написала, что мать и Диана ни при чем... Уж они точно ни при чем!

Вчера она долго простояла на крыше, и практически уже решилась... но вот про это письмо и подумала... Да и место показалось недостаточно торжественным. Каждый день, что ли, разбиваешься? Нужно что-то эпичное. Что ей может предложить этот город? Этот воспетый каждым, кому не лень, город львов! Вечно набитый туристами, художниками, всеми этими мнительными творческими натурами, романтиками, которые слетаются сюда, как саранча.

Диана так много говорила про выбор.

Оксана сделала этот выбор. Пусть это будет грандиозно! Нагло. И шикарно! Чтоб не просто головой вниз, а напрямик в городские хроники! Лихо, да?

В этот раз она даже вроде по-настоящему засмеялась, выдала коротенький гудок сквозь ноздри, от чего из носа тут же потекло. Она обтерла лицо манжетом, не заботясь про свой внешний вид. Какая-то парочка покосилась на нее. Стоят тут! Жмутся. Изображают любовь! Через год на том же месте будут уже с другими. Точно так же изображать любовь!

Людей на самом верху, на смотровой площадке Ратуши, кроме них почти больше нет. Хоть впрочем это ничего не меняет.

Здесь запрещалось пить, по крайней мере так гласила табличка. Но охранников она

нигде не наблюдала. Поэтому достала маленькую бутылку с очередной химической отравой и принялась быстро опустошать ее. Как ни странно, холодная жидкость в стекле, мерзко пробегая по гортани, в желудке мгновенно обращалась во что-то огненное. Уже через несколько мгновений она почувствовала, как жар прилил к ее животу, бедрам, спине, затем к рукам... И в голове сделалось мутно. Совершенно мутно. Как если бы она надела какой-то целлофановый пакет на голову. Чувства притупились мгновенно... Она словно бы уснула... Не полностью, но... Потеряла ощущение того, что стоит здесь, у края пропасти... Только голова все так же кружилась, когда она смотрела вниз...

Не прогадала... Идеальное состояние, чтобы перешагнуть через парапет... Просто юркнуть, порхнуть, как какая-нибудь птица-тюлень! Ха-ха-ха, птица-тюлень!

Оксана резко вскинула руки, и сама того не заметив, громко закричала:

— Юхххуууу!

Парочка снова неприязненно покосилась на нее и отошла в сторону.

Оксана злобно прыснула и показала средний палец им вслед. Ее внезапно одолело необъяснимое веселье.

Хочу музыку!

Пришлось снова включить телефон. Она специально выключила его, чтобы никто не мешал... Но какая разница!

Она одела наушник и включила «Колдплей». Ну нет, совсем дохляк. Под такое только вешаться. Потыкала список в плеере, нашла «Парл Джем». Ааа, пускай его! Подойдет.

Весело должно быть, весело!

Однако лишнее внимание к себе лучше не привлекать, подумала она, снова заметив парочку, да и тетка какая-то, уходя, все поглядывала в ее сторону. Ничего. Они сейчас свалят. Все свалят. А она останется...

Никто не знает, где она. Никто не знает, что у нее на уме.

Мать так вообще думает, что она у бабки гостит.

Нужно отключить симки... вот... только музыка... только, мать его, хардкор!.. Она снова пьяно прыснула. Что такое этот ваш хардкор? Забыла прогуглить... А столько раз видела эту дурацкую мемку в интернете. Хардкор... Наверное жесть какое веселье! А у нее что тогда, если не хардкор... хардлайф? Тяжкая жизнь?

Ее жизнь вряд ли можно было назвать тяжелой — по общим меркам. Тут Диана права.

Но только я вам не «общая мерка»!

Радоваться как все, придумать массу фальшивых поводов? Кичиться этим суррогатом, этим плевком, издевкой?

Как эти вот целующиеся... Как он ее обнимает, трет пальчики, чтобы, упаси Боже, не замерзли. А нужно ему только одно — развлечение на пару ночей. Больше его ничто не волнует, как впрочем и ее, скорее всего. Тонна общих фоток в интернете, чтобы все потом перечеркнуть, забыть, выбросить. Они это оба знают. Вот только нужна история, не для себя — для других. Закричать свою пустоту, заржать свои слезы, закривлять свое неумение любить. И жить этим какое-то время. Пока не закончатся силы для притворства. А дальше — все по новой.

Потому что внутри ничего... ничегошеньки! Это даже дураку понятно.

Вот поэтому она так ненавидит этот мир. За его кривляние! За вот это вот притворство! За эту мораль без морали. За эту красоту без красоты. За эту доброту без капельки добра.

Сплошное, бесконечное притворство!

Потому что если ты — обычный, и ничем не выделяешься — так притворись! Не любишь? Притворись. Не умеешь быть сильным? Притворись. Унижай слабых, дерзи, а крутому льсти без меры. Ничего не умеешь? Вливайся в систему, там все такие, притворись, что обрел свое место. Притворись. Притворись. Притворись!

Никогда не останавливайся, сделай это своей привычкой, своей реальностью, поверь в этот сраный, старый, проеденный молью цирк, как в свою собственную судьбу среди гниющих декораций! Улыбайся. Мир любит идиотов!

Сплошь актеры и актрисы, заполонившие все своим весельем. Ярмарка тщеславия, на которой не прекращают торговать дешевыми побрякушками, выдавая их за алмазы.

А здесь, в реальной жизни — пустые куклы, косящиеся на других с ехидством.

Она так хотела быть настоящей...

Что вы думаете, Диана, я не пыталась?!!

Не старалась верить, что чего-то стою, что меня можно просто полюбить?.. Просто как человека!

Разве кто-то кого-то любит, как человека?

В это невозможно поверить! Я пыталась! Покажите мне достойный пример...

Волонтеры... Диана, вы, конечно, добрая, но до чего наивная! Ну помог кто-то кому-то пару раз, и что? Вы расцениваете это как спасение? Как любовь? Вы хоть сами в это верите? Верите, что вспыхивает искра, зарождается что-то бесценное? Божественный дар, человечность? В такой как вы — да, несомненно! Но оглянитесь! Почему вы думаете, что все люди одинаково отзывчивы?

Полистайте тот же интернет. На что готовы ваши замечательные люди ради лайков? Не только последние мозги, но и совесть выплевывают сквозь зубы, как застрявшую шелуху. Это сейчас модно и актуально. Да здравствует новая эпоха! Диана, почему вы еще не с ними?

Вы все ждете, пока вспыхнет искра?

Как бы я хотела, Диана, чтобы ваши добрые надежды имели успех! Но это не надежды, это иллюзии!

Вы даете шанс тому, кто давно его просрал. Миру не нужно ваше благородство, ему нужен силикон и бабло, как можно больше бабла — чтоб всех купить!

Люди знают, что им засоряют головы, знают, что лишают их ума и чести. Но принимают свое положение без оглядки. Вот вся вам правда! Продолжают играть в этот сумасшедший дом! А истинно разумного, или с этой вашей искрой в сердце, они заклеят и заплюют, подвергнут насмешке и сделают психом! Забыли, кого отправляют на крест?

А вы говорите о милосердии... Не судите по себе остальных!

Ваши волонтеры... они — святые... но они психи!

Что вы там себе решили, что записали в свой блокнотик про депрессивную девочку Оксану? Может и на ней волонтер женится, — так, из сострадания? Ребеночка ей забавляет из сострадания. А потом слиняет, чтобы она повторила мамин сценарий. Зато соседи уже не скажут, что она по чем зря живет.

Да пошли вы!

Мир всячески демонстрировал ей, что ее НЕ ЗА ЧТО любить! И что его любить не з что ТОЖЕ!

У него не осталось той разменной монеты, что подошла бы ей.

Мать просто хранит идеалы... Она привязана к этому, как еще к одному мерилу жизненного статуса. Жизнь дрянь, зато есть ребенок. Это как бирка, с которой можешь

выходить в общество и маршировать в параде достоинств, не боясь отстать от других, — картинно изгаляться и выпячиваться...

Оксана снова булькнула носом, издав подобие смешка.

А в противном случае что? Перешептывания за спиной, сочувствие знакомых? Осуждение?

Уж лучше эти фальшивые обязательства, лишь бы не одной? Чем-нибудь заполнять вечера, годы — все так же для галочки? Чтоб только не хуже, чем у других! Если не жизнь, то хотя бы иллюзия жизни. Если не семья, так иллюзия семьи. Если не любовь...

Вот из-за чего мир рухнул. Из-за этих дебильных пунктиков!

Неужели никому не приходило в голову, какой ад достается такому ребенку? Такому человеку!

Слезы навернулись ей на глаза. Быть всего лишь заполненным пунктиком в чьей-то жизни. И ровно никем — в своей.

Оксана снова пригубила ледяное горлышко бутылки, допила кисло-приторную бурду, щепавшую язык и отдающую тошнотой, но целенаправленно бьющую по мозгам. Поставила пустую тару на пол площадки и оглядела горизонт вокруг.

Она стояла на самом краю, прижимаясь к парапету.

Ветер все время хлестал ее по щекам, словно пытался отрезвить.

Она все обтирала нос рукавом. Слезы прорвало плотиной. Снова все растекалось перед глазами. Алкогольное веселье быстро сошло на нет. Все сильнее накатывала обида. Даже музыка в наушнике совсем уплыла куда-то, стала неразборчивой, она уже забыла про нее. В ушах шумел ветер и кипела злость.

А внизу действительно красиво. Черт побери! Как красиво!

Особенно, когда солнце бликует на этих разноцветных крышах. На одной из них кто-то даже оставил любовное послание...

Но все это не для нее. Жизнь сказала ей это сразу. Не оставила ни шансов, ни сомнений.

Ты не вписываешься! Проваливай!

Так чего же ты ждешь?

Время пришло...

Глава 28

Диана стояла перед открытым окном и смотрела, как поблескивают в беглых лучах заходящего солнца окна и крыши зданий.

Пейзаж частично смешался, а отдельные фрагменты, напротив, стали поразительно отчетливы. Как вон тот букет ярко-красных роз в окне напротив, и стоявшая рядом чашка. Она практически чувствовала запах цветов и могла разглядеть следы помады на чашке. Или, к примеру, каждый изгиб на гипсовых перилах одного из балкончиков, в то время как все прочие, такие же в точности балкончики, выглядели как серый фон, поглотивший стену дома...

Оттого что тучи быстро проплывали по небу, казалось, все, что находится внизу движется вверх тормашками в водах бескрайнего серого океана. А случайные вкрапления среди туч — белые или янтарные островки — это лишь пена, в которой отражаются косые лучи солнца.

Куда несет этот безмолвный океан наш город, наш мир? Все эти большие и мелкие

драмы? Есть ли в тех глубинах кто-то, кому есть дело до этих драм?

Поднимая голову на хмурое небо, чувствуешь, что тонешь. Тонешь, а не паришь...

В окно прилично задувало. Странно, но ей не было холодно.

Одна из пластиковых ролет постоянно вздымалась, как парус, тут же падала назад и резко хлопалась о стекло. Какая неудобная вещь, оказывается. Нужно установить жалюзи, старые, проверенные временем жалюзи. От них много пыли. Зато никакого шума.

Окна должны отменно функционировать. Окно — артерия комнаты. Комната без света и воздуха все равно что гробница. Темнота необходима только в крайние моменты, и лишь с тем, чтобы после выйти на свет. Да. Свет и воздух. Что еще способно так отрезвлять и приводить в чувства, как свет и воздух?

Диана стояла возле своего стола, упираясь животом в подоконник. Холод пронизывал ее насквозь. Скрестив руки на груди, приобняв себя за плечи, она меж тем старалась укрыться вовсе не от холода...

Работу на сегодня пришлось завершить.

Люди нуждались в ней, но она ничего не могла сделать.

Диана чувствовала себя как страус, который прячет голову в песок.

Хуже. Обезглавленный страус, которому не спрятаться уже никуда.

Она не могла сдвинуться с места. Не могла говорить. Не могла думать. Словно одеревенела.

Это случилось с ней. Да. Это случилось.

Она позволила себе впасть в крайность: поверила в сверх силу психологии. В то, что можно исцелить кого-угодно от чего-угодно. Хотя сама, сама еще несколько часов назад объясняла своей новой клиентке Римме, что это не так, что спасение человечества — идиллическая мысль.

Диана прекрасно помнит наставления профессора Кашенко. Что там! — знает их назубок, как какую-нибудь молитву, мантру или заклинание. Но сейчас ничего не работает.

Нет, нет, ее трясет совсем не от холода. Это даже не внешняя дрожь. Что-то тяжелое, резкое пробегает неудержимой судорогой по позвоночному столбу. И это очень, очень жуткое ощущение. Челюсти сцепило и, кажется, она не может их разжать. Если она не устоит на ногах, вот прямо сейчас, то упадет и еще долго не сможет подняться. И не просто подняться, а прийти в себя. Не ясно даже, что именно удерживало ее от этого падения. Может вот этот вот подоконник и вид неба за окном?

Со стороны могло показаться, что она спокойна и задумчива, так подумал бы любой, глядя на нее. Диана знала, что это какой-то нервный паралич, ступор. Всего лишь один из инструментов самозащиты из большого арсенала организма, — крайне непредсказуемого.

Она профессионал, и прекрасно понимает, что с ней происходит.

Но не может с этим совладать. Не может найти ни одного аргумента, которому под силу унять эту нервную дрожь и избавить ее от оцепенения.

Главное, дыши. Ты справишься... Просто дыши.

Это все, что она могла себе приказать, с тем, чтобы суметь исполнить. Всего лишь дышать и... ждать.

Как же пафосны и далеки от истины заявления интернет-психологов, в запасе которых к тому же лишь парочка клише, с этими их вебинарами и целыми школами, начиная НЛП и заканчивая самоидентификацией, что психология всемогуща! Судя по речи некоторых из них, по мимике и утверждениям, стоило бы посоветовать им самим обратиться за помощью.

И вот они забивают людям головы идеей, что нет той области, которую они бы не смогли покорить. Называют себя профессорами, разработчиками уникальных методов, восхищая статусами и количеством клиентов. Главное — подход. Все, что пожелаете. За ваши деньги, разумеется.

Приходите, мы все у вас там исправим: препарлируем, вырежем, стерилизуем ваши комплексы и сотрем все недостатки, сдерем шкуру, если понадобится. Сделаем из вас сверхчеловека!

Единственный профессор, которому она имеет основания доверять, говорит другое. И он не жадный публичный шарлатан, которому мерещится еще один дом у моря, или «Феррари» вместо «Мерса». И он далеко не пессимист. Но он предельно трезв и честен. Со всеми. А в особенности — с собой. Его опыт не каждому по плечу, и все же он признает свою несостоятельность в отдельных случаях. Признает!

Что бы вы ни думали, и как бы не уповали на терапию, сразу охлаждает Кашенко пыл первокурсников, но не все истерии и фобии поддаются лечению, не все семьи возможно сохранить, и не всех несчастных удастся вытащить из петли.

А она? Она поверила, что это возможно? Попыталась обмануть себя. Поддалась страху поражения?

Какой же ты профессионал после этого? Может присоединишься к этим интернет-чудовищам, будешь дурачить людей вместе с ними?

Ты не придумала, как ей помочь! Ты — кто так уверена в себе, и, главное, так убедительно пыталась заменить ей друга! Ведь именно поэтому девочка страдает, у нее нет родственной души...

Но ты не можешь быть другом пациентке! Не можешь быть ей родственной душой! Почему ты вовремя не вспомнила об этом?

«Ясный разум, холодное сердце и твердая рука...»

Ты так хотела, чтобы люди не убивали себя. ДЕТИ не убивали себя! Чтобы этого никогда не случилось. А теперь посмотри...

Диане было до того больно, что она даже не могла дать волю слезам, разрядить эту муку простейшим всплеском.

Будь она героем кино, уже рыдала бы навзрыд. Но реальность тем и отлична от кино, что реакцию сложно предугадать. Психика непредсказуема. Кто бы что ни говорил.

Если бы курила, уже бы выкурила целую пачку. Если бы пила, опорожнила бы не один стакан. Но в отличии от большинства докторов, она не имела этих пусть иллюзорных, но разряжающих привычек.

Два часа продолжительного, несносного ожидания...

Что она ждет? Новость, что неизбежно накроет ее лавиной?

Диана не хотела звонить Ярославу, чтобы не нагнетать. Он отправил ей сообщение, что другого выбора не было — «пришлось натравить ментозавров». Диана не баловала себя излишним доверием к милиции. Но на что еще надеяться? Если у парня появится информация, он непременно позвонит. Но он не звонил...

И она не представляла, как сможет принять этот звонок. Как сможет оказаться лицом к лицу с таким известием. Снова.

Фрагменты прошлого, как кружащиеся на ветру запоздалые листья, упорно пытались взвиться вихрем в ее сознании, она из последних сил уклонялась от них, однако горячий ток, все еще бегущий по позвоночнику, не предвещал ничего хорошего.

Ты должна успокоиться, это жизнь, сказал бы сейчас Степа, — всего лишь жизнь! Мы не пишем сценарии судеб нашим пациентам, мы только пытаемся помочь им в этом.

Да. Она слишком хорошо это знает...

* * *

Вообще-то их специализация — поиск и поимка мошенников и аферистов. Если не вдаваться в отдельные черты и ограничиться одним словом, то их главная цель — воров. Но воров довольно крупные, настоящие махинаторы. Которых долго выслеживаешь, осторожно подбираешься и ждешь удачного момента, чтобы завлечь рыбу в сети.

Это интересная работа, заставляет отдаваться по-полной. Всегда есть место для риска, так что это еще и адреналин. Ты не даешь себе спуска, ты должен всегда быть готов, и речь идет не только про физическую подготовку. Нужно уметь мыслить, лавировать, проскальзывать сквозь стены, пропитываться информацией. Никогда не знаешь, что тебя ждет и что от тебя понадобится.

Но иметь дело с самоубийцами? С таким они точно не сталкивались, да и вряд ли бы когда-нибудь пришлось.

Да только этот молодой башковитый парень, Ярослав, столько раз выручал их, играя со своим компьютером, как с детской игрушкой, выслеживая, идентифицируя и взламывая по их просьбе, что теперь, когда он просил их о помощи, разве могли они ему отказать?

Поэтому когда он к ним обратился, они сразу же среагировали. Им часто приходилось совершать аресты под прикрытием, и порой спонтанность спасала все дело. Каким бы ни был план, а ситуация владеет живым током. Лучше, конечно, работать, зная, что можешь все контролировать. Но тут у них вряд ли предвиделась определенная тактика или особый сценарий. Обычно, как правило, все решала реакция на месте. Срабатывало внутреннее чутье ищейки и наработанный годами опыт. Следовательно, и в этом случае они должны справиться. Важно вовремя поспеть, а остальное — дело техники.

Они отправились вдвоем. Старшему сотруднику Василию прилично за сорок. Младшему, Николаю, около тридцати. Оба, разумеется, в штатском. Темные зимние куртки, темные штаны, обычные вязаные шапочки, что носят практически все. Обычные на вид мужчины, в хорошей физической форме, но не более того.

Они молча прошли длинными узкими коридорами Ратуши, на расстоянии не меньше трех метров друг от друга, и точно так же порознь поднялись на верхний этаж, к тому месту, где находилась касса.

Старший сотрудник сразу же купил билет и стал подниматься по крутой извилистой лестнице, слишком узкой, чтобы уместить сразу нескольких людей. Да и крепость его сложения играла свою роль. Поэтому Василию пришлось отступить назад, пропуская молодую пару, как раз спускавшуюся вниз со смотровой площадки.

Младший сотрудник Николай задержался у кассы, производя вид крайней задумчивости и настойчиво искал в телефоне какую-то информацию, возможно чей-то номер. Мужчина оставался настолько неприметным, что пролетевшая мимо моль или пробежавший паук оказались бы сейчас гораздо больше на виду, чем он. Единственное, чем он обращал на себя внимание — это торчащие в стороны уши на коротко стриженной голове, когда снял шапку, но даже такое его движение в высшей степени оставалось утонченно неуловимым, как если

он, придя сюда, сразу слился со стеной.

К окну кассы приблизилась спустившаяся только что по лестнице пара. По выражению лица молодой девушки, довольно привлекательной, с пышной рыжей россыпью волос, было ясно, что она чем-то возмущена. Парень шепнул ей что-то, видимо отговаривая, но она уже подошла к окну кассы, подвинув плечом Николая и чуть было не наступив ему на ногу.

Теперь уже младшему сотруднику пришлось потесниться, пропустив их. Девушка, несмотря на тонкокостное сложение, отличалась, судя по всему, очень бойким духом. Ее парень, показавшийся ниже ее ростом на парочку сантиметров, отсановился рядом с Николаем и занял выжидательную позу, глядя на любимую. Девушка, чей голос зазвучал неожиданно громко и резко, спросила у кассирши:

— Здесь есть вообще охранники?

— А что случилось? — поинтересовалась женщина за стеклом.

— Насколько мне известно, распивать спиртное здесь запрещено. Но идите и сами посмотрите. Там явно неадекватная особа, пьет и разбрасывает бутылки. Я такого еще не видела, там уже почти темно и кто-то может наступить на стекло. Мне то все равно, но если завтра все будут на Ратушу с бухлом ходить, что тогда?

Парень дернул ее за локоть, она повернулась, посмотрела на него ледяным взглядом, но тут же смягчилась, и больше ничего не сказала, затем они протиснулись мимо Николая, так ни разу не взглянув на него, и, наконец, ушли. Николай сразу же купил билет и как мог быстро помчался наверх.

И вправду начинало понемногу смеркаться, город зажигал свои первые огни, являя этим изумительную панораму с высоты, но темно еще не было.

Выскочив из узкой дверцы наверху, Николай огляделся, но никого не увидел. Выход устроен так, что смотровая площадка находится вокруг него, и часть площадки постоянно остается скрыта. Ему пришлось обойти полукруг, пока он заметил своего напарника.

Василий стоял прислонившись к парапету и, спрятав руки в карманах куртки, увлеченно разглядывал даль. Справа от него, в метрах двух стояла полная высокая девушка в черном пуховике, как раз подходившая по описанию Ярослава. Возле ее правой ноги, на вытертых деревянных половицах валялась пустая бутылка из-под слабоалкоголки.

Николай тихо приблизился с ней и стал чуть поодаль. Его напарник заметил его, — для этого не нужно было оглядываться или подавать знаки, он дал ему время хорошо осмотреть зону действий и настроиться.

Девушка стояла неподвижно, только слышно было как она всхлипывает. Что ж, похоже, это точно она. Да и на Ратуши, похоже, больше никого не осталось. Окружающее явно не заботило ее, когда Николай приблизился к ней еще на шаг, она ничего не поняла.

Но уже в следующий миг она крепко вцепилась руками в край парапета и накренилась вперед.

— Оксана? — выкрикнул вдруг Василий с доброй долей радости и удивления в голосе. — Ух ты какая встреча! Я с трудом тебя узнал. Как выросла!

Девушка замерла и медленно повернула к нему голову. На ее заплаканном и обветренном лице не отразилось ни единой эмоции. Очевидно она просто рефлекторно отреагировала на собственное имя, но мысли ее оставались слишком отвлечены, как если бы она находилась в полудреме.

— Ты меня помнишь? — спросил Василий, улыбаясь. Она все так же безразлично смотрела на него. — Я с твоей мамой работаю. Ну, вспомнила? — Он сделал осторожный

шаг в ее сторону, затем второй, но кажется девушка все же заметила это приближение, оно нарушало строй ее мыслей и явно мешало.

Чтобы отвлечь ее окончательно, напугать и предотвратить задуманное, этого, к сожалению, было недостаточно. Все так же держась руками за край парапета, она отвернулась от Василия. Плечи девушки снова приподнялись и мышцы рук напряглись, она стала клониться за край.

Через секунду она окажется летящей вниз.

И в этот самый миг Николай налетел на нее сзади, сбил с ног отточенным приемом и бросил на пол площадки.

Молниеносный захват, при котором человек полностью застигнут врасплох, и не успевает оказать сопротивление до того момента, как на его запястьях защелкнутся наручники. Только в последний момент он осознал, что это девушка, и очевидно он приложил чуть больше силы, чем было нужно, ударив ее лицом о пол и резко завернув руки назад, но с другой стороны — ситуация не оставляла выбора. Одно движение — и девчонка лежит обездвиженная и покорная, — здесь, на полу, а не где-то внизу на асфальте!

В этот самый момент к ним выскочил щупловатый мужчина средних лет в униформе охранника.

— Что происходит? — закричал он с выпученными глазами, хватаясь за черную дубинку, висевшую у него на поясе.

Николай невольно улыбнулся. Храбрость штатских охранников всегда его несказанно умиляла, а то и доводила порой до приступов неудержимого смеха. Его напарник успел вынуть из кармана куртки удостоверение и объяснить, что все под контролем. Николай не мог не заметить, как дернулся в испуге охранник, когда Василий полез в карман куртки.

Дай то Бог, чтобы границы Ратуши охранялись здравомыслием самих посетителей, и чтобы никакие злонамеренные преступления здесь никогда не совершались. А то жаль парня — такая ответственность.

Василий заметил его ухмылку, и конечно же расценил правильно, но об этом они поговорят позже, где-нибудь в баре после работы.

Он попробовал помочь поднять девушку на ноги, но она вдруг зарычала как раненый зверь. Она еще не понимала, что происходило, но то, что это помешало ей исполнить задуманное, кажется дошло до нее. Они продолжали удерживать ее, пока она делала отчаянные попытки вырваться, продолжая яростно рычать и скрипеть зубами. Но силы ее и так были истощены к тому моменту, она слишком быстро выдохлась и вся ее ярость потухла. Поэтому, когда девушка вдруг обмякла, они догадались, что она отключилась.

— Господи, неужели все из-за любви? — пробормотал Николай, стараясь подкинуть ее на руки.

Василий ответил вздохом, не найдя, что сказать, и обратился к стоящему в шаге от них растерянному охраннику:

— Не поможешь, брат? Нужно же ее как-то транспортировать по вашей лесенке...

-Глава 29

Диана не помнила того отрезка пути, по которому добиралась к нужному отделению милиции. Ей только все время казалось, что таксист едит слишком медленно, или вообще не туда повернул, хотя место это совсем неподалеку, они должны были добраться за считанные

минуты.

Барабнящее сердце нарушало ход собственных мыслей, и готово было выпрыгнуть на ходу — просто из окна машины.

В приемной ее ждал Ярослав, он беседовал с одним из дежурных. Ей было приятно видеть его симпатичное лицо, обрамленное волнами блестящих темных волос. Его черные как ночь глаза, в которых казалось неизменно полыхали костры, остановились на ней, стремясь ободрить. Он толкнул колеса своего кресла ей навстречу.

Пуховая куртка была расстегнута, под ней красовалась светлая толстовка с красными пятнами на груди. Диана задержала на них взгляд.

— А, это томатный сок, — сказал он, проследив за ее глазами. — Меня уже дважды спрашивали, не кровь ли это. Откуда? Разве я похож на героя, что разгуливает по барам, пока ему нос кто-нибудь не прочистит? — пошутил он. — У меня просто не было времени приодеться.

Сама она вряд ли выглядела опрятнее. Покидая офис, Диана едва ли вспомнила про пальто, впопыхах набросив его на плечи.

— Ты ее видел? — спросила она, стараясь подавить дрожь в голосе.

— Нет, — парень покачал головой, — я просто знаю, что она здесь. Но вряд ли она хотела бы меня сейчас видеть, ну, знаете: заплаканная, злая, некрасивая...

К ним подошел человек в форме и поздоровался. Диана представилась ему.

— Мне сказали провести вас к девушке, — обратился мужчина. — Идите за мной.

Диана надеялась, что Оксана в той простой комнатухе за перегородкой, в которую сажают пьяных подростков, пока не приедут за ними родители. Но ошиблась. Ее провели через всю приемную, затем за угол, еще через поворот к неприметной двери, ведущей в подвал. Дверь открыли и она увидела небольшой тупиковый коридор, прегражденный решетчатой дверью.

Мужчина достал связку больших ключей и они громко зазвенели у него в руках.

Решетка открылась с глухим треском замка и визгом несмазанных навесов. Коридор освещался несколькими лампочками, что придавали и без того унылым беленым стенам печальный желтый окрас. Истертый линолеум пестрел царапинами и выглядел так, будто на нем регулярно проводили чемпионат по фигурному катанию. В отличии от прочей части здания, с отличным ремонтом и ковровым покрытием, на этом затерянном островке ужаса и безысходности по стенам тянулись длинные трещины, на потолке в запыленной штукатурке зияли прогалины, пахло затхлостью и сыростью.

Диана сжалась, стараясь не концентрироваться на деталях, чтобы избежать тошноты.

Она не впервые в подобном месте, несколько лет назад она оказывала психологическую поддержку подросткам, по тем или иным причинам совершившим тяжкие преступления. Помогала не только морально, но и старалась найти причины смягчить для них судебный приговор. Большинство преступлений совершалось либо в алкогольном опьянении, либо в состоянии аффекта. Дети не понимали, что они творят, а потом, придя в себя после содеянного, в порыве раскаяния и страха перед тюрьмой они неоднократно пытались покончить с собой прямо в камере.

Но их камеры были не настолько запущены. И находились в другом месте.

А Оксану держали как самого страшного преступника.

Может быть, в какой-то степени так и было. Но она не могла даже предположить, что

девочку запрет в КПЗ.

Две железные двери по левую сторону.

Дежурный приблизился к той, что была первой и заглянул в глазок. Потом снова зазвенел ключами, заставив Диану поморщиться, и тяжелая дверь со следами ржавчины отворилась, пропуская ее внутрь. Дежурный остался с внешней стороны, он был в курсе, что она лечащий врач девушки, но на всякий случай был на подхвате.

Диана едва сдержала стон, увидев камеру. Еще хуже, чем она предполагала. Ужасные серые стены, черные от сырости углы, и просто невыносимый запах сортира.

Совершенно «слепая» лампочка где-то высоко на потолке, создающая мутное освещение, и заставляющая напрягать глаза, чтобы сориентироваться. А в полутьме, на чем-то, напоминающем сторевшую гладильную доску, подпертую к стенке, лежала на боку, поджав под себя ноги, Оскана.

Диана задохнулась, увидев ее безвольно скомканное тело. Преодолевая прилив очередной вспышки боли в груди, она все же набралась решимости и подошла к ней.

— Здравствуй, милая, — обратилась она, теряя последние надежды сохранить спокойствие, беспощадно растущий комок в горле становился серьезным тому препятствием.

Кажется наступил тот самый момент, когда ее психика требовала мгновенной разрядки, Диана чувствовала неудержимый горячий спазм подкатывающих слез.

Она присела рядом, на то ужасное, холодное, грязное место, что служило девушке лежанкой.

Перевела дыхание, чтобы снять давление с голосовых связок, и произнесла как можно более ровно:

— Мне очень жаль, что такое случилось с тобой... Ты же понимаешь, что теперь тебя отправят в больницу. Я посодействую, чтобы это было лучшее место для тебя. Я никому не позволю заниматься тобой, кроме человека, которому могу доверять...

Она снова поглядела на девушку. Оксана не шевелилась. Лишь от слабого дыхания едва заметно поднималось ее плечо. Но она не спала. Глаза ее не были закрыты полностью, только прикрыты. И Диане не понадобилось заглядывать в них, чтобы определить, в каком состоянии находится сейчас ее пациентка. Теперь уже... бывшая пациентка.

Диана опустила глаза, отвернулась и покачала головой.

Из маленькой зарешеченной форточки под самым потолком сквозило так, что Диана чувствовала, как шевелятся от холодного воздуха ее влажные ресницы. Она больше не могла сдерживать слез.

Бедное дитя!

Господи, ну почему?!! Почему в этом мире столько боли, почему кто-то непременно должен так страдать?

Почему нет ни одной науки, что сумела бы победить эту боль? Ни психология, ни религия не в силах превозмочь и обуздать ее. Физическую боль научились глушить медикаментами, но что делать с муками души?

Есть только попытка, всего лишь попытка отважных сердец отвоевать немного счастья для себя и других.

Счастью требуется немного. Но так ли это на самом деле?

И чем измеряется это самое «немного»? Глотком «лишней» воды для умирающего от голода ребенка в Африке? Или глотком шампанского на Новогоднем балу? Окончанием

войны на оккупированных территориях? Или открытием нового супермаркета в большом городе? Отступлением болезни в тяжелой борьбе? Или всего лишь покупкой новой машины? Ходящими ногами? Или модельной внешностью?

Счастью требуются простые вещи.

Всего лишь иметь свое место под солнцем, приносить пользу и радоваться каждому прожитому дню. И как много это на самом деле!

Но понимают ли это люди, пока их умами распоряжается реклама? Что им нужно? Жить в кино? Сменять партнеров и декорации по настроению?

А что такое жизнь, с ее уродливой голой правдой? Что она может предложить, кроме боли?

Жизнь дарует ту самую, ни с чем не сравнимую, желанную и чертовски опасную свободу. Свободу выбора... А выбор так редко бывает продиктован осознанными действиями и поступками. Выбором может стать нечто совсем безутешное...

— Прости меня, — прошептала Диана, вытирая ладонью текущие по лицу слезы.

«Я так хочу, чтобы у тебя все было хорошо», — добавила она мысленно, не в силах больше произнести ни слова. — «И... я так рада, что ты жива! Жива, понимаешь?..»

Она встала, прошла к двери, как в тумане, почти ослепленная слезами и полутьмой, постучала, чтобы ее выпустили.

— Все в порядке? — покосился дежурный, закрывая за ней дверь.

— Нет, — сказала она, — не в порядке. Там темно, холодно и этот ужасный запах... Я уже молчу, какая там грязь! Она всего лишь девушка, которая нуждается в лечении, а не бомж с перепоя.

Дежурный ступешевался и пожал плечами:

— Я понимаю, но так ребята сказали, которые ее привезли. Мы не знали, что от нее ждать, поэтому сюда поместили.

Диана скорбно помотала головой.

— Сами посмотрите. Что от нее ждать?

— Но ее же перевезут, — неловко оправдывался охранник, пропуская ее за решетчатую дверь, со скрежетом запирая коридор.

Диана смотрела сквозь эти металлические врата, с облупленной серой краской, и сердце ее разрывалось от понимания того, что Оксана пока еще находилась там. Даже если в эту минуту девушке было все равно, где ей находится.

— Да, — тихо проговорила она, стараясь найти в этих словах утешение. — Да, я сейчас же перевожу ее в больницу...

— Глава 30

Когда поздним вечером Диана переступила порог своей квартиры, стало ясно, что за время отсутствия старый гость снова удостоил ее визитом.

Его как всегда не было видно, она позвала его, войдя на кухню.

Холод в комнате стоял почти такой же, как на улице. Створка окна была распахнута и влажный ветер гулял по квартире.

Зато теперь это в полной мере объясняло внезапные появления кота на ее кухне.

Старая ручка на окне отслужила свое, теперь точно придется вызвать кого-то из домовой службы. В конце концов, почти уже зима. Почему-то до мелочей всегда не доходят

руки, пока они не обретут масштабов настоящей проблемы.

Так во всем, подумала Диана, на миг остановившись перед окном. Во всем.

Все — мелочи. Пока не назревает критическая масса.

Зачем так устроен человек? Вроде все понимает, но ничего не делает. Ждет катастрофы. Чтобы перед лицом риска или опасности, когда проблема буквально хватает за грудки, что-то наконец предпринимать. С чего мы такие? До последнего плыть по течению, пока лодка, наконец, не угодит в поток водопада. И в панике, повиснув над пропастью, гребя изо всех сил, возмущаться, что этого можно было избежать.

Стремление к самоуничтожению?

Почему Ярослав борется, а Оксана желает себе смерти?

Почему так много людей отчаянно изо дня в день продолжают хвататься за соломинку, в то время, как другие, здоровые и сильные, сотнями и тысячами гибнут от собственных рук?

Диана закрыла створку и подперла ее кастрюлькой. Затем достала из сумки пакетик корма и пошелестела им, как это делают в рекламе.

Кот появился не сразу, Диана успела подумать, что ее ночной бродяга успел ретироваться, найдя убежище где-нибудь еще. Но вскоре послышался шорох откуда-то из коридора, кот не спеша вошел на кухню, приблизился к кормушке и стал с аппетитом жевать угощение.

Снова сидел в обувном шкафчике, догадалась Диана.

Она присела и погладила его густую лохматую шерсть, пытаясь распутать ее пальцами.

— Надо бы тебя покупать и постричь, — сказала она утомленно. — Знаю, ты хочешь возразить, но я же ничего тебе не сказала про разбитые тарелки и мою любимую вазу, верно? И кто-то должен приютить тебя, слышал, что наша управдом говорила? Да и на молодого удальца ты не сильно смахиваешь, хоть и неплохо карапкаешься по карнизам. Так что, будем считать, что ты сам выбрал свой дом. А дома нужно быть чистым. Думаю, ты это знаешь, просто забыл. Ничего, все наладится...

Она вспомнила, что сама еще ничего не ела сегодня. Но у нее не было аппетита.

Стрелки на часах показывали без четверти девять. Диана была слишком вымотана, ноги едва держали ее, и все, в чем она сейчас нуждалась — горячий душ, горячий чай и абсолютный покой.

Ей хотелось набрать ванну, но она передумала. Осколки прошлого навевали неприятные ассоциации и поэтому ей пришлось как можно скорее принять душ и отправиться в спальню.

Возможно ей следовало выпить успокоительного, чтобы крепче уснуть, но ее уже заставил это сделать профессор, когда она привезла ему Оксану. Кажется, этого было и так достаточно, она все еще чувствовала себя немного окаменевшей, вот только все равно не могла уснуть.

В телефоне было много пропущенных звонков от Степы. Она решила, что свяжется с ним завтра, но полежав немного в тишине, понимая, что не так то просто очистить свое сознание после всего, что случилось, все таки включила ноут и попробовала связаться с ним.

Ей хотелось его видеть. Хотелось услышать его голос. Ей хотелось, чтобы он сейчас был рядом и обнял ее.

— Слушай, если ты не хочешь, чтобы я звонил, так и скажи, — начал он без приветствия, когда ответил на звонок. Но его ироничное выражение тут же испарилось, сменившись беспокойством, Степа нахмурился. — Ого, — Он продолжал щуриться, смотря в экран, и мотал головой. — Я тебя еще такой зареванной не видел. Боже, что случилось?

Диане трудно было говорить, но она нуждалась в этом. Сначала ее голос звучал слишком слабо, но потом она стала говорить все динамичнее, с нарастающими эмоциями. Степан продолжал слушать, ни разу не перебив. А потом ее как будто прорвало.

— Мне казалось, я со всем справляюсь, но я не могу... Доктор не может так себя вести, — говорила она сквозь спазмы в горле. — Я знаю, что ты мне сейчас скажешь, что предупреждал и все такое... Все это на моей совести.

— Нет, — твердо ответил Степа. — Я скажу, что это не так. Ты не должна винить себя в том, что случилось...

— Неужели? — перебила она, задыхаясь. — Я видела ее проблему, любой первокурсник определил бы риск слишком высоким, ее нужно было сразу отправлять в больницу. Господи, две сорвавшиеся попытки! Все эти разговоры о кризисе, апелляции к высокому, в момент ее полной психической неустойчивости! — Диана в отчаянии схватилась за голову. — Я предала ее. Она пришла ко мне в надежде на помощь, а я вела себя так, будто эта была какая-то рядовая подростковая блажь, дефицит внимания. Степа, мы прекрасно знаем, что люди лишают себя жизни и без столь выраженных признаков. А у нее весь набор! Что я думала? Я не послушала тебя, когда ты пытался меня отговорить... Я так хотела ей помочь, что этим своим эгоистичным желанием едва не погубила ее... Я практически позволила ей себя убить. И если бы не вмешался случай, если бы не Ярослав и его знакомые... Я даже думать не могу о том, что могло бы произойти...

— Но этого не произошло, — сказал Степа.

— Меня это не оправдывает! Я видела опасность, но позволила себе быть легкомысленной и беспечной.

— Перестань себя упрекать, — уговаривал он ее. — Ты расстроена, но вспомни, ты хотела дать ей шанс избежать принудительного лечения.

— Это все равно что онколог дает шанс пациенту избежать страданий от госпитального лечения, ведя с ним философские беседы про опухоль.

— Ладно. Ты допустила оплошность... Я не верю, что в мире есть хоть один доктор, который с этим не столкнулся. На ошибках строится опыт. Но прекращать из-за этого докторскую деятельность? Диана, вот это и есть непростительная ошибка. Поговори с Кащенко. Пусть он расскажет тебе про массу пациентов, которых не удалось спасти. Никакими методами. Потому что, если бы все методы уже существовали, то и этого разговора не возникло бы в принципе. Почему я должен без конца повторять тебе все то, что ты и так прекрасно знаешь? Если ты дашь человеку «аскорбинку», ты улучшишь его здоровье, но не сделаешь его бессмертным. Психология помогает найти себя — и только. Выбраться из пещеры, из темных дебрей подсознания... что-то вспомнить, или, напротив, забыть. Но психология не делает тебя неуязвимым. По какую сторону баррикад ты бы ни находился... Я скорее поверю в силу химических препаратов, которые на официальной основе изобретет человечество, чтобы жить мало, но счастливо, чем в то, что психология когда-либо осилит эту задачу. Знаешь, впрыснул себе гормон счастья, и веселись до упаду, никаких печалей и жалоб, — хмыкнул Степа. — Нужда в психологах отпадет, все профессора сами, скорее всего, будут с детства на стимуляторах. Вот в такое развитие я скорее поверю, чем в то, что мы когда-нибудь научимся жить мирно и счастливо, или придумаем чудо-терапию. И как на фоне этой утопической парадигмы ты можешь винить себя в том, что кто-то неистово рвется расстаться с жизнью?

Она молчала.

— Ты хороший психолог, Диана, — в заключение добавил Степа. — Я знаю, потому что работал с тобой. И слишком много людей нуждаются в твоей помощи просто сейчас, пока ты тут сидишь и занимаешься самобичеванием. Ты должна продолжать принимать участие в исследованиях. Ты способна сделать много открытий.

— Возможно, — ответила она, подумав. — Я могу участвовать в каких угодно исследованиях, но больше никогда не возьмусь спасать самоубийц... Нужно признать свое бессилие. Какое мужество нужно, чтобы признать свое бессилие. Это как упасть ниже всякого дна... ниже всякого достоинства. Аннулировать Эго. Нет ничего более естественного, и нет более сложного. Я бы очень хотела спасти эти жизни, но не могу... Боже, как я понимаю Римму... как пугает бессилие...

— Что за Римма?

— Это не важно... Но я не могу... не могу оправдывать тем ни будущее, ни прошлое. Потому что, ты прав, от меня зависит не так уж много. А именно это и сводит меня с ума... Я всегда буду воспринимать это как вызов, брошенный лично мне. В том и состоит моя ошибка.

— Личный вызов? — спросил Степа подозрительно. — О чем ты говоришь?

Она долго не отвечала, отведя взор в сторону, практически не шевелясь. Мужчина смотрел на нее через экран и терпеливо ждал.

— Когда меня спрашивают, почему я стала психологом, — наконец произнесла она, — я говорю о том, как сильно увлек меня этот предмет еще в детстве... Собственно, так и было, но это не случайность. Помимо профессора, только два человека за всю мою практику спросили, что на самом деле привело меня в психологию. Это были Ярослав и Оксана... Ярославу я ответила честно, но потом это смутило меня... и я больше не хотела поднимать эту тему — ни с кем. А затем тот же вопрос последовал от Оксаны. И я поняла, что причина всегда останется причиной, даже если на фоне ее ты станешь профессионалом, но вряд ли забудешь то, что заставило тебя годами искать ответы... Всю жизнь я пытаюсь понять... понять, что можно было сделать... что бы я сделала, повторись это снова?..

Диана напряжено умолкла, но через несколько секунд продолжила:

— Я никогда тебе не рассказывала про Сергея. Я никому о нем не рассказывала, кроме Кащенко... Когда-то у меня был друг детства... точнее... это я воспринимала его исключительно как друга, а он... я в тот момент являла для него весь внешний мир... потому что он был прикован к инвалидному креслу... Несчастный ребенок, он таким родился. Вряд ли кто-то поставил бы его на ноги, медицина еще не на столько всемогуща. Он понимал это... красивый крепкий парень... и в таком положении...

Он жил в моем доме, в одном со мной подъезде, этажом ниже. Я мало что знала о нем, но однажды мы встретились в парадной. Мне тогда было восемь, ему девять. Его мать не могла справиться с креслом, в котором он находился, — какое-то неудобное, с большими колесами... У нее не получалось затолкать его на верхнюю ступеньку... Маленькая женщина, как птичка... Чем сильнее она пыталась толкнуть кресло вверх, тем сильнее оно откатывалось назад. Как проклятый Сизиф, толкающий свой камень. Я шла со школы, когда натолкнулась на эту картину, меня это сильно впечатлило. Я знала, что они живут на первом этаже, но те несколько первых ступеней им необходимо было постоянно преодолевать... Помню, как ринулась ей помогать со всей прыти. Как будто именно этого минимального усилия и не доставало, она смогла выкатить кресло наверх, стала благодарить меня... А я смотрела на мальчишку... До сих пор пытаюсь понять, что я увидела тогда в его больших

пытливых глазах... Стыд? Интерес? Беспомощность?.. Тогда мы и познакомились. Он спросил, не тяжел ли мой портфель. По правде сказать, портфель был чертовски тяжел, но школа недалеко от дома, так что... А он признался, что не ходит в школу, учителя приходят к нему сами. Он бы очень хотел ходить в обычную школу, это же так интересно. Ему из окна видно, как ребята идут домой, такие радостные, собираясь в компанию... На другой день я снова встретила его, только уже не в подъезде, а рядом с домом. Он, оказывается, ждал меня, чтобы помочь донести портфель. Только выходило так, что он брал мой портфель, а я толкала наверх его коляску. А потом он просил меня зайти в гости, потому что мама испекла печенье... И так продолжалось много лет... Год в год... день в день... до самого выпускного класса... Как же мне это уже надоело к тому времени. Он не просто встречал меня со школы у подъезда, куда бы я ни пошла, он постоянно ждал меня, не взирая на погоду или время суток. Сидел в окне и наблюдал. Только я появлялась в поле зрения, он уже вываливался в подъезд с кучей расспросов... где была, что делала?.. Он жутко ревновал меня ко всем моим друзьям, закатывал порою кошмарные истерики, мне приходилось долго успокаивать его, уговаривать... Мы вместе делали уроки, я часто приходила к нему в гости... но у меня все больше появлялось своей жизни... А у него... у него была я... и окно его комнаты, в котором он меня выглядывал... бывало сутки напролет... Я понимала, что этот мальчик влюблен в меня, понимала... но что я могла сделать? Мне было его жаль, просто по человечески жаль... но я не могла сидеть рядом с ним у его окна...

Когда наступил день моего выпускного, он настоял, что пойдет со мной. Он еще задолго до этого постоянно говорил о том, что пойдет со мной на выпускной бал. Я не возражала... Хотя наверное просто не понимала, что это значило для него. И тем более не могла предугадать, чем все обернется...

Он был такой красивый в том своем костюме, парень развитый не по годам, и в восемнадцать выглядевший на все двадцать два... Просто принц! Ах, если бы он мог ходить!..

Я — в бальном платье... принц и принцесса... как бы мы смотрелись вместе... просто созданные для того, чтобы танцевать вальсы... Какой бы мы были парой!.. Если бы мне не приходилось толкать его кресло...

Чтобы попасть в банкетный зал, пришлось тащить его по ступеням. Он сам неплохо справлялся, к тому же был так горд! Он позволял мне толкать его кресло только потому, что ему нравилась моя забота... Но в тот вечер... Он раздражался, потому что нас обходили люди, все нарядные и счастливые... и никто, ни один, не предлагал своей помощи, но даже если бы и предложил, я знаю, как бы отреагировал Сергей... Он бы нахамил... Послал бы всех к черту и осыпал оскорблениями!

Его раздражение передалось и мне... а я так хотела веселиться... Мне было жаль его, но я так устала от его ревности и злобы... Когда мы наконец добрались до банкетного зала, мы уже не разговаривали друг с другом... Конечно, я надеялась, что это пройдет, ведь это обычное дело, мы были друзьями, а у молодых людей вспышки гаснут быстро.

За столиком он конечно же сидел возле меня. Потом начались танцы...

Я очень много танцевала, практически не садилась за столик, едва успевала подбежать за бокалом и осушить его, задыхаясь от жажды и радости. Парни приглашали меня снова и снова... Счастливая, я кружилась среди танцпола, смеясь и кокетничая, забыв про весь остальной мир, находясь в центре внимания и получая от этого невероятное удовольствие. Я отдалась своему празднику, я ведь так ждала его... Это было так естественно... Я видела его

глаза, они горели черным пламенем, прожигали меня насквозь... И потом я просто перестала смотреть в его сторону, потому что этот взгляд убивал меня...

Я не помню, когда успела заметить, что его нигде нет. Ни за столиком, ни в зале... Может отошел куда-то... Может с кем-то беседует... Я же ему не сиделка, в конце концов, и не няня...

Поэтому я до сих пор не знаю, как и когда он успел уйти...

Она замолчала, пересиливая спазм, больно сковавший диафрагму, и затем продолжила:..

— Было очень поздно, если не сказать — рано, когда я пришла домой... Точнее, когда меня привел домой школьный ухажер... Я нигде не видела Сергея, и даже радовалась этому, потому что никто не мешал мне веселиться, целоваться... быть пьяной и заслуженно счастливой! Первые дни лета, ароматы цветов, такой головокружительный рассвет... Вся прелесть романтики... А то, что Сергей ушел домой, обидевшись, что я не сижу возле него пень пнем весь вечер, это только к лучшему. Хоть в такой момент оставил меня в покое, может что-то дошло до него по-человечески, может, наконец, самому осточертело постоянно меня ревновать...

Откуда мне было знать, что на уме у этого мальчишки?

Еще при подходе к дому, мой парень заметил какую-то суету у подъезда. Несколько соседей стояли у двери, сами двери были распахнуты настежь, даже запасную открыли... Я удивилась, что могло происходить в такое время в нашем подъезде?.. Но в ту же секунду увидела карету скорой помощи и поняла, что очевидно с кем-то произошло несчастье... Подкатила еще одна машина, мрачная, темно-зеленая, очень странного вида... И тут... С ужасающим прозрением до меня дошел смысл происходящего...

Странный звук, что я слышала, оказался приглушенным воем... Это был самый натуральный вой, его нельзя было ни с чем спутать, и я запомнила этот жуткий звук навсегда... Это была мать... иступленно бьющаяся мать над телом своего ребенка... И я уже знала, знала откуда он доносится...

Я побежала туда, всех распихивая, молясь всеми молитвами, чтобы это было неправдой... только не это!.. Но когда я вбежала в их квартиру, я увидела распростертое тело на полу... Его только-только достали из ванной... Его нарядный костюм весь промок и на нем алели следы крови... Каким же бледным мне показалось его гордое лицо... этот упрямый, заостренный профиль... словно гипсовый...

Я упала как подкошенная, стелая и закрывая лицо руками... Я слышала вой его матери в собственной голове, и мне показалось, что он разорвет меня изнутри... что время теперь остановится... навеки остановится в той страшной минуте... Что это никогда не прекратится...

Кто-то поднял меня за плечи... Это был мой папа. Он обнял меня, чтобы я не рухнула снова и помог мне выйти оттуда... Рыдания давили меня так, что я находилась на грани обморока. Папа повел меня на улицу... И тогда я увидела, как Сергея выносят на носилках... Как его погружают в ту странную, холодного вида машину... и увозят... увозят навсегда... и теперь его больше не будет... никогда...

Подбородок Дианы задрожал и крупные слезы потекли по лицу. Превозмогая боль в голосе, она с трудом могла говорить.

— Он не будет сидеть в окне, дожидаясь меня... не будет караулить, ревновать... устраивать мне сцены... Красивый молодой парень... в красивом костюме... который так мечтал пойти со мной на бал, но не смог танцевать...

Его мать увезли вместе с ним. Вой прекратился... но только не в моей голове... не в моей душе... Это живет во мне по сей день...

Каждый раз, когда я прохожу мимо его окна... мимо двери квартиры, где он жил, и откуда его выносили в то злополучное утро... Там сейчас живет другая семья, маленькие дети... Не уверена, знают ли они, что произошло в той квартире много лет назад. Наверное знают, кто-то уже рассказал... Но мне они ничего не говорят, ни разу не обмолвились. Просто смотрят в след и... не знаю, что они думают в этот момент... Может ничего. А возможно они знают, знают, что молодой парень, в муках ревности и обиды на обстоятельства, влез в ванную и вскрыл себе вены... Из-за девчонки!.. Всего лишь девчонки!.. Поняв, что никогда не сможет составить ей настоящую пару... не сможет танцевать с ней, любить ее, носить на руках... Ни ее, ни какую-либо другую...

Мне не стоило разрешать ему идти со мной... но я не понимала этого. Не видела, что происходит. Я привыкла к его ревности, и уже не обращала на нее внимания. Мне бы никогда не пришло в голову, что он помышляет подобное... Что способен на подобное... Я бы тогда... Я бы... наверное... — она глотала слезы, ручьями стекавшие по лицу, но даже не замечала этого. — Я бы не знакомилась с ним так близко... чтобы у него не было этой глупой ревности... чтобы он... чтобы...

— Он нашел бы другой повод, — прервал ее Степа. — Он бы сделал это. Он ревновал и раньше, фактически с самого начала. Но сделал это именно в тот вечер. Скорее всего, это было неизбежно. Те, кто молча вынашивают планы на самоубийство, совершают их почти в ста процентах всех случаев. Ты права, ты не могла знать, что у него на уме. Диана, — строго обратился Степа. — Послушай меня! Ты бы ничего не смогла решить в той ситуации. Что бы ты ни делала, какой бы ты ни была, как бы себя ни вела... он бы сделал это рано или поздно! Когда ты увидела его впервые, это уже было ясно. То, что ты прочла в его глазах, я почти не сомневаюсь, это был выбор, уже состоявшийся выбор.

— Нет, я не верю в это...

— А во что ты веришь? Что могла его остановить? Послушай, вот что я тебе скажу. Он бы сделал это, не знай он тебя никогда.

— Нет, — она мотала головой, вытирая лицо ладонями. — Если бы не тот вечер... я была несдержанна...

— Дело не в тебе, Диана! Не в тебе! — Степан практически кричал. — Это его выбор. Ты не толкала его к самоубийству. Ты была его другом, много лет. Если бы не ты, он возможно сделал бы это еще раньше.

— Или никогда бы не сделал...

— Может быть, — вздохнул Степа. — Ты еще не готова принять обратное. Но в чем я уверен наверняка, так это в том, что тебе давно пора забыть это! В той квартире живут другие люди. А ты все еще прислушиваешься к шороху старых призраков... несуществующих призраков! Понимаешь меня? Сергея больше нет. Но есть другие люди. И не важно, совершенно не важно, что когда-то именно эта трагедия побудила тебя искать ответы. Ты полна знаний, полна опыта, который нужен живым людям. Вспомни, сколько горячих речей было влито через эти терпеливые уши? Зря, что ли? Скольким ты помогла. Увы, нам под силу спасти только некоторых своих пациентов. Мы для этого и занимаемся тем, чем занимаемся. Мы стараемся. И, поверь, это лучшее, что ты можешь дать миру, Диана. Ты не заставишь жить того, кто этого не хочет. Как же ты можешь винить себя за это? Ты не

можешь нести ответственность за личный выбор Сергея, или Оксану, или кого-либо еще! Боль приходится отпускать, и ты это знаешь не хуже меня. Смирись с тем, что люди уходят. Слишком много остается тех, кому ты нужна, и кому ты можешь помочь. И не заставляй меня повторять это по кругу. Хорошо?

Диана слушала, внимая каждому его слову, как ребенок, принимающий доводы старшего. Наконец кивнула. Она успокоилась и теперь с благодарностью смотрела на него. Он был таким сосредоточенным. Уверенным.

— Спасибо, — сказала она.

— Ну как бы — пожалуйста, — отозвался Степа. — Вот только, что мне с твоего спасибо, дорогая?

Диана удивленно посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— У меня есть к тебе предложение, — признался он.

— Предложение?

— Да, предложение, — ухмыльнулся Степа.

— От которого я, разумеется, не имею права отказаться? — предположила она.

— Ой, моя умница догадливая, — воскликнул он с привычным своим озорством.

— И что же я должна делать? — спросила она, озадачившись.

— Позволить себе отпуск на две недели!

Теперь она совсем стушеввалась.

— Но... что я буду делать целые две недели?

— Приезжай ко мне и посмотрим.

— К тебе? — Это предложение застигло ее врасплох.

— Да, ко мне, — кивнул Степа. — Что, я тебя так сильно удивил? Когда угодно. Как только сможешь. Сейчас, через месяц, на Новый год. Но приезжай! Меня Вена не приняла балами и фуршетам, но ради тебя постарается, — он подмигнул и растянулся в совершенно плутовской улыбке.

— Степа, но у тебя же работа, — принялась она искать отговорки.

— Точно, — прыснул он. — Была, есть, и будет, — и никуда не денется, окаянная! Спроси, когда я в последний раз занимался чем-то, что не связано с психологией? Ну, кроме наших с тобой онлайн посиделок, темы которых я вряд ли назвал бы отвлеченными от работы, хотя идея принять кота за призрак меня несказанно порадовала, такого я больше нигде не услышу! Но, боюсь, мне нужна какая-то особая встряска, пока самому не начали мерещиться злые духи, или пока не взбрендило что-нибудь совсем лихое, типа побежать голым по ночной Вене, дуя в свисток и напевая леди Гагу. Спаси меня от этого, а то, ей-богу, я за себя не ручаюсь! Мне нужно, чтобы кто-то сводил меня в театр, или напоил, или вымотал окончательно своими печальными душевными историями. Мне нужно любое безумство, не выходящее за рамки нормы, хотя я не откажусь и от тех, что выходят. Так что, давай, мне нужен соучастник!

— Голым по Вене, ты серьезно? — она покачала головой. — Я думала, новые коллеги постоят за тебя, если возникнет острая необходимость выпустить пар. Могу ли я быть твоим соучастником? Не знаю, что сказать.

— Если не знаешь, что сказать, говори «Да»! А я возьму ответственность за это на себя. Главное, не допусти, чтобы австрийцы вскакивали среди ночи в холодном поту от проделок твоего знакомого чокнутого доктора.

Она признательно улыбнулась, глядя в монитор.

— Спасибо, Степа...

— За что?

— За то, что ты есть...

Он шутовски поклонился, подражая конферансье, резко взмахнув волосами:

— Ну, этого сколько угодно!

— Глава 31

Две недели спустя

Диана и профессор Кащенко стояли у окна его кабинета в психиатрической больнице.

Сквозь открытые жалюзи они наблюдали за внутренним двориком.

Там находился небольшой сад, расположенный так, что его хорошо было видно с верхних этажей. Между стриженным голым кустарником и пустующими клумбами, на вымощенных аллеях желтели где-негде одинокие скамейки.

На одной из них сидела Оксана, понурив голову и зарывшись в свой пуховик. Рядом с ней в инвалидном кресле сидел Ярослав и что-то уже целый час рассказывал ей.

— Мне кажется, он тут прописался, — взволнованно пробормотала Диана, скрестив на груди руки.

— Ох, перестань, — отозвался профессор. Сегодня поверх кашемирового костюма-тройки на нем был белый халат, что очень импонировало его ученой внешности. — Я не вижу угрозы в их общении. Он хорошо на нее влияет. Сама посмотри. Все, — решительно заявил он, направляясь к своему столу, — хватит глазеть!

Диана покачала головой.

— У них, бесспорно, много общего, но она все еще не пришла в себя. И... я понятия не имею, что он там болтает!

Профессор уселся за большой полированный стол из красного дерева, смахнув с его поверхности невидимые пылинки.

— Уж кому бы еще с ней болтать, если не ему. Хватит, говорю, Диана, уходи оттуда!

Диана чуть помедлила, но все же послушалась его, подошла и села напротив. Он начал улыбаться, глядя на нее. Эта улыбка отражалась в тонких стеклах его очков, мягко затерявшись в складках острой белой бородки. Положив локти на стол, профессор перебирал часики на золотой цепочке, — он любил вертеть их в руках при решении непростых задач.

— Знаешь, что это? — спросил он и сразу ответил: — Подарок моего отчима. Это все, что он сберег за время войны, они были ему особенно дороги. Он потерял всю семью, знакомых, близких. Ходил голодный, ободраный, колел от холода, но часы сберег. Когда он мне их подарил, они шли безупречно. Но потом, когда отчима не стало, что-то случилось с ними, и никто теперь не может их починить. Да это и неважно. Их ценность в другом, и она несоизмерима для меня. Если бы не мой отчим — сильный, умный, очень наблюдательный от природы и удивительно добрый дядька — я бы не стал тем, кто я есть. Почти уверен в этом. Он подарил мне не только эти часики, но и целую связку ключей от дверей мудрости. Пояснил вещи, которые не поддаются объяснению. Все что во мне сформировалось, все, что я есть и каким меня знают — его заслуга. Поэтому в нужный момент одна только память о нем дает мне важные подсказки. Мне приятно помнить этого человека, все — от самой

мелкой черточки лица до тембра голоса. Но кроме него, в моей жизни было множество людей и событий крайне неприятных, о которых я не хочу вспоминать, поэтому не храню ничего, что с ними связано. — Он пристально поглядел на нее поверх очков. — Все проще, чем кажется. Что помогает развиваться и жить — храним и лелеем, что сказывается пагубно — сжигаем в печи равнодушия. Сначала это сложно, но в таких делах учишься быстро.

Говоря это, профессор напоминал ей доктора Айболита из детского мультфильма, и Диана улыбнулась ему.

— Вот это мне нравится, — заметил он.

— Как там наша Яна? — спросила она.

— Отлично. Это именно то слово, что я готов применить. Кстати, ее все таки искали! — сообщил профессор с неким триумфом в голосе. — Буквально на днях ее данные появились в базе розыскной службы, мне уже оттуда позвонили. Дело в том, что заявление о ее пропаже написала посторонняя женщина, а поскольку такой документ не воспринимается всерьез, пока такое же заявление не напишут родители пропавшей, в общем... Бумаги мало того что кочевали из отдела в отдел, так там еще и с участковым что-то недоброе приключилось, он попал в больницу и ему, кажется, часть желудка вырезали, что-то такое... Его бумаги только потом оформили. А у него и было, оказывается, заявление от матери Яны. Долгая, путаная и никому не нужная ситуация.

— Безутешная картина, — вздохнула Диана.

— Это ничего, Яна очень хорошо держится. — Профессор вдруг заговорщицки улыбнулся. — А ты знаешь, она проявляет большой интерес к психиатрии. И планирует остаться здесь работать, уже сейчас активно помогает санитарам, даже набрала книжек для обучения. Думаю, она с этим справится. Не знаю, станет ли она когда-нибудь доктором, но у нее есть искреннее рвение работать медсестрой, а это очень хорошо. Кто знает, может это ее предназначение?

— Вы подружились? — спросила Диана.

— А над кем мне еще подшучивать по поводу «ретроградной амнезии неясного генеза»? Диана понимающе кивнула.

— Она не вернется к родителям, да?

— Ну, когда-нибудь она, возможно, захочет их увидеть, — предположил профессор. — Мне кажется, она нашла свое призвание, не стоит ей мешать. У нас появится еще одна пара толковых рук в клинике, а это никогда не бывает лишним. Она очень чутко относится к пациентам. Мне кажется, волонтерство сыграло свою роль. Ее психика хорошо переносит такую работу, не смотря на перенесенные травмы. Мозг человеческий так устроен, он не выдерживает личной боли, когда мы чувствуем себя ненужными и беспомощными, но делает нас удивительно выносливыми, дай нам стоящее дело... Девочка справится. Она и с Оксаной очень дружна, я тебе не говорил?

— Нет. Но я этому рада, — заключила Диана.

— А ты? — спросил профессор. — Готова встретиться с ней? С Оксаной? Мы можем заниматься ею коллективно, ты же в курсе.

Диана задумалась.

— Я хочу этого... Но пожалуй подожду еще немного.

— Что с нашим чувством вины? — вкрадчиво поинтересовался профессор.

Она покачала головой.

— Дело в другом. Я хочу, чтобы она сама сделала выбор. Если я ей понадоблюсь, я буду

рядом. Вина... — протянула Диана, будто смакуя само слово. — Павел Николаевич, у меня не осталось ни одного аргумента, чтобы оспорить это чувство. Вы не оставляете шансов.

— Это как в присказке, — пошутил профессор. — Хороший психиатр всегда имеет своего хорошего психиатра.

— Но кто, в таком случае, ваш психиатр? — поддержала она его интонацию.

— Ох, — протянул профессор, снимая очки. — Это мой крест, милочка. Я как беговая лошадь — у меня один вариант в запасе. Если я дам слабинку, меня можно только пристрелить.

Диана понимающе кивнула:

— И поэтому вы всегда впереди...

* * *

Когда он пришел к ней в первый раз, она само собою не реагировала на него.

Во второй и третий тоже. Но уже на пятый — что-то рывкнула, на шестой — огрызнулась.

Он принял это как хороший знак, и поэтому приходил теперь регулярно.

Она знала, что он замешен в ее «позорном спасении». Не скрывала по этому поводу ни презрения, ни яда, давая понять, что никогда ему этого не простит. Но было очень хорошо, если она выказывала ему это в своей привычной манере.

Черт возьми, Ярослав уже кое-что рубил в этой теме!

Оксана не понимала, чего он вообще к ней прилип. Да он как будто и сам не понимал. Ему казалось, он причастен к ее судьбе, что у них много общего. Радовался, что она не погибла, радовался искренне, как за самого себя.

— И сколько ты намерен сюда ходить? — спрашивала она сквозь зубы всякий раз, когда он настигал ее во двореке больницы, во время так называемой прогулки, а в действительности — сидящей и мерзнущей на скамье.

— Сколько надо, — отвечал он с извечной своей беззаботностью.

Только раз она по-настоящему задела его.

Он воодушевленно рассказывал ей о Штатах, о том, что может забрать ее с собой. Быть может это то, что ей нужно, — съездит в Лос-Анджелес, посмотрит, как реально дела обстоят у голливудских звезд и все такое. А может ей просто нужно куда-то сбежать от этого всего, развеяться как следует.

— А ты что, принц на коне? — зашипела, как гадюка. — Пришел меня спасти и увезти за тридевять земель? Или тебе нужна нянька, чтобы слюни тебе подтирать? И ты решил, что нашел такую припадочную, которой больше делать нечего? Думаешь, увезешь меня отсюда куда-то там, и я по век тебе должна? Ты такой типа весь благородный, как священный конь, потому что на коляске? А я? Ты видишь вообще, что происходит? Я самоубийца, я сама инвалид, да — моральный урод! Два инвалида в паре — вот что! Ты этого хочешь? Посмотри на себя, спаситель недоделанный! Самому духу не хватило дело до конца довести, так еще и другим мешаешь! Какого черта ты себя мессией возомнил? Ты мне не нужен! Тебя никто не просил лезть не в свое дело!

Он не имел права обижаться на ее слова, хотя ему и правда запекло.

Ярослав помолчал какое-то время, а потом признался:

— Я сделал ошибку, и осознал это. Ты тоже это поймешь, когда придет время. Но ты права отчасти... насчет няньки... Временами мне нужен кто-то. Я упертый и

самостоятельный, но время от времени нуждаюсь в помощи посторонних, ибо не такой как все, так и есть, мне не нужно об этом напоминать... я это помню каждую минуту своей жизни... И я конечно не принц на белом коне, и даже не конь. Но я могу поехать на высокооплачиваемую работу в любой уголок мира. Я этого хотел, и я этого добился. Пусть я при этом и недоделанный...

Девушка все так же сверлила его злобным взглядом, но Ярославу хотелось верить, что она осознает произнесенные ею слова и ей хоть немного совестно за них.

— Я, знаешь, когда это понял? — продолжал он. — Когда мне исполнилось девять... Это был мой особенный день рождения, во мне тогда все изменилось... Я помню, как мне дали большой кулек конфет, чтобы я угостил ребят в своем детдоме в честь дня рождения. И когда я все раздал, у каждого оказалось только по две конфеты. Только по две! Это что и нет ничего. Только слюнки пустить! Но ведь кулек казался таким огромным! И тут меня поразили две вещи. Первое, что я понял, так это то, что нас, инвалидов, очень много и мы действительно обделены... А второе: если бы кулек с конфетами был втрое больше, то и сладостей досталось бы всем тоже больше! И я задумался, как это можно сделать? Я смотрел на свои две конфеты и понимал, что вот они — проблемы, которые надо как-то решить... Поэтому я, учившийся до этого как все, принялся за свое образование с фанатизмом. Мне нужно было знать и понимать все. Просто все! Математику, английский, географию, химию, физику... Я решил сделать ставку на компьютере, на программировании. Мне нравятся технологии, сам факт того, на что способен компьютер и как далеко мы можем пойти в достижениях. Это и полеты в космос, и строительство, и медицина, и помощь инвалидам, черт возьми! Каких чудес можно наворотить с одной только инвалидной коляской, если заняться ею так, будто она предназначена для самого Хоукинга! Почему никто не сделал еще таких кресел для обычных инвалидов? Чтобы нормально двигаться, не сбивая и не пачкая рук, не напрягая и без того слабые мышцы, и чтобы это кресло выполняло массу задач, не только по перевозке задницы с места на место. А руки и ноги по принципу гаджетов? Это ведь не сложнее, чем айфон! Человек создал искусственный разум, а это... это... сама подумай! — От возбуждения у него заслезились глаза. — Это коррекция нервной системы, позвоночника, мышц... Это — прощай инвалидность в любом ее виде! Для кого-угодно, в каком-угодно возрасте... Еще недавно мы не могли представить, что запихнем весь земной шарик в малюсенькую штуковину с экраном! Ты понимаешь, к чему я веду? Когда понимаешь это, когда есть желание быть причастным к этому, больше не можешь считать себя несчастным, появляется вера, вдохновение, хочется жить, видеть, как мир растет и меняется к лучшему! Хочется наблюдать своими глазами эти волшебные превращения, эти открытия!.. Меня очень впечатляет биография Стива Джобса. Я не уверен, смогу ли доползти до его вершин, но постараться сделать все, что от меня зависит, чтобы стать хорошим специалистом — почему нет? Это большие перспективы. А значит, больше конфет в кулке! А значит, кто-то из инвалидов — уже не обделенный, и он может позаботиться о других. Вот почему я предложил тебе уехать со мной. Не для того, чтобы использовать, и уж точно не потому, что я принц... на драной коляске... Я хочу, чтобы ты видела то же, что я сам мечтаю увидеть! Насладилась жизнью так, как я сам мечтаю насладиться...

Оксана взглянула на него исподлобья, но ничего не сказала.

— Но тебе не обязательно ехать со мной, — заключил парень. — Ты сама должна решить, что тебе делать. Можешь послать меня куда подальше... Я бы, конечно, предпочел, чтобы ты этого не делала, — усмехнулся он. — По крайней мере, хорошенько не помозговав

о том, что я тебе предлагаю. Это не из жалости. Я столько насмотрелся, что делать что-то из жалости в моем случае... Но я могу предложить тебе свою дружбу и поддержку, так почему же мне этого не сделать? И зачем тебе отказываться? И кстати, я могу остаться здесь, подождать, пока у тебя все наладится.

Они какое-то время молчали, изучая мрачный зимний пейзаж из обветшалых клумб и кустарника, не было слышно ни шороха, все пространство замерло как будто его поставили на паузу, но наконец девушка спросила, очень тихо:

— Правда?

— Ну да, — ответил он.

— Почему?

— Ну, во первых, я ничего не теряю, — со вздохом объяснил Ярослав. — Приступлю к работе позже. Виза открыта, вакансия тоже. В конце концов, имею право передумать — и никуда не поехать, здесь моя голова тоже нужна, и платят хорошо. Господи, кто-то же должен создать это чертово супер-кресло для инвалидов! Так почему не я? Почему не здесь? Ну и конечно... из-за тебя тоже... А что тут такого? Я слишком хорошо знаю, в каком аду ты побывала... И хоть ты в это не веришь, но у тебя есть собственный огромный кулек с конфетами. Ты слишком недооцениваешь себя, но это однажды пройдет. У меня же прошло. Я помню как это было, и помню, как прошло. А у меня не работают от рождения конечности, и меня бросили как щенка поганого мои собственные предки. Сама посуди, я заметно в проигрыше, у тебя больше бонусов. Но тем не менее я тут, с тобой, и это я рассказываю тебе, какая ты особенная, а не наоборот.

— Зачем ты говоришь, что я особенная, — спросила она, снова отрешенно уставившись в пространство напротив.

— Потому что ты особенная! — пылко выкрикнул юноша. — Ты бунтарка! Ты не хочешь играть во всеобщую игру для дураков, — заключил Ярослав с видом опытного знатока. — Готова даже пострадать из-за этого.

Оксана не стала возражать, напротив, повернула к нему голову и посмотрела так, словно хотела убедиться, что он не врет.

Парень заметил это и продолжил:

— Могла бы, наверное, как и все. Но не хочешь. Что-то есть в тебе... что-то, что идет против матрицы... Только тебе нужен подходящий человек рядом. Тот, кто понимает тебя.

— Это... ты, что ли? — она пожирала его глазами.

— Не знаю. Все может быть, — повел плечом Ярослав. — Почему бы и нет?

Оксана отвернулась и в этот раз молчала особенно долго, разглядывая свои ладони. Ярославу даже показалось, что больше она ему так ничего и не скажет, что ему просто придется уйти, как обычно, не услышав ни звука на прощание.

Но потом она спросила:

— Ты правда можешь отказаться от всего и... остаться тут... со мной?

— Я же сказал.

— А ты не передумаешь? — тихо всхлипнула девушка.

— Надеюсь, не придется, — грустно засмеялся парень.

Оксана впервые посмотрела на него глазами, наполненными не ненавистью, а надеждой.

Вот тогда он и понял, что им точно есть за что побороться...

Эпилог

Снег наконец прорвался сквозь висящие над городом тучи. Холодные дневные сумерки наполнились светлой праздничной суетой, кружащееся в воздухе конфетти выманило на улицы даже самых отъявленных домоседов, напомнив о предстоящих зимних праздниках и внушив ни с чем несравнимое чувство радостного предвкушения.

Ярмарочные городки устраивали веселые распродажи, слышалось многоголосое праздничное пение, готовился горячий глинтвейн, глашатаи заманивали покупателей в сувенирные лавки, а туристы все так же толпами шествовали по усыпанной снегом брусчатке, вовлеченные в неусыпную романтику Львова.

Последний день аренды офиса. Диана протяжно вздохнула, отошла от окна и неторопливо опустилась в кресло. Осмотрелась. До чего приятное место. Сколько помнят эти стены.

Когда дойдут руки до ремонта ее собственной квартиры, может, сделать стены как здесь — под кирпич? Ей будет не хватать этого.

Как скоро она перестанет думать, что в самом сердце города есть место, где она может спокойно поработать... или помедитировать, улыбнулась женщина. Как скоро отвыкнет звенеть ключами в кармане, проходя где-то рядом?

А если все таки удастся найти спонсоров или подвернется новое исследование? Но офис уже будет занят. Конечно будет, в этом можно не сомневаться.

Диана вспомнила, как впервые вошла сюда. Это оказалось настоящим сюрпризом — идеальное место для сеансов. Атмосфера настолько располагающая, ничего общего с типичным представлением про офис. Она не замечала, как летело время за работой, ей казалось, что она дома. Кофе всегда под рукой, диван что надо. Можно было никуда не выходить целыми сутками, главное запастись бутербродами. Целый отдельный мир. Лаборатория души.

Если бы она была писателем, непременно нашла бы себе такое местечко и писала бы беспрерывно, с упоением. О чем? Без разницы!

Только перешагнув порог, она сразу же позвонила Степе и велела ему немедленно явиться по этому адресу. Он был впечатлен не меньше, когда приехал. Отказаться от такого места было бы настоящей глупостью. Оно словно создано для работы с подсознанием. Рента высокая, но как-то справимся — без конца подмигивал ей возбужденный Степа. А когда договор с риелторской конторой был подписан, он схватил Диану за талию и закурил по комнате, напевая придуманный на ходу гимн победы.

Ей нравилось с ним работать здесь все три года...

Она вертела в руке связку ключей. Большая связка, тяжелая. Два ключа от квартиры, один от ее личного офиса, и два от этого. Надо бы уже решиться и снять их. Один из ключей, самый длинный и массивный — от английского замка. У Степы имелся свой дубликат, пару раз она видела как он открывает им пиво. Второй ключ — поменьше, форма другая, но тоже массивный.

Нужно приготовить чашку кофе, подумала она и пошла на кухню. Она выпила много кофе до этого, заедая грусть шоколадными конфетами, — но это другое. Еще одна чашечка кофе. Не спеша ее выпить, по глоточку, завершить прощание маленьким приятным обрядом. А уж потом собрать все свои кружки, чайники, книжки, пакетики... Заказать такси...

На входной двери прозвенел звонок. Диана вздрогнула. Чайник даже не успел закипеть.

Она разочаровано поглядела на часы. Риелтор приехал слишком рано...

Она даже не побеспокоилась взглянуть в глазок, настолько была опечалена и ни секунды не сомневалась, что это новые хозяева офиса.

Поэтому удивилась, увидев странное существо, представшее перед ней. Наверное просто ошиблись адресом. Девчушка, на вид около семнадцати. В больших темных очках, практически полностью скрывающих ее лицо. Худые плечи утопали в темном широком пальто, ноги как спички. Шагнув ей на встречу, девушка улыбнулась и стянула с головы шапку. Светлые волнистые пряди мягко обрамляли теперь ее лицо.

— Здравствуйте, Диана. Впустите своего нового клиента?

Диана замерла от неожиданности. Откуда девчонка знает ее имя, обращается к ней так, будто они знакомы тысячу лет. И почему назвалась клиенткой, не пациенткой?

Девушка продолжала улыбаться:

— Потому что меня не нужно лечить, — сказала она, словно прочла мысли женщины.

Диана продолжала удивленно смотреть на нее, не зная, что ответить.

— Риелтор сегодня припозднится, — уверила ее девушка. — Вы зря беспокоитесь, ваше место никто не занял.

— Так вы от риелторской конторы? — спросила Диана.

— Я же сказала, — повторила девушка, — я ваша новая клиентка.

— Все мои пациенты приходят по записи, — попыталась ни то пояснить, ни то пожуричь ее Диана. — И не сюда.

— Такой как я записи не нужны, — снова как ни в чем ни бывало уверила ее девушка. — Я же говорю, я не пациент. Хотя, если вам так хочется, пускай.

— Я не готова сейчас консультировать — ответила Диана, продолжая внимательно изучать странную молодую особу. — Запишитесь ко мне в офис, если вы хотите поговорить...

— Диана, вы впустите меня наконец? — решительно перебила ее девушка.

И Диана перестала возражать, неожиданно для себя самой заключив, что девушка права, было бы неплохо еще немного побыть психологом в этих стенах.

И все же она в последний раз принимает кого-то с улицы. Нужно приучаться быть строгой, не уступать всем подряд, ведь она не бабка-советчица, она профессиональный психолог. Плохо, что приходится себе это напоминать.

Девушка чему-то засмеялась, проходя в помещение.

У Дианы снова возникло смутное чувство, что ее мысли написаны просто у нее на лице.

Девушка прошла в центр комнаты, сняла пальто, небрежно бросила его на спинку кресла, затем уютилась в нем и сложила руки на коленях.

Электрочайник к тому моменту успел закипеть, Диана добавила в прессинг еще одну порцию молотых зерен и залила кипятком. Надо же, как вовремя, мельком подумала она, приди девушка на две минуты позже, пришлось бы заваривать кофе сначала.

Вот она уже поставила две небольшие чашки на столик и присела на диван напротив девушки, отметив, что обычно было все наоборот — это она садилась в одно из кресел, а пациенты на диван.

— Благодарю, — сказала девушка, беря чашку изящным жестом. Бархатные черные перчатки обтягивали ее длинные пальцы. Она даже не потрудилась их снять.

Диане показалось, что она так долго и пристально вглядывается в чашку сквозь очки, словно хочет заставить кофе забурлить или взмыть волной прямо в воздух.

Может еще заявит сейчас, что кофе какое-то не такое?

Девушка снова чуть слышно засмеялась.

Чем дальше Диана смотрела на нее, тем труднее было отвести глаза, хоть и трудно было определить, какие чувства вызывает в ней эта юная особа: желание понять причину столь откровенной странности или резко выставить вон, чтобы не отбирала у нее время?

Девушка сделала маленький глоток кофе и показалась вдруг чрезвычайно серьезной.

— Я хочу предложить вам новое исследование. — Она поставила чашку к себе на колени и посмотрела на женщину.

Диана какое-то время молчала, получив в свое распоряжение еще одну неожиданность от девушки. Поразмыслив, спросила:

— Вы знакомы со Степаном?

Девушка пожала плечами:

— В какой-то степени да. Он тоже пил из этой чашки.

Диана снова не знала, что сказать. Ей хотелось увидеть глаза собеседницы, но что-то подсказывало, что если она не сняла очки до сих пор, то просить ее сделать это не имеет смысла.

— Всею свое время, — тихо проронила девушка, но Диана не поняла, что она хотела этим сказать.

— Почему вы думаете, что меня может заинтересовать... как вы говорите — исследование? — спросила женщина.

— Я могу ошибаться. Вы можете и отказаться, если захотите, — заметила девушка резонно.

Диана кивнула, но в действительности этот разговор начинал ей порядком надоедать.

Какой-то дурацкий диалог в стиле: «По чем яблоки?» — «Сладкие».

Они продолжали сидеть друг напротив друга.

Нужно хотя бы как-то спровадить незваную гостью, что ли...

— Меня зовут Влада, — сказала девушка, все так же глядя на нее через темные линзы. — Я, если вы еще не поняли, могу читать ваши мысли.

Диана снова почувствовала себя так, словно ее пришибли без предупреждения. У этой особы редкостный дар вводит собеседника в когнитивный диссонанс. Но скорее всего это не дар, поправила себя Диана, а болезнь...

— Возможно, — печально констатировала девушка, будто и правда ответила на предположение психолога. — Тогда бы эта проблема могла быть разрешимой. Ну или на это можно было бы надеяться. Но это не дар. Это, в моем представлении, самое настоящее проклятие...

— О чем вы говорите? — спросила Диана неожиданно резко. И сразу же одернула себя. Непростительно разговаривать так с клиентом... Господи, какой еще клиент? Зачем она ее так называет? Это непойми кто, заявила сюда неизвестно с какой целью, а она должна сидеть и выслушивать ее бредни? Всею есть придел, забывать об этом — вот что непростительно.

Но девушка снова улыбнулась. И продолжила:

— Когда я сказала, что не нуждаюсь в предварительных записях, я не имела в виду, что считаю себя выше других. Я здесь с деловым предложением. Его я уже озвучила.

— Я не понимаю, с чего вы взяли, что я нуждаюсь в таком предложении. Пусть бы и так, но что вы способны мне предложить? — Диана сделала несколько глотков кофе, что

позволило ей подавить прилив раздражения.

— Хорошо, — кивнула девушка, — начну сначала. Я умею читать мысли. Кроме этого слышу о чем говорят на расстоянии, могу двигать предметы усилием воли. Перчатки на моих руках не из-за погодных условий. Я ношу их и летом. Иначе, стоит прикоснуться к какому-либо предмету — я знаю всю его историю... Я надеюсь когда-нибудь научиться управлять этим всем, но пока вынуждена защищаться хотя бы на таком уровне. Очки нужны, чтобы не читать людей, как открытую книгу. Хотя нет, последнее сравнение какое-то неточное, еще и шаблонное. Не читать, а смотреть. Как фильм, а еще точнее — как открытый файл с изображениями и целым спектром эмоций. При этом я не сумасшедшая!

Диана вдруг услышала свой вздох, слишком громкий и слишком напоминающий облегчение.

Клиника...

Ну, теперь все становится на свои места. Возможно она уже встречалась где-то с этой девушкой, когда работала при университете... Или в каком-то исследовании, в котором та принимала участие. Оттуда вероятно она и знает ее со Степой...

Но затем послышался еще один вздох. И в этот раз он принадлежал юной особе, и означал ничто иное, как проявление недюжинного терпения.

— Ладно. Давайте от слов к делу. А то мне самой надоело топтаться на месте. К примеру, вот это кофе... — На какой-то миг девушка умолкла, сделала последний глоток и поставила чашку на столик. Она, казалось, о чем-то сосредоточенно раздумывает. Затем продолжила: — Из чашки пило много людей, поэтому я про нее говорить не стану, а вот кофе... — Она засмеялась. — Этот беззубый мальчишка, что подносит зерна для обжарки такой смешной. И такой смысленный. — Затем голос ее наполнился сочувствием: — Восемь лет, а уже горд тем, что может работать, кормить семью... Но ему повезло с характером. Такой не пропадет, ко всему относится легко и с юмором. Ему бы в комедии куда-то... Но вам это скорее всего не интересно, вы не знаете, о ком я говорю... Ну, хорошо. Кофе из Бразилии. Вы купили его не там, где покупаете обычно. Но в этот раз вам было не по пути, вы спешили сюда, и поэтому зашли в тот магазин, что встретился по дороге. У продавщицы в волосах была белая заколка бантиком. Вы смотрели на эту заколку и думали о том, что инфантильность — это пожалуй не только попытка избежать ответственности, а еще и способ сохранить в себе что-то невинное, светлое, благодаря чему жизнь не гаснет от разочарований, как отработавшее свое лампочка. Что психика умеет защищаться сама, она лучше знает, как это делать, если ей не препятствовать. Вот только не ясно, в какие моменты помощь становится препятствием, а препятствие — помощью.

Трудно было определить, какая эмоция на лице Дианы преобладает больше: изумление или недоверие.

— Ну, предположим, — сказала она, сухо сглотнув, — вы могли видеть меня в этом магазине, заметить, что я смотрю на эту заколку... каким-то образом догадаться, что, как психолог, я могла выстроить мысленный ряд в таком порядке.

— Тогда давайте обратимся к более простому решению, — отозвалась девушка. — К прочтению ваших мыслей сейчас.

— Сейчас? — почему-то насторожилась Диана.

— Конечно, — ответила девушка.

И как ни странно из головы Дианы в этот момент улетучились все мысли. Пугливая стайка воробьев!

Девушка засмеялась. У нее был на удивление приятный, мелодичный смех, как будто звенел колокольчик.

— Вы не сможете меня испытать, ни о чем не думая!

Диана напрягла воображение. Интересный аспект: стоит кого-то попросить открыть свои мысли, как они тут же захлопываются. Следует попозже рассмотреть этот процесс детальнее.

Она постаралась расслабиться и начала думать о простых вещах, о событиях, что произошли недавно.

Девушка смотрела на нее какое-то время, словно изучая, а потом с удивлением заметила:

— Ну как можно было не догадаться, что это кот? Он ведь искал еду. Перевернутое мусорное ведро, открытые шкафчики на кухне... и в прихожей он тоже рыскал именно в поисках еды, и даже по вашему компьютеру гулял в поисках съестного... Кабель перегрыз от безделья. Сидел за тумбочкой, а вы его не замечали. Взял и перекусил провод. Ему врезало небольшим разрядом, он забился под мойку в кухне, а вы даже не решились пойти проверить... убежали из дома! — Девушка хихикнула. — Какой ненасытный бродяга. А теперь вы его еще и приютили — шалуна! К тому же он посещал не только вашу квартиру, пользуясь плохо закрывающимся окном. Но ваша соседка, что живет напротив, сразу поняла, что к чему, она доставала его из шкафов — и выдворяла в подъезд.

Диана выдохнула:

— Так значит она и рассказала вам про кота. Я не знала, что он хулиганил где-то еще, и что наша с ним история стала всем известна.

— Нет, — покачала головой Влада. — Кроме вас, Степана, а теперь еще и меня, про эту историю с котом никто не знает... Привидения так себя не ведут. Они не рыскают в поисках еды... Хотя, откуда вам знать, как они себя ведут. Просто вам хотелось верить, что это привидение... Как-то опровергнуть то поверье, что самоубийцы попадают в ад, что они вынуждены тысячу раз убивать себя снова и снова и все не могут вырваться из этого круга... Все так и есть, но немного по-другому. Никакого ада, специально отведенного места, вроде тюрьмы, нет. Ад находится прямо в той жизни, в которую вовлекает себя человек. У Цоя есть эта цитата в песне: «Нет страшнее тюрьмы, чем в голове». Повторяющееся страшное событие, так называемое проклятие — это череда жизней, в которых все снова будет идти по накатанной. Я имею в виду карму. Но вы уже догадались. Вы верите в реинкарнацию, хоть это и не научно, просто вам хочется, чтобы ваш друг, который убил себя, не бродил неприкаянным духом между пространствами, а родился снова, и в этот раз намного успешнее...

Диана совсем опешила. Ее губы невольно задрожали. Как?.. Откуда эта особа столько о ней знает? Вещи, о которых она никогда, ни одной душе... Эта девушка просто какой-то...

— Маньяк? — спросила Влада.

Диана молчала.

— Ну что ж, справедливо, — продолжала девушка, — если кто-то знает о тебе столько личного, то одно из двух: либо перед тобой чокнутый фанат-преследователь, либо медиум. Да, в первое поверить легче, отлично вас понимаю. И все же я, увы, не маньячка, а человек, наделенный необычными способностями. Однако не считаю их талантами. Чтение мыслей — самое простое из всего набора.

Диана с новым интересом разглядывала свою гостью. И у нее по-прежнему нечего было

сказать.

Но девушку это не смущало.

— Ой, вы взяли такую скорость... Ваши мысли сильно путаются. Не волнуйтесь так... по прошествии времени вы привыкнете с таким явлением. И не исключено, захотите его изучать... Знаете, почему такой большой процент женщин под гипнозом вспомнили насилие, которое в реальности не было подтверждено? — С непринужденной легкостью осветляла такие сложные вопросы юная особа. — Насилие бывает разным... Вы уже приблизились к этому пониманию, когда к вам попала Яна... И... Оксана... Да и все прочие тоже... Люди приходят к вам с изнасилованными душами, с изнасилованной психикой... А еще, — печально заметила Влада, — вы не учли опыта прошлых жизней... Память о насилии сохраняется в ментальном слое, ненароком затронув эту память, вы получали полную слез исповедь, которая как перископ отражает то, чего в нынешней жизни не происходило... Что еще?.. Вы зря переживали за того мужчину, он просто все понял, с первого раза все понял, взял себя под контроль... вы дали ему... резинку?... он до сих пор ее носит... Он о вас думает, и однажды придет с благодарностью, просто пока еще не решился...

— Это... это что-то невероятное, — пробормотала Диана.

— Согласна с вами полностью, — кивнула девушка. — Если хотите я сниму для вас очки..

— Нет, если это доставляет неудобство...

— В данном случае нет никаких неудобств. На вас приятно смотреть. К тому же я уже видела вас без очков, иначе бы не пришла сюда.

— Как же это? — вопрошала Диана, немея от потрясения.

— Я заметила вас на улице. Вы так светились и сияли на солнце, что это было видно сквозь очки. Я остановилась, мне захотелось вас рассмотреть. Аккуратно сняв очки, я только взглянула мельком и сразу поняла, что вы именно тот человек, которого я ищу. Вы, что называется, на своем месте, Диана. Ваша аура, как прекрасный цветок, состоящий из великолепных оттенков, переходящих друг в друга, как на живой палитре. Вы излучаете энергию, которую я бы назвала миссией. Это действительно так, вы спасаете людей, делаете для них так много, сами того не сознавая. Все потому, что вы любите их. По-настоящему. Мало кто на это способен. Но ваш опыт прошлых жизней привел вас к этой безграничной любви. Единственное, что вам следует принять: если кого-то не удастся спасти — в том нет вашей вины. У людей, как вы знаете, есть своя дорога — это путанные лабиринты личных выборов. Как говорят мудрецы, ты можешь привести коня к водопою, но ты не заставишь его пить...

И сразу после этих слов девушка сняла очки.

Психолог ощутила дрожь во всем теле. То, что ей доверили эту необыкновенную тайну, волновало само по себе. Слова девушки вызвали недоумение, несмотря на то, что все ее признания звучали глубокомысленно и серьезно. А это нежное лицо, будто кукольное, и такие поразительные глаза! Диане раньше никогда не доводилось видеть таких глаз. Она с трудом сдержала вскрик изумления.

Что за цвет? Не просто темно синий, нет, ближе к... фиолетовому! Неужели это не линзы?

Девушка покачала головой.

— Нет, не линзы. А цвет — сочетание красного и синего. Он неоднородный, но если обобщить, больше всего напоминает фиолетовый, вы правы.

Фиолетовый... С мерцанием... Разве такое возможно? Неужели она спит? Диана почувствовала, что у нее закружилась голова от прямого взгляда этих глаз, но не могла оторваться от них. Еще это бледное личико напомнило ей... героиню аниме! У них такие же выразительные черты лица и просто невозможные глаза.

Влада улыбнулась и Диане стало неудобно за такое сравнение, и вместе с тем страшно и досадно оттого, что ее мысли... ее мысли считываются этим странным существом как бегущая строка на экране!

— Нет, не совсем так, — сказала девушка. — Интересное предположение, но никакой строки нет, я скорее чувствую, нежели читаю то, что вы думаете. Я могу видеть некоторые образы, даже себя со стороны — вашими глазами. Все это напоминает сильный эмоциональный фон, который на мгновение становится моим... Нет, эмпатия подразумевает общение, а я этого избегаю... Что? Сенсорное восприятие?.. Построено на контакте. Тут ближе депривация, да и то как следствие... Не знаю, возможно вы найдете этому объяснение со временем... Но вы не торопитесь, не пытайтесь что-то понять. Вы не обязаны. У вас еще будет время, если захотите, рассмотреть природу этих способностей... Да, я изучала психологию, не так как вы, но многое прочла, надеясь докопаться до сути... Использовала самогипноз... Конечно, результаты были. Но не такие, как мне надо. Я не нашла вразумительных объяснений... Сами знаете, ну или как минимум догадываетесь, что психиатрия пытается объяснить природу таких вещей давно, ведь ничего нового в этом на самом деле нет, однако все находится под строжайшим секретом... да и результатов кот наплакал. Вот и подумайте. У вас может быть свой подопытный кролик. И, кто знает, может вместе мы все же докопаемся до сути таких аномальных явлений, как телекинез, психометрия, ясновидение и прочее... Пусть вас не пугают эти слова... Нет, кто-то другой не подходит лучше вас, уж вы мне поверьте, Диана. А за офис не волнуйтесь, он останется при вас. Вы справитесь... Вы именно тот человек, что нужно...

Больше книг на сайте - Knigolub.net